

Рышард
Назаревич

**ВАРШАВСКОЕ
ВОССТАНИЕ**

1944 ГОД

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1944 ГОД

Рышард Назаревич

5010

МОСКВА · ПРОГРЕСС ·

Ryszard Nazarewicz

**Z PROBLEMATYKI
POLITYCZNEJ
POWSTANIA
WARSZAWSKIEGO**

1944

WYDAWNICTWO MINISTERSTWA OBRONY NARODOWEJ,
WARSZAWA, 1985, WYDANIE II (POPR. I ROZSZERZONE)

Рышард Назаревич

Алекс. Богуславский

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

1944 ГОД

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Общая редакция
и послесловие *И. СОЗИНА*

МОСКВА • ПРОГРЕСС • 1989

**ББК 63.3(4П)
Н19**

Перевод с польского *М. Ф. Зубкова*
Редактор *Э. В. Расшивалова*

Назаревич Р.

Н19 Варшавское восстание. 1944 год: Пер. с пол./Послел.
и общ. ред. И. Созина. — М.: Прогресс, 1989. — 232 с.

В книге известного польского историка рассматриваются политические аспекты Варшавского восстания 1944 г.

Автор, опираясь на обширный, в том числе новый документальный материал, дает четкую картину этого сложного и трагического события в истории польского национального движения в годы войны, которое разоблечило истинные классовые устремления польской буржуазно-помещичьей верхушки в эмиграции и в оккупированной стране, лишило ее авторитета в народе. В книге дана также аргументированная отповедь попыткам использовать тематику Варшавского восстания для фальсификации истории советско-польских отношений.

Н $\frac{0503030000—301}{006(01)—89}$ 43—89

ББК 63.3(4П)

© Copyright by Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, Warszawa 1980.
Wydanie II (popr. i rozszerzone) 1985.

© Перевод с польского и послесловие издательство «Прогресс», 1989.

ISBN 5—01—001634—6

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Варшавская драма 1944 года глубоко запала в память польского народа, она вновь и вновь возвращается, и долго еще будет возвращаться на страницы газет, журналов и книг, на экраны кино и телевидения. Никогда не забудут ее не только непосредственные участники — она вызывает огромный интерес у молодых поколений поляков. Боевые дела повстанцев Варшавы и мученичество ее жителей нашли в Польше широкое отражение в тысячах опубликованных воспоминаний, в художественной литературе, в научных трудах и в искусстве.

Варшавское восстание стало особым событием в истории борьбы за освобождение Польши от гитлеровской оккупации как благодаря высокому мужеству его бойцов и гражданского населения, так и вследствие огромных человеческих и материальных потерь. Борьба героев восстания, запертых в стенах своего города, сражавшихся в неравной схватке с вооруженными до зубов варварами, их самоотверженность в бою и высочайшее самопожертвование (а среди них было много молодых), превзошли границы человеческого воображения, став одной из славнейших страниц истории Польши.

Даже политические противники Польши в своих оценках не могли не отдать должное и не склонить головы перед героизмом и мученичеством варшавских повстанцев сорок четвертого года. В целом польское общество довольно хорошо осведомлено о восстании.

Однако хуже обстоит дело с более глубоким знанием конкретных обстоятельств, исторических фактов, связанных с началом восстания, подлинных мотивов действий его руководителей. Здесь остается еще множество «белых пятен» и домыслов, которые с особой остротой проявились в последнее время.

Огромны даже по глобальным меркам масштабы героизма, масштабы трагедии столицы Польши, а также непосредственное участие трех великих держав, особенно СССР и его армии, освободившей Польшу, в событиях, связанных с Варшавским восстанием, велик интерес к нему историков не только польских, но также

и из других стран, нашедший отражение во многих научных публикациях, публицистике, воспоминаниях и т. д.

После первого издания этой книги Издательством Министерства национальной обороны ПНР в 1980 году прошло несколько лет, важных и необычно трудных для польского народа и Польши, и эти годы не благоприятствовали разумной дискуссии о прошлом. Острая борьба вокруг будущего Польши захватила и сферу исторического общественного сознания. Историю, в особенности новейшую историю, противники социализма попытались превратить в своего рода арсенал идеологического оружия, используемого для борьбы с социалистической Польшей. При этом использовались и многие недоговоренности и пробелы в нашей историографии, в особенности в школьных учебниках, где ранее часто обходились вопросы, признававшиеся противоречивыми и «чреватými». Образовавшиеся вследствие этого «белые пятна» заполнялись тенденциозной антикоммунистической и антисоветской интерпретацией прошлого, в чем важную роль сыграли западные радиостанции, вещающие на польском языке. Под лозунгом «очищения истории от лжи» эксгумировались и шли в ход легенды, мифы и фальшивки, собранные за десятилетия. В них открыто обвинялись как СССР, так и польские революционные власти, что они, дескать, злонамеренно не захотели оказать помощи восставшим и, сложив руки, ожидали, когда гитлеровцы расправятся с сотнями тысяч варшавян, уничтожат город. Они обвинялись также в том, что якобы подстрекали поляков к восстанию, а когда оно началось, наступление Красной Армии было приостановлено на подступах к городу, чтобы руками немцев «задушить» нежеланное для советского руководства польское правительство; якобы советское командование заранее знало о замысле восстания и выслало своего представителя в штаб Армии Крайовой (АК) * в Варшаве, а десантная операция 1-й армии Войска Польского в помощь восставшим была проведена генералом Берлингом вопреки воле советского командования; якобы польское правительство в Лондоне и главное командование АК занимали позитивную позицию в отношении СССР и делали все возможное для достижения боевого взаимодействия с Красной Армией, но до этого не дошло по вине советской стороны; якобы оставшиеся в подполье некоторые части АК не поднимали оружия в тылу Красной Армии и Войска Польского и все меры против них были незаконны и несправедливы; якобы помощь Варшаве с воздуха западными державами была ценной, а советская помощь пришла поздно и оказалась неэффективной и т. д.; якобы Великобритания и США испытывали большую симпатию к Польше и готовы были сделать все, чтобы помочь сражавшейся Варшаве, но только Советское правительство противилось этому.

* Подпольная военная организация польского эмигрантского правительства на территории оккупированной Польши. — *Здесь и далее примечания, отмеченные «звездочкой», сделаны переводчиком.*

Эта кампания была направлена на реабилитацию давно скомпрометировавших себя и отвергнутых народом буржуазных и антисоциалистических группировок. Как несгибаемых борцов за «истинную независимость» пытались представить политиков, которые довели Польшу до международной изоляции, до наиопаснейшего в ее истории поражения, обелить тех, кто, стремясь к власти любой ценой, привел к величайшей трагедии Варшавы, обратил во зло огромный патриотический порыв варшавян. Одновременно ответственность за роковые итоги таких действий старались переложить на польские левые прогрессивные силы во главе с Польской рабочей партией и Советский Союз, старались замолчать и приуменьшить их роль в освобождении Польши от фашистской оккупации, в установлении ее справедливых границ, чтобы она заняла достойное место в мире.

В огне идеологической борьбы марксистская историография, и польская, и советская, несомненно продемонстрировала значительные достижения. Вместе с тем обнаружились и ее слабые места. Во многих работах Варшавское восстание освещалось однобоко, поверхностно, в упрощенном виде. Замечались главным образом его негативные стороны, настроенность его предводителей против народной власти в Польше и против СССР, их стремление к расколу антигитлеровской коалиции. В советских работах не нашла должного отражения позиция Польской рабочей партии, которая с самого начала правильно оценила двойственный характер восстания: народного и антифашистского с точки зрения его борцов и варшавского люда, реакционного по замыслу и безответственного по исполнению со стороны предводителей восстания и других сил, стремившихся к власти любой ценой. Не всегда отмечалось углубляющееся расслоение в рядах сторонников польского эмигрантского правительства и Армии Крайовой, нарастание среди них прогрессивных, реалистических тенденций.

Довольно поздно и пока не в научных исследованиях, а в мемуарах, прежде всего С. Штеменко, были освещены настоящие причины неудачного наступления Красной Армии летом 1944 года в целях освобождения Варшавы и остановки советских частей на подступах к ней; до сих пор не названа точная численность погибших советских солдат, потеря при попытках обходного маневра, при освобождении правобережной части Варшавы — Праги и других боевых операциях, предотвративших угрозу физического уничтожения польского народа от рук гитлеровцев.

До сих пор не удалось дать полного и убедительного объяснения, почему, например, Сталин в целом негативно оценил варшавское восстание, как «авантюру», и почему частично переменял эту оценку 9—10 сентября 1944 года; причины отсутствия согласия советской стороны на челночные полеты американских самолетов для сбросов помощи Варшаве и согласия, данного на это 9 сентября, известны только по воспоминаниям Н. Никитина. Кем был офицер Красной Армии, посланный в середине августа для установления

контакта с Варшавой, и каковы результаты его миссии? Требуют разъяснения также причины негативного отношения советской стороны к солдатам и офицерам АК и повстанцам, переправившимся через Вислу, которые не намеревались выступить и не выступали против Красной Армии, причины их заключения в лагерях в течение нескольких лет после окончания войны и их действительное число; содержание радиопереписки между штабом восстания (АК) и штабом 1-го Белорусского фронта.

Главной причиной этого, по мнению автора, является недоступность тех архивов, где можно найти ответ на эти вопросы, нежелание тех, кто распоряжается архивами польскими и советскими и, ссылаясь на «государственную тайну» спустя почти полвека после окончания войны, не хочет открыть их, чтобы использовать для опровержения публичных обвинений и клеветы, для восстановления исторической правды, какова бы она ни была. Бюрократизм, таким образом, помогал противникам социалистической Польши и Союза Советских Социалистических Республик захватить монополию на интерпретацию всех трудных проблем и внедрять свой взгляд на вещи в сознание довольно значительной части польского, и не только польского, общества.

Автор вполне осознает то, что и ему не удалось прояснить в настоящем издании многие «белые пятна», слабые места нашей историографии. Качество аргументации и ее способность отстоять историческую правду вопреки злостной антикоммунистической пропаганде могли бы оказаться более полными и убедительными, если бы удалось разъяснить многие вопросы, которые до сих пор остаются без надлежащего ответа.

Все это определяет необходимость дальнейшего углубленного изучения многих вопросов, в особенности тех из них, лживая интерпретация которых нанесла немалый вред формированию общественного сознания. К тому есть важные, обнадеживающие предпосылки, прежде всего в деятельности совместной комиссии ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, основанной в соответствии с Декларацией о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, подписанной 21 апреля 1987 года М. С. Горбачевым и В. Ярузельским. Она приступила к рассмотрению многих сложных проблем (так называемых «белых пятен») совместной истории, в намеченном ею плане работ по определенным направлениям нашлось также место и вопросам Варшавского восстания.

* * *

Основой настоящего русского издания (в Польше 3-его) является 2-е польское издание книги, выпущенное в 1985 году, в которое был внесен ряд уточнений, а также дополнений. Оно снабжено также двумя картами.

Также как и в предыдущих польских изданиях, основным содержанием настоящей публикации являются политические проблемы, связанные с Варшавским восстанием, а военные, общественные, правовые и другие рассматриваются здесь лишь постольку, поскольку они связаны с основной темой. Поэтому не следует также ожидать от данной работы широкого и пропорционально равного освещения таких основополагающих вопросов, как подробный ход боев повстанцев и советских и польских частей с немцами на берегах Вислы, их героизм и огромные потери, страдания варшавян, преступления, совершенные по приказу главарей гитлеровской Германии. На эти темы написано уже значительное число работ. Но даже в работе, ограниченной строго определенной тематикой, не претендующей на охват всех вопросов, стремящейся открыто и без оговорок поднять наиболее трудные и болезненные из них, в полном блеске должны встать величие и героизм повстанцев, советских и польских воинов, гражданского населения — тех, кто заплатил самую высокую цену за свободу «вашу и нашу».

17.7.88

Р. Назаревич

ВВЕДЕНИЕ

В результате сентябрьского поражения 1939 года и гитлеровской оккупации польский народ оказался не только перед лицом утраты независимости, но и перед угрозой полного физического истребления. Опасность, грозящая нации и вытекающая из нее объективная необходимость сплочения в борьбе за национальное освобождение как бы отодвинули на второй план и «на потом» существующие классовые противоречия, ибо главенствующим стал вопрос о дальнейшем существовании народа. Однако выяснилось, что способность отдельных классов и политических группировок поставить общенародные интересы выше собственных была разной.

Классовые и национальные интересы совпадали полностью лишь у наиболее прогрессивных общественных слоев: пролетариата и других простых тружеников. Имущие же классы оказались — как и в прошлом, когда Польше угрожала потеря независимости, — неспособными отказаться от своих привилегий ради народа. В итоге наблюдалась мозаика целей, программ, политических и военных концепций, провозглашенных отдельными группировками. Отсюда разными были установки на выбор методов и форм борьбы с оккупантами, отношение к союзникам Польши, выбор задач для освобождения Польши.

Многие считали единственно верным путем — вооруженное восстание против гитлеровцев, всенародный освободительный порыв. Идея должна была упасть на благодатную почву, ведь восстания вписаны славными страницами в прошлое польского народа: восстание под предводительством Костюшко, ноябрьское восстание 1830 года, январское восстание 1863 года, революция 1905 г. («четвертое восстание»), восстания в Великопольше и в Силезии (1918—1921 гг.)*.

* Национально-освободительное восстание в Польше в 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко.

Ноябрьское восстание 1830 г., январское восстание 1863 г., «четвертое восстание» 1905 г., восстания в Великопольше и Силезии — крупнейшие вооруженные выступления в Польше, направленные на достижение ее государственной независимости и территориальной целостности против держав, осуществивших разделы Польши: прежде всего России и Германии.

Поколение, воспитанное в традициях борьбы за свободу родины, чьим уделом вновь стала необходимость освобождения нации от неволи, рождало разнообразные планы борьбы с оккупантом, включая вооруженное восстание. Интересы, политические устремления и намерения того или иного класса, группировки являются основой для любого вооруженного действия и любого восстания, а значит, и Варшавского восстания 1944 года. Отсюда такое разнообразие предложений о характере военно-политического центра, коему предстояло взять на себя руководство восстанием, методах его подготовки, о территориальном охвате, численности вооруженных сил. Шли споры, на какие общественные слои следует опираться в восстании, каков наиболее благоприятный момент для восстания и как согласовать его с действиями регулярных союзных армий.

Исключительное сплетение внутренних и внешних факторов, где решающую роль сыграло обострение классово-политических противоречий в польском обществе накануне освобождения, усилившаяся борьба за власть обусловили то, что ни один из планов восстания не был осуществлен. Восстание в Варшаве 1 августа 1944 г. было поднято в порядке поспешной импровизации, предпринятой в целях реализации далеко идущих планов польского эмигрантского правительства* и его представителей в стране, намечавших прежде всего захват власти в освобожденной Польше.

Варшава традиционно была центром национально-освободительного, повстанческого и революционного движений польского народа. Оборона ее в сентябре 1939 года стала символом борьбы против гитлеровской агрессии. Варшава стала оплотом подполья, средоточием всех форм сопротивления фашистской оккупации, которое было здесь наиболее массовым и решительным. Именно здесь польские подпольщики провели более 700 боевых и диверсионных акций. Здесь в апреле 1943 года поднялись на неравную борьбу с гитлеровцами запертые в гетто польские евреи, здесь еще до начала восстания 1944 года оккупанты уничтожили полмиллиона варшавян и почти столько же отправили в лагеря смерти и на принудительные работы. Именно здесь накопился огромный потенциал ненависти к захватчикам, который ждал лишь нужного момента для взрыва.

Варшавское восстание 1944 года принадлежит к тем событиям в истории Польши, которые по сей день вызывают в сердцах и умах поляков много противоречивых чувств и оценок. Как патриотический, антифашистский народный взрыв, как пример героизма, преданности родине многих тысяч повстанцев, оно навечно заняло достойное место в ряду славнейших традиций борьбы поляков за национальное освобождение. Вместе с тем это и одна из величайших национальных трагедий, это страдания и смерть двухсот тысяч варшавян, почти полное разрушение столицы Польши, что потребовало десятилетий труда и многих лишений народа ради возвращения

* Польское правительство в эмиграции и его Делегатура в стране были созданы Владиславом Сикорским и его сторонниками в Париже в октябре 1939 г. после оккупации Польши Германией.

ее к жизни. И хотя время затянуло раны тех, чьим уделом стала эта трагедия, ее нельзя ни умалить, ни выбросить из памяти.

Вершителями этой трагедии стали немецко-фашистские захватчики. Даже тогда, когда исход войны был фактически предрешен, когда поражение фашизма становилось очевидным, они попытались исполнить планы экстерминации польского народа и уничтожения столицы Польши.

Уничтожение Варшавы было их целью с начала оккупации. Они видели в ней город, «из которого исходит все зло». «Если бы мы не имели в генерал-губернаторстве Варшаву, то не имели бы четырех пятых трудностей, с которыми приходится бороться. Варшава есть и остается очагом смуты, пунктом, из которого распространяется беспорядок по всей стране», — заявил гитлеровский наместник генерал-губернаторства Ганс Франк¹. Через два месяца после этого заявления на приеме у Гитлера он назвал Варшаву «наичернейшим местом» в Генеральном губернаторстве. Именно тогда Гитлер отвечал: «Варшава должна быть разрушена, как только для этого представится возможность»². К сожалению, его повеление было исполнено.

Главные виновники преступления известны, но далеко не всех их постигло справедливое возмездие.

Однако нельзя забывать о моральной и политической ответственности за трагедию Варшавы тех, кто в борьбе за власть в Польше бросил варшавян в неравный бой, без должной подготовки и в неблагоприятный момент, не согласовал свои действия с приближавшимися частями союзников. Восставшие героически сражались и гибли во имя независимости родины, не зная истинных намерений руководителей восстания, полностью доверяя им. Не зная, ибо не могли знать. Организаторы восстания с самого начала делали ставку на героизм повстанцев, самоотверженность жителей столицы, а трагические последствия своей политики попытались поставить в вину польской левице* и Советскому командованию.

Почти год спустя после этих событий Владислав Гомулка так охарактеризовал их: «Невозможно опустить занавес истории над величайшей национальной трагедией периода оккупации — Варшавским восстанием. Нужно сказать о нем правду, только полную правду, всем и каждому — и героям, принявшим в нем участие, и его санационным аранжировщикам**». Эту правду необходимо сказать не для того, чтобы беречь раны народа, и не для того, чтобы удовлетвориться тем, что правда сказана, правда, которую

* Собирательное обозначение коммунистической, социал-демократической, других левых партий и демократических движений в Польше межвоенного и военного периодов.

** Польские политические партии и группировки, разделявшие выдвинутую Ю. Пилсудским доктрину «санации» — насильственного очищения польского общества от влияния прогрессивных идей, прежде всего коммунизма и атеизма, и их носителей.

предводители и духовные отцы восстания намеренно искажают. ...К этому взывают тени более ста тысяч погибших и замученных жителей Варшавы. Об этом вопиют пепелища, руины нашей столицы. Этого требует народ, утративший прекраснейший из городов, где были сосредоточены невосстановимые сокровища нашей культуры, невосполнимые сокровища, сконцентрировавшие в себе многовековые напряжения мысли и труда поляков. Этого требуют рабочий, крестьянин и интеллигент, на плечи которых легла тяжесть огромных, многолетних затрат по восстановлению столицы»³.

Анализ исторических документов, находящихся в архивах Польши и за границей, опубликованных во многих исследованиях и научно-популярных работах, в документальных сборниках, позволяет составить достаточно полное представление о ходе событий, в том числе и малоизвестных, которые привели к трагедии. Большим достижением польской историографии можно считать серьезные труды, посвященные генезису восстания, ходу боевых действий, политическим и международным аспектам восстания, опубликованные Леславом Бартельским, Адамом Боркевичем, Ежи Кирхмайером, Чеславом Мадайчиком, Юзефом Маргулесом, Антонием Пшигоньским, Александром Скаржиньским, Казимежем Собчаком и другими. Интерес к этой теме не затухает среди читателей разных поколений, а исследования социологов и опыт педагогов убедительно доказывают, что польское общественное мнение отводит этим событиям исключительное место в истории Польши.

Значительные успехи марксистской исторической науки в Польше, популяризация исторических знаний среди поляков способствовали углублению понимания исторической правоты действительно патриотических и антифашистских сил, возглавляемых Польской рабочей партией. И все же между научным знанием о прошлом и историческим сознанием части общества нет полного единодушия.

Необходимо подчеркнуть, что масштаб и содержание спорных, противоречивых проблем сегодня не являются простым продолжением этих же проблем периода войны и первых послевоенных лет, когда они являлись причиной острой политической борьбы за власть и за будущее развитие Польши. Подавляющее большинство тех, кто высказывал различные точки зрения, объединяли потом общие усилия в деле послевоенного восстановления страны, совместный труд на благо отечества.

Однако было бы ошибкой не замечать, что искаженные, тенденциозные интерпретации прошлого, не соответствующие исторической правде, деформируют общественное сознание. Благодатной почвой для этого в значительной мере послужили пережитки антиисторического, мифологизированного мышления, остатки шляхетской и буржуазной идеологии, существовавшие, а в некоторых общественных слоях еще более разросшиеся в годы войны и оккупации. К старым мифам прибавились новые, многие из них впоследствии подняла на щит западная историография. Они до сего дня интенсивно эксплуатируются в направленной на Польшу пропаганде

различными группами антисоциалистической эмиграции, состоящими на службе и содержании вполне определенных кругов на Западе. Они пытаются использовать торжественно отмечаемые в Польше годовщины Варшавского восстания, чтобы навязать недостаточно хорошо осведомленным полякам противоречащую исторической правде интерпретацию событий, замешанную на антикоммунизме и антисоветизме.

Таким образом, весьма актуально и необходимо, чтобы как можно больше людей знакомились с выводами научных исследований, основанных на фактах и архивных документах, известных до сих пор лишь узким кругам специалистов. Именно в этом и состоит цель данной работы, посвященной политическим аспектам восстания. Источниковую базу ее образуют прежде всего документы из архивов, как польских, так и зарубежных. Только в одной главе, названной «Мнимый представитель», посвященной муссировавшейся с 1944 года буржуазными историками фальшивке — «делу капитана К. А. Калугина», автор использовал также собственные воспоминания, что оговорено в тексте.

Поскольку политическая проблематика восстания — основная тема книги, то, как уже говорилось, героизму повстанцев, жителей Варшавы, а также польских и советских воинов, спешивших к ним на помощь, пришлось посвятить меньше места, хотя героизм всех, кто встал на борьбу за освобождение народа от фашистского ига, был массовым.

Их цели были благородны, они сражались за высочайшие ценности — свободу и независимость Родины.

¹ Выступление перед офицерами люфтваффе 14.XII.1943 см.: Piotrowski St. Dziennik Hansa Franka. Warszawa, 1957, s. 139.

² Konferencja z 6.II.1944, Ibid s. 512.

³ G o m u ł k a W l. Z kart naszej historii. Warszawa, 1969, s. 118—119.

Часть I.

ИДЕИ И ПЛАНЫ

Глава 1. Планы польского эмигрантского правительства и его сторонников в Польше

Среди многих проектов и планов возвращения Польше независимости, утраченной в результате гитлеровской агрессии в сентябре 1939 года, важное место занимали планы всеобщего восстания, разрабатываемые в военных штабах политических кругов, связанных с польским правительством в эмиграции. Это правительство было создано осенью 1939 года в Париже. Возглавил его генерал Владислав Сикорский, занявший одновременно пост главнокомандующего. Военной опорой этой концепции должны были стать создаваемые в эмиграции регулярные вооруженные силы, а также действовавший в подполье и признанный генералом Сикорским единственным в стране продолжателем дела Войска Польского Союз вооруженной борьбы (СВБ)*. Главнокомандующим (главным командантом) СВБ был назначен авторитетнейший представитель санационных кругов генерал Казимеж Соснковский, пребывавший в то время вместе со своим штабом во Франции.

Среди приверженцев правительства, как в эмиграции, так и на территории оккупированной немцами Польши, шли острые политические схватки, являвшиеся отражением противоречий между силами старой антисанационной оппозиции, олицетворением которой был Сикорский, и все еще влиятельными, особенно в военных структурах, санационными группами. Но несмотря на такую междуусобицу, приверженцы правительства в эмиграции в принципе приходили к соглашению по вопросу о необходимости воссоздания суверенного польского государства с капиталистическим строем, тесно связанного с Францией и Великобританией. Авторитет генерала Владислава Сикорского, его призывы к борьбе за независимость, осуждение политики санационных правительств, ответственных за сентябрьскую катастрофу, подготовка восстания привлекали на его

* *Союз вооруженной борьбы (СВБ)* — подпольная военная организация, созданная польским эмигрантским правительством в 1939 г. на территории оккупированной немецкими войсками Польши. Впоследствии СВБ был преобразован в Армию Крайову.

сторону, особенно в первые годы оккупации, многих. Росту его влияния на формирование общественного мнения помогало также наличие у правительства в эмиграции немалых материальных средств и сравнительно сильной службы пропаганды.

Острые этой пропаганды было направлено, однако, не только против фашистской Германии, но также и против Советского Союза, в соответствии с принятым тезисом «двух врагов». На этом же строились и планы деятельности СВБ.

Не углубляясь здесь в анализ разнообразной деятельности Союза вооруженной борьбы, сосредоточим внимание на его планах финального вооруженного восстания, которое должно было принести стране освобождение и возрождение независимой Польши.

Всеобщее восстание призвано было стать апогеем деятельности СВБ, его намечалось тесно увязать с действиями польских вооруженных сил, сформированных на Западе, и скоординировать со стратегическими планами Франции и Великобритании. Уже первые инструкции командующего СВБ генерала Соснковского предписывали начать подготовку, обучать людей, собирать средства к «вооруженному восстанию в тылу оккупационных армий, которое начнется в момент вступления польских войск в страну»¹.

Планы, разработанные в середине 1940 года штабом СВБ на оккупированной территории, основывались на том, что германские войска покинут Польшу «организованно, а не так, как в предыдущую войну, — разрозненно и дезорганизованно», будут стараться уничтожить все, что возможно. Целью действий СВБ было предотвратить разрушения, освободить Польшу от немецких оккупантов, а также обеспечить «внутренний порядок: занятие и охрану определенных объектов, взятие административных функций». Это по сути означало обеспечение сторонникам правительства всей полноты власти в стране.

Согласно провозглашенному тезису «двух врагов», рассматривалась и возможность вооруженной борьбы против Советского Союза. В частности, в случае вступления советских войск в районы Польши, оккупированные фашистской Германией, планировался уход в подполье и подготовка восстания «при эффективной помощи извне». Выдвигались также требования о доставке по воздуху оружия и поддержке восстания авиацией западных союзников².

Лишь на бумаге остались предположения о синхронизации действий регулярных польских войск за границей и повстанческих сил в стране, в особенности после падения Франции, когда англо-польское военное соглашение от 5 сентября 1940 года исключило возможность участия в боевых действиях польских формирований в Великобритании под польским оперативным командованием и подчинило их британскому командованию³.

В октябре 1940 года генерал Сикорский так оценил создавшееся положение: «Ситуация созрела для конкретных шагов по подготовке участия Польши в решающей схватке с противником». Под этим подразумевалась высадка британских войск на Европей-

ский континент. В качестве основных составляющих польского военного потенциала генерал считал «польский народ и соседние с ним угнетенные ныне народы Центральной Европы», польские войска за границей и польскую эмиграцию, в особенности, как он думал поначалу, в Америке. Сикорский намеревался объединить их усилия «в деле подготовки восстания в Польше, координируя их с освободительными движениями других народов Центральной Европы, и прежде всего Чехословакии»⁴. Сикорский, таким образом, отводил Польше роль лидера в своей концепции создания федерации стран Центральной и Восточной Европы. Одной из частей федерации должна была стать польско-чехословацкая конфедерация, объединившаяся в борьбе против Германии и ставшая «общей преградой коммунистическому влиянию».

* * *

В новой ситуации, сложившейся после поражения Франции, главнокомандующим СВБ стал генерал Стефан Ровецкий. Генерал Соснковский, который оставался министром по делам оккупированной страны и официальным преемником президента, в ноябре 1940 г. поручил Ровецкому разработать новые оперативные предложения, сообщив ему информацию — впрочем, чересчур оптимистичную — о возможной поддержке восстания специальными частями, оружием, боеприпасами и техникой, перебрасываемыми по воздуху, а также прикрытии его бомбардировочной авиацией⁵. Главный штаб СВБ закончил разработку плана в начале 1941 года и 5 февраля выслал его в Лондон как «Оперативный рапорт №54».

Характерно, что план был рассчитан на вероятность вооруженного выступления на территории оккупированной Польши как против Германии, так и против Советского Союза в районах, которые в 1939 году вошли в его состав. Среди вариантов восстания против немецких оккупантов в качестве основного выдвигался тот, что исходил из предполагаемого внутреннего раскола в Германии (как в 1918 году): «Наше решительное выступление в Польше против немцев может иметь место только в одном случае, а именно когда немецкое население «сломается» под воздействием агитации, военных поражений и голода, а деморализованная и утратившая веру в победу армия, выйдя из подчинения, будет оставлять свои позиции и разбегаться по домам к семьям». Успех вооруженного восстания должны были обеспечить два условия, а именно: общее разложение рейха и развал дисциплины в его армии.

В схему 1918 года втискивалась в 1941 оценка действий отдельных вражеских формирований. План, например, предусматривал, что большинство личного состава вермахта будет стремиться только домой, в то время как полиция, СС и оккупационная администрация будут сражаться ожесточенно. В связи с этим их предлагалось уничтожать, а армию — разоружить и предоставить солдатам возможность как можно скорее покинуть Польшу. В свете военного

опыта, уже имевшегося ко времени разработки этого проекта восстания, обращает на себя внимание отсутствие в нем варианта, учитывающего, что и вермахт может сопротивляться почти до последнего, что и показал дальнейший ход войны.

Восстание должно было продлиться 2—3 дня, и осуществить его предполагалось исключительно силами кадровых формирований, без гражданского ополчения, то есть без участия широких народных масс. Главная роль отводилась вооруженным силам, сформированным в эмиграции. Авиации предстояло поддержать повстанцев бомбардировками военных и полицейских объектов и заброской диверсионных групп. Сухопутные части, совместно с войсками союзников, планировалось высадить на побережье вблизи Гданьска, с тем чтобы они затем заняли все побережье и другие районы Польши, вплоть до Одры.

Важное место в плане 1940 года занимал вопрос о развертывании акций против СССР. Вооруженному выступлению против СССР мешал, однако, нейтралитет Советского государства на том этапе, а также дипломатические усилия Англии, стремившейся привлечь СССР к военному союзу. Мешало и то, что в большинстве районов за Бугом с преобладающим украинским и белорусским населением, вошедших в состав Советского Союза осенью 1939 года, не удалось создать даже зачатка организаций СВБ. Таким образом, восстание против СССР задумано было поднять в случае, если бы с началом войны между СССР и Германией Красная Армия успешно продвигалась, как это записано в «Рапорте № 54», «вслед за отходящими немцами в глубь Европы, чтобы установить там коммунизм. Тогда нам придется противостоять России». В намерения СВБ входило развертывание фронта на Висле как на наиболее выгодной позиции. Вероятно, авторы плана надеялись на повторение истории 1920 года («чуда на Висле») *⁶.

Анализ «Оперативного рапорта № 54» показывает также, что трагический опыт 1939 года не избавил его авторов от безоглядной веры в мощь западных держав и их готовность прийти на помощь. Это была жажда принять желаемое за действительное — не столько наивность, сколько определенная политическая позиция авторов «рапорта». Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что их план не предусматривал саботажа, диверсий, партизанских и других типичных для подпольной борьбы действий, которые, в частности, смогли бы предотвратить попытки немцев произвести разрушения перед уходом из Польши. Дело в том, что тогда пришлось бы вооружить не только кадровых военных, но и многих других поляков, а как раз этого деятели санации старались избежать. Представители санационного крыла, которому к тому времени удалось занять решающие позиции в военном аппарате польской эмиграции и связанного с ним подполья в стране, видели свою главную цель

* Поражение частей Красной Армии под Варшавой во время советско-польской войны 1920 г.

в том, чтобы обеспечить «порядок и безопасность, дабы противодействовать попыткам ввергнуть страну в анархию (путем подрыва изнутри или извне)». По существу это значило бы захват ими власти в Польше.

Характерной чертой для всех разрабатываемых планов восстания приверженцев курса правительства в эмиграции и методов борьбы с оккупантами было подчинение национальных интересов амбициям санационного крыла.

Шифровка, передача в Лондон и дешифровка там «Оперативного рапорта № 54» длились четыре месяца. Штаб генерала Сикорского получил его полный текст только 25 июня 1941 года. Уже началась война между Советским Союзом и гитлеровской Германией, уже произошли кардинальные перемены в международной военно-политической обстановке, а в освободительной борьбе польского народа появились новые тенденции.

* * *

Необходимость глубоких изменений в польских стратегических планах диктовалась прежде всего польско-советским соглашением, заключенным 30 июля 1941 года. Однако и после этого отношение влиятельных деятелей польского правительства в эмиграции к СССР существенно не изменилось. Так, в радиোগрамме из Лондона начальнику штаба главнокомандующего генерала Климецкого главнокомандующему СВВ генералу Ровецкому говорилось, что если советские войска, изгоняя оккупантов, войдут в пределы границ Польши, существовавших до 1939 года, без согласия польского эмигрантского правительства, то «вступление Красной Армии, как враждебный акт, должно встретить с нашей стороны вооруженный отпор, дабы подчеркнуть перед всем миром наши исключительные права на обеспечение безопасности собственной страны». В связи с этим главнокомандующий предписывает:

1) Вооруженный отпор должен быть с возможно большей силой обозначен на линии польско-советской границы от июля 1939 года.

2) Важно, чтобы, даже оказавшись в глубине, районы Вильно и Львова могли бы держать оборону длительный срок и будучи отрезанными⁵.

Как видим, эта директива не принимала во внимание ни существование с 30 июля 1941 года польско-советского военного союза, ни заключенного 14 сентября того же года военного соглашения.

Реальность тем не менее побудила Сикорского модифицировать свои взгляды. Прежде всего ему пришлось учесть позицию британского кабинета, который, конечно, был бы удовлетворен, если бы враг обескровил Советский Союз, но не до полного поражения, ведь восточный союзник спасал Англию от гитлеровского вторжения. Кроме того, на Сикорского произвели впечатление отпор агрессору со стороны Советской Армии и успехи ее наступления

под Москвой, которые пришлось как раз на время его визита в советскую столицу. Как известно, 4 декабря 1941 года Сталин и Сикорский подписали совместную Декларацию о дружбе и взаимной помощи. После возвращения из Москвы генерал Сикорский дал высокую оценку мужеству Красной Армии и предсказал успех советского контрнаступления⁹.

Отражением такой эволюции позиции Сикорского явилась и его радиogramма Ровецкому от 3 марта 1942 года, которая отменяла ноябрьский 1941 года приказ о вооруженном противодействии Красной Армии. Вместо этого предписывалась демонстрация способности овладеть той или иной территорией в расчете, что на СССР будет оказано давление — не только со стороны Англии, но с декабря 1941 года и со стороны Соединенных Штатов Америки¹⁰.

Эти намерения были изложены и в подписанной Сикорским 8 марта «Личной и секретной инструкции для командующего вооруженными силами в стране». В ней он указал, что заключенные с СССР «политические и военные соглашения привели к формально дружеским союзническим отношениям между двумя государствами». В этой ситуации главнокомандующий отказался от планов, предусматривавших оказание вооруженного сопротивления Красной Армии в случае преследования ею германской армии на территории Польши. Генерал Сикорский ссылался при этом на отсутствие шансов на успех подобной конфронтации, а также на мировое общественное мнение: «Необходимо учитывать, что все антироссийские жесты были бы здесь на Западе не приняты и восприняты как прогитлеровские...» Польским военным формированиям в стране, согласно директивам из Лондона, надлежало «выступить с оружием в руках, разоружить немцев, взять в свои руки службу безопасности и обеспечить функционирование административных органов, назначенных Делегатурой Правительства». Это касалось также Вильнюса и Львова, куда заранее предполагалось перебросить крупные отряды из Центральной Польши.

Сикорский не скрывал от Ровецкого ограниченных возможностей Запада в оказании помощи восстанию и поддержки его польскими регулярными войсками. Он указывал, что, например, польская авиация, входящая в состав ВВС Великобритании, «пока не способна оторваться от баз на острове и действовать на континенте самостоятельно». Польская парашютная бригада была в зачаточном состоянии и не располагала необходимыми транспортными самолетами. Морской десант на Балтике не был готов к началу восстания, а предполагался лишь в случае «успеха главной акции союзников». От этого же зависело и вступление в Польшу танковой дивизии и бригад, сформированных в Великобритании. Введение же в сражение армии Андерса * и других польских частей, пребывавших

* Польские дивизии, формировавшиеся в СССР с осени 1941 г. на основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. и военного соглашения от 14 сентября 1941 г. Командующий польскими вооруженными силами в СССР

на Среднем Востоке, было весьма проблематичным. Сикорский вместо этого обещал убедить западных союзников обеспечить поставку вооружения и боевой техники в оккупированную страну, а также соответствующую его переброску по воздуху¹¹.

Позиция польского главнокомандующего относительно всеобщего восстания вытекала из его стратегических концепций участия в войне с Германией подчиненных ему вооруженных сил как в Польше, так и в эмиграции. Он не разделял точки зрения генерала Андерса, высказанной на совещаниях польских военачальников в Лондоне и в британском военном ведомстве 23 и 24 апреля 1942 года, что Красная Армия будет разбита в течение 1942 года. Сикорский, однако, рассчитывал если не на поражение СССР, то на серьезное ослабление и зависимость его от помощи с Запада¹².

В мае 1942 года генерал Сикорский наметал использовать польские вооруженные формирования в военных действиях по трем направлениям:

- с территории СССР непосредственно в Польшу (армия генерала Андерса);
- из Великобритании через Францию и Германию в Польшу;
- со Среднего Востока через Балканы и Придунайскую равнину.

Предполагалось, что вторжение западных держав в Европу повлечет быструю капитуляцию Германии, а также создаст условия для вступления в Польшу польских войск, действующих на перечисленных направлениях, и освобождения ими страны совместно с Армией Крайовой — так с 14 февраля 1942 года Сикорский называл Союз вооруженной борьбы¹³.

Наиболее многообещающим в эмигрантском штабе первоначально считалось первое направление, но после приезда в Лондон Андерса ведущим вариантом был признан третий — наступление через Балканы. Эта концепция опиралась на британский стратегический план, который горячо отстаивал Черчилль, — план вторжения на Европейский континент с юга и с севера, с тем чтобы занять Центральную Европу до подхода советских войск. Восстаниям в оккупированных странах, которые должны были вспыхнуть по очереди от Греции и Югославии до Чехословакии и Польши¹⁴, предстояло облегчить проведение этого плана в жизнь. Капитуляция перед западными союзниками сателлитов «третьего рейха» Болгарии, Румынии и Венгрии должна была ускорить продвижение войск.

Этой концепции удара в «мягкое подбрюшье» государств «оси» должны были быть подчинены планы партизанских действий и диверсий, подготовке которых способствовала бы заброска вооружения и других средств борьбы, а также обученных инструкторов.

генерал Владислав Андерс был настроен антисоветски. Впоследствии эти дивизии общей численностью (включая членов семей) около 100 тыс. чел. были выведены польским эмигрантским правительством из СССР на Ближний Восток и переименованы во 2-й корпус, находившийся под оперативным руководством англичан.

Всей этой работой руководило SOE — британское Управление специальных операций, образованное в июле 1940 г.¹⁵

Однако реализация планов Черчилля и вступление в Польшу польских и союзных войск с Ближнего Востока через Южную Европу зависели от расстановки сил внутри антигитлеровской коалиции. Они становились все более сомнительны, поскольку Советский Союз в мае — июне 1942 года заключил с Англией и Соединенными Штатами союзнические соглашения, определившие, что районом будущей высадки англо-американских армий будет прежде всего Западная Европа. Кроме того, после отвода из СССР в августе 1942 года армии Андерса перестала существовать возможность достижения ею Польши с востока вместе с Красной Армией.

В этих условиях Сикорский пришел к выводу, что он не в состоянии обеспечить своему правительству взятие власти в стране только с помощью войск, находившихся в эмиграции. Роль Армии Крайовой (АК), которая, после оснащения ее современным западным вооружением, должна была стать «средоточием порядка и власти в стране», возросла¹⁶.

В связи с этим активно пополнялся офицерский корпус АК, подпольные организации усиленно снабжались оружием и деньгами. В частности, во время визита в США в марте 1942 года Сикорский получил от президента Рузвельта заем в 12 млн. долл. на закупки оружия и содержание командных кадров АК. Упор делался на формирование воздушно-десантных частей, в особенности 1-й Отдельной парашютной бригады¹⁷. Сикорский стремился при этом включить АК в общий оперативный план западных союзников. Таким образом, возросла роль планов всеобщего восстания в Польше как части общих устремлений польского правительства в эмиграции.

Генерал Ровецкий, который неизменно придерживался тезиса о «двух врагах», воспротивился изложенному в директивах генерала Сикорского от 3 и 8 марта 1942 года серьезному предложению считать СССР хотя бы временным союзником и отказаться от вооруженной борьбы против Красной Армии при ее вступлении в Польшу. Радиogramма командующего АК в Лондон от 22 июня 1942 года являла собой в этом контексте развернутое контрпредложение. Ровецкий заявлял, что «Россия была и будет нашим врагом» и что ноябрьский 1941 года приказ «был созвучен нашим, здесь в стране, чувствам более всего». Среди выдвинутых аргументов фигурировали ссылки на политику российского царизма, на действия Советского правительства в 1939 году, а также на «нынешнюю коммунистическую акцию на территории Польши», под этим подразумевалось возникновение в начале 1942 года Польской рабочей партии*

* *Польская рабочая партия (ППР)* — марксистская революционная партия, идейная наследница Коммунистической партии Польши, образована в январе 1942 г., создала военную организацию — Гвардию Людову — для активной вооруженной борьбы с гитлеровскими захватчиками. действовала в опоре на Национальный

вместо незаконно распущенной Коминтерном в 1938 году Компартии Польши.

По мнению командующего АК, польско-советский договор «был заключен не по вольному желанию поляков и большевиков, а как бы навязан обеим сторонам фактом нападения Германии на Россию». В случае вступления Красной Армии в Польшу план главного штаба АК не предусматривал ни вооруженной борьбы с отступающими немецкими войсками, ни выхода АК из подполья — до тех пор, пока СССР не заявит о признании польских границ 1939 года, а Польша не будет занята англо-американскими войсками. Присутствие в Польше западных армий должно было «гарантировать создание в стране неограниченно крупных воинских формирований, не подверженных каким бы то ни было советским влияниям и нажиму». «Нажимом» считалась даже помощь формируемым в СССР польским вооруженным силам.

В случае непризнания Советским Союзом границ с Польшей, существовавших до 1939 года, предложение генерала Ровецкого предусматривало объявить СССР «главным врагом» и оказать советским войскам вооруженный отпор. В случае разницы в силах Ровецкий считал возможным создание «оборонительного редута» на Поморье, опирающегося на побережье Балтики, поддерживаемого с Запада и призванного разыграть «первую решающую партию». По его мнению, в этом случае Запад покажет свое истинное лицо. «Либо он поддержит нас, защищающих свою свободу, и тогда наши шансы значительны, либо выскажется в пользу России, и тогда эти шансы на ближайшее время будут весьма малы».

Ровецкий считал вооруженное восстание против гитлеровцев возможным лишь в случае их отступления перед войсками западных держав. Вот тогда-то, — заявлял он, — «мы введем в бой с немцами все свои силы, как можно скорее организуем регулярные войска и воспрепятствуем попыткам русских вступить в пределы Республики». Из этого видно, что находящееся в Лондоне польское правительство в эмиграции не только отвергало согласование с СССР вопроса о польско-советской границе, устанавливаемой по этническому признаку, но предполагало разрешение этой сложной проблемы вооруженным путем, не считаясь с роковыми последствиями таких действий для Польши.

Главной базой восстания должны были стать территория генерал-губернаторства и ряд прилегающих районов с хорошо разветвленным подпольем, располагающим определенным запасом оружия. Оттуда восстание должно было захватить и западные воеводства, а позднее — восток, «возможно, с военной операцией в направ-

фронт и союз с СССР, приняла в ноябре 1943 г. программу «За что мы боремся», целью которой после освобождения страны от фашистской оккупации было проведение революционных социально-экономических реформ и демократизации общественного и государственного строя; их осуществление началось уже в ходе освобождения Польши с конца июля 1944 г.

лении Львова и Восточной Малопольши *, а также Виленщины»¹⁸.

План Ровецкого использовать Армию Крайову в вооруженных действиях против Советской Армии, изгоняющей фашистские орды с оккупированных земель, шел вразрез со стратегией генерала Сикорского, который лучше, чем командующий АК, знал намерения англичан и не надеялся на быстрое изменение их отношения к СССР. Путь к возрождению Польши как капиталистического государства главнокомандующий видел в плане Черчилля: удар по немцам с юга через Балканы, дабы поставить СССР перед фактом британского присутствия в Юго-Восточной и Центральной Европе.

Сикорский оценивал советско-английский союзный договор от 26 мая 1942 года как отвечающий интересам стран антигитлеровской коалиции. Он опровергает дошедшие до Ровецкого слухи, будто «Великобритания отдала России гегемонию в Восточной Европе», разъясняя, что в сущности дело обстоит как раз наоборот, однако «в настоящий момент речь идет прежде всего о победе, в достижении которой Россия на данном этапе войны играет решающую роль». Сикорский признал, что негативное отношение к соглашениям с СССР, проявляемое Ровецким и теми, кто действует в стране, «сильно вредит польскому правительству и порождает сомнения в нашей искренности по отношению к России»¹⁹.

На высказанное Ровецким предположение относительно возможности польско-советской войны за восточные земли генерал Сикорский в радиোগрамме от 28 ноября 1942 года ответил, что совместная оккупация Польши в границах 1939 года англо-американо-польскими войсками пока отсрочена и «будет зависеть также от России, позиции которой постоянно усиливаются». При этом он выразил надежду, что под нажимом Англии и США СССР пойдет на уступки в вопросе о границах. «Вооруженная борьба против русских, преследующих немцев, была бы безумием», — писал Сикорский, — а сокрытие военной организации могло бы «довести до открытой войны Советов с АК, войны, которую коммунистическая пропаганда могла бы в среде союзных наций представить превратно. Посему поручаю подготовить выход в этом случае Армии Крайовой из подполья и приступить к ее мобилизации. Она должна выступать как можно более мощной по численности, демонстрируя свою суверенность и одновременно позитивное отношение к Советской России».

В такой обстановке, считал Сикорский, будет создана благоприятная международная ситуация, наступит «полное единство» в стране и коммунистическое влияние не возьмет верх. Он призывал к объединению всех сил в стране: «Стремиться во что бы то ни стало к поглощению Армией Крайовой других полувоенных организаций, разобщенность которых была бы немедленно использована Советами»²⁰.

* *Малопольша* — историческая область в бассейне верхнего и среднего течения Вислы, территория расселения вислян с центром в Кракове; с конца X в. в составе польского государства.

Генерал Сикорский, таким образом, надеялся ограничить влияние СССР, одновременно — избежав войны с СССР, ослабленным войной с Германией, — укрепить позиции капитала в стране. Он полагал, что, находясь в тяжелом положении, Советский Союз в конце концов примет требование эмигрантского правительства, дабы не восстанавливать против себя союзников. Генерал явно переоценивал их помощь СССР, думая, что это она определяет мощь советского сопротивления. Именно поэтому правительство Сикорского через своего посла в Вашингтоне предложило администрации США, чтобы принудить Советский Союз пойти на уступки, пригрозив ему приостановкой поставок по ленд-лизу. В ответ на это государственный секретарь США Корделл Халл заявил: «Наши поставки России по ленд-лизу помогли сокращению на Восточном фронте вражеских вооруженных сил, которые в противном случае стали бы против нас на Западном фронте»²¹.

В очередном плане восстания, разработанном в варшавском штабе АК под руководством генерала Ровецкого и его начальника штаба полковника Пелчиньского, нашли отражение некоторые из вышеизложенных рекомендаций генерала Сикорского. Этот план, получивший название «Оперативный рапорт № 154», в сентябре 1942 года шифровкой высланный с курьером в Лондон, дошел туда только в марте 1943 года. Как и предыдущий план восстания, он уже не соответствовал изменившейся стратегической и политической ситуации, которую определила победа советских войск под Сталинградом.

Согласно этому плану, восстание должно было вспыхнуть в момент ставшего неизбежным поражения гитлеровской Германии. Целью восстания должно было стать изгнание оккупационных властей из Генерал-губернаторства, затем воссоздание регулярной армии и установление контроля над всей совокупностью земель Польши в границах 1939 года, а также в районах, «захват которых для будущей сильной Польши необходим», — прежде всего Гданьска и Восточной Пруссии. Одновременно в плане предусматривалась «организованная военная операция» для занятия Львова, с использованием для этого помощи венгерских войск, которые все еще сражались бок о бок с гитлеровскими армиями, а также аналогичный поход на Вильнюс. Далее надлежало «обеспечить порядок и мир в стране», «подавляя любые попытки покушений и переворотов».

Хотя СССР все еще рассматривался как потенциальный противник, до поры до времени относимый «только формально к союзным государствам», план уже не предполагал объявление войны в случае пересечения Советской Армией границы Польши 1939 года. Несомненно, на это повлияли указания Сикорского, а также ситуация на Восточном фронте поздним летом 1942 года, когда советские войска на южном участке фронта терпели неудачи: «Представляется, уже сегодня можно считать, что русские не способны, ввиду огромных потерь, предпринять серьезную наступательную акцию

в Центральной Европе». Была, однако, в рапорте сделана оговорка, что такая возможность «еще полностью не исчезла»²².

Анализ отдельных «версий» развития ситуации и конкретных шагов по реализации плана позволяет утверждать, что Ровецким и штабом АК в то время принимался во внимание прежде всего вариант, исходивший из капитуляции «третьего рейха» перед западными державами и возвращения немецких войск в Германию через Польшу — как в 1918 году. Но еще до того, как сей план прибыл в Лондон, победы Красной Армии перечеркнули и те пункты плана, которые базировались на предполагаемом поражении СССР.

В ходе дальнейшей переписки между премьером Сикорским, являвшимся одновременно главнокомандующим, и командующим АК прояснились их очередные оперативные и стратегические концепции. На телеграмму Сикорского от 28 ноября 1942 года, в которой он назвал вооруженную борьбу АК с Красной Армией безумием, Ровецкий ответил 12 января 1943 года. Он обещал выполнить директиву Сикорского «относиться к русским как к союзникам», но связывал это лишь с решением вопроса о восточных землях, т. е. в случае полного признания Советским Союзом их принадлежности к Польше, а также изменения тактики советского партизанского движения в этих районах или передачи руководства им в руки АК. Кроме того, ссылаясь на «общественное мнение в стране», генерал Ровецкий поставил реализацию указаний Сикорского в зависимость от «дисциплинированности общественности, ее способности проявлять чувства симпатии, при сохранении величайшей бдительности, притуплять которую не следует перед лицом угрозы психологического подчинения влиянию русских».

При этом генерал Ровецкий не исключал — и это было новым в его позиции, — что сигнал к восстанию может быть дан не только в обстановке краха Германии, но также «при любом возможном развитии событий в случае вступления русских на польские земли. Я начну борьбу настолько возможно раньше, чтобы упредить вступление русских». Ровецкий добивался, чтобы вооруженное выступление АК в этом случае было немедленно дополнено «десантом польских регулярных войск из эмиграции, а также частей англосаксов». Десанты предполагалось высадить на восточных землях, чтобы поставить Красную Армию перед свершившимся фактом.

Кроме того, Ровецкий настаивал и на публикации лондонским правительством декларации об уравнивании в правах украинцев и белорусов и об обеспечении им возможностей для культурного развития. Он считал, что этот акт повлечет признание украинцами и белорусами власти Польши и обратит их против СССР. Генерал предлагал также, чтобы правительство провозгласило программу социальных реформ, что должно было, по его мнению, «выбить оружие из рук коммунистов». «Без этих решений не представляется возможным обеспечить монолитную и соответствующую интересам нации позицию по отношению к вступающим в страну русским»²³.

В ответе Ровецкому 6 февраля 1943 года Сикорский обещал, что правительство рассмотрит политические требования главнокомандующего АК, и подчеркнул: «Вы должны понять, что войну на два фронта Польша ни сегодня, ни в будущем вести не может и что соглашение с Россией — необходимость»²⁴.

Ввиду советской победы под Сталинградом и наметившегося изменения соотношения сил между СССР и фашистской Германией следовало считаться с реальной возможностью того, что Красная Армия вступит в Польшу. В связи с этим Сикорский приказывал Ровецкому: «В наихудшем случае, если русские должны будут вступить в Польшу до того, как в нее войдут союзные войска, — и без нашего согласия, — нам следовало бы упредить русских и поставить их перед свершившимся фактом, подняв восстание и взяв военную и административную власть, в первую очередь в восточных городах, прежде всего в Вильно и Львове. Советские войска мы были бы должны рассматривать как союзные, но по каждому факту неояльности с их стороны требовать вмешательства англосаксов... От сотрудничества с советскими войсками мы сможем получить политические выгоды»²⁵.

Вскоре после этого Ровецкий предложил Лондону принципиальные изменения в плане восстания. Новая концепция предполагала начать его на востоке, на землях этнически польских, и постепенно, полосами, продвигать на запад Польши. Это должна была быть как бы волна местных восстаний, соединенных с захватом Армией Крайовой Вильнюса и Львова и задуманных как единая военнополитическая демонстрация, — идея, нашедшая развитие в более поздних планах главного штаба АК, в особенности в плане «Буря»²⁶.

Генерал Сикорский 25 марта 1943 года частично одобрил предложение: «В связи с возможным ухудшением наших отношений с Советами оставляю за собой решение о начале частичного восстания на восточных окраинах». В случае успеха планировалось вывести из подполья гражданскую администрацию, а силы АК отвести дальше, в центральные районы Польши²⁷.

Вновь были активизированы попытки заручиться помощью Запада, прежде всего американцев, будущему восстанию. Разрабатывался также план введения в действие вооруженных формирований, подчиненных польскому эмигрантскому правительству на завершающем этапе войны. Эти вопросы стали предметом обсуждения Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне, в состав которого в качестве представителя Польши весной 1943 года вошел заместитель начальника штаба польского главнокомандующего полковник Леон Миткевич. В соответствии с директивами Сикорского он должен был добиваться включения намеченных акций АК в общий оперативный план действий союзников против гитлеровской Германии, поставок вооружения и техники, а также транспортных самолетов.

Начало восстания в Польше тесно увязывалось с операциями союзников в зависимости от того, выберут ли они направление

удара с юга (на что был основной расчет) или с запада. Проблему вооружения АК Объединенный комитет начальников штабов склонен был в общем решить положительно, хотя и занимал пока выжидательную позицию. Политические же установки АК вызывали у союзников, в особенности у англичан, заинтересованных в военном сотрудничестве с СССР, большое беспокойство. Полковник Миткевич докладывал генералу Сикорскому в начале июня 1943 года: «Британцы совсем не желают вооруженного восстания АК в Польше, опасаясь, что поляки в стране направят оружие против советских войск»²⁸.

Стратегические решения западных правительств были приняты на конференциях в Касабланке — 17—24 января 1943 года, Вашингтоне — 12—27 мая и Квебеке — 11—24 августа 1943 года. Перевесила американская точка зрения о проведении операции «Оверлорд»* (высадке союзных войск на западном побережье Франции) и «Энвил»** (вспомогательной высадке их в южной Франции). Этот план получил одобрение правительства СССР на конференции «большой тройки» в Тегеране.

В апреле 1943 года дипломатические отношения между польским эмигрантским правительством и правительством СССР были разорваны. Это облегчило главнокомандующему АК возврат на позицию, заявленную им в радиোগрамме № 132 от июня 1942 года и предусматривавшую вооруженное сопротивление Красной Армии. В радиোগрамме генералу Сикорскому 8 июня 1943 года Ровецкий подчеркнул, что смягчение его позиций в отношении СССР зафиксировано в донесениях от 12 января и 27 февраля 1943 года — но это «всего лишь результат полученных на сей счет приказов».

Теперь же он убежден: «Единственно целесообразной и обоснованной по отношению к России является наша активно оборонительная, то есть — принципиально враждебная позиция», поскольку, мол, «даже попытка признать русских союзниками отрицательно сказывается на боеготовности вооруженных сил и состоянии всей страны... Даже попытка дружественных отношений с СССР обрекает нас на невыполнение главного солдатского долга в случае, если потребовалось бы выступить против России». Изменить позицию, по мнению Ровецкого, можно лишь в случае признания СССР границ 1939 года в договоре, где гарантами выступали бы Великобритания и США. Кроме того, условием этого должна была стать также ликвидация незадолго до того созданного Союза польских патриотов (СПП)*** и формировавшейся в СССР 1-й польской

* «Оверлорд» (англ. «сюзерен») — кодовое название крупнейшей десантной операции по форсированию пролива Ла-Манш и высадке войск союзников на севере Франции в Нормандии, осуществленной ими после длительной подготовки в июне 1944 г.

** «Энвил» («наковальня») — кодовое название вспомогательной, отвлекающей операции по высадке крупного десанта союзных войск на южном побережье Франции, произведенной 15 августа 1944 г.

*** *Союз польских патриотов* — патриотическая организация, созданная в 1943 г. в СССР.

пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, называемых Ровецким «красным национальным комитетом» и «красной польской дивизией».

Лучшим из возможных вариантов разрешения всех проблем Ровецкий считал «поражение СССР в войне с фашистской Германией либо развал его внутренними диверсиями. Только разбитая или серьезно ослабленная Россия, находящаяся под угрозой внутреннего раскола, может стать относительно приемлемым партнером для наших с ней соглашений».

Такая позиция главнокомандующего АК по отношению к СССР должна была найти следующее практическое воплощение при приближении Красной Армии к границам Польши:

«1) диверсионные акции на востоке с участием тех элементов, которые призваны обеспечить нам прикрытие в восстании против немцев;

2) задержка продвижения русских войск путем уничтожения коммуникаций вплоть до линии Вислы и Сана;

3) борьба везде, где будут существовать для нее хотя бы минимальные шансы;

4) там, где этих шансов не будет, оставлять в подполье вооруженные отряды, готовые к выступлению против России в нужный момент по приказу главнокомандующего».

Генерал Ровецкий считал, что они смогут «обеспечить наилучшим образом прикрытие высаживающимся в Польше эмиграционным отрядам либо англосаксонским оккупационным частям из-за простоты отдачи приказов и их выполнения». Главнокомандующий АК фактически исключал возможность выдвижения главнокомандующим иных альтернатив, полагая, что только на такой основе должен быть построен постоянный, «логически увязанный план наших действий в стране, на этот раз против России»²⁹.

Как бы генерал Сикорский к этому плану подготовки польско-советской войны отнесся, никому не известно. Расшифровка радиogramмы была закончена в Лондоне 22 июня 1943 года, а Сикорский уже с 25 мая находился на Ближнем Востоке, по пути откуда погиб 4 июля в авиационной катастрофе над Гибралтаром при не выясненных до сего дня обстоятельствах.

30 июня 1943 года гестапо арестовало в Варшаве генерала Стефана Ровецкого. Его привезли в Берлин, а затем в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Он отверг предложение гитлеровских властей включиться во главе Армии Крайовой «в борьбу с большевизмом» на стороне «третьего рейха». Сразу же после начала Варшавского восстания 1944 года он был казнен по специальному приказу Гимmlера.

После трагической гибели генерала Сикорского почти все высшие военные посты заняли представители санации. Президент Рачкевич назначил главнокомандующим польских вооруженных сил генерала Соснковского, причем сделал это без согласия заинтересованных политических группировок и главы правительства в

эмиграции Станислава Миколайчика. Длившийся несколько дней кризис закончился компромиссом. Соснковский и Миколайчик остались на своих постах. Но тогда было положено начало все более углублявшимся политическим конфликтам между либерально-буржуазными группировками, связанными с правительством Миколайчика, и сосредоточившимися, главным образом, в военных кругах крайне правыми силами, влияние которых возросло.

Но среди поляков в Лондоне также усиливались антикоммунистические, антисоветские тенденции, активно подогреваемые проправительственным подпольем в оккупированной Польше. Здесь верховодили (в особенности после ареста гестапо представителя правительства, деятеля крестьянской партии профессора Яна Пекалкевича) правые во главе с новым делегатом правительства инженером Яном Станиславом Янковским («Соболь») и новым главнокомандующим Армии Крайовой генералом Тадеушем Коморовским («Бур», «Лавина», «Знич»). Первый — владелец крупного имения под Бодзеховом, представлял близкое к санации ответвление старой национал-рабочей партии, позднее — правое крыло Стронництва працы. Другой — аристократ по происхождению, до войны занимал должность начальника Центра обучения кавалеристов; не имея никакого опыта политической деятельности, занимался конспиративной работой в СВБ с конца 1939 года и по политическим взглядам тяготел к правым.

Несмотря на существенные тактические расхождения, оба соперничавших между собой крыла эмиграции, а также руководство проправительственного подполья в стране были объединены во всех узловых стратегических вопросах и главной целью считали взятие власти в Польше, во что бы то ни стало, вплоть до применения оружия. Они также не собирались брать в расчет интересы коренного украинского и белорусского большинства на некогда принадлежавших Польше восточных землях, отбрасывая этнический принцип.

Все это делало невозможным достижение соглашения с СССР и восстановление прерванных дипломатических отношений.

И все же изменение военно-политической ситуации вынуждало как в Лондоне, так и в Варшаве пересматривать планы восстания, представлявшие собой своеобразный сплав национально-освободительных и антифашистских устремлений с реакционными, антисоветскими установками. Среди ранее предполагавшихся вариантов всеобщего восстания все более реально прорисовывался наименее желательный для польской буржуазии: освобождение Польши от оккупации Красной Армией. В конце сентября 1943 года в Вашингтоне от имени Объединенного комитета начальников штабов адмирал Уильям Леги официально заявил полковнику Миткевичу, что «советские войска будут первым союзником, который вступит на территорию Польши»³⁰.

Польскому эмигрантскому правительству в Лондоне приходилось все больше считаться с крепнувшими революционными силами

во главе с ППР, которые своими лозунгами и идеалами, а также бескомпромиссной активной борьбой с оккупантами завоевывали все более широкую поддержку польского народа³¹.

- ¹ Armia Krajowa w dokumentach (далее — АК в dokumentach), t. I. Londyn, 1970, s. 11, 73.
- ² Zamojski J. Konferencja belgradska 1940 r. — Najnowsze Dzieje Polski, t. X, Warszawa, 1966, s. 208.
- ³ Mitkiewicz L. Z gen. Sikorskim na obczyźnie. Paryż, 1968, s. 78, 105, 366.
- ⁴ АК в dokumentach. Op. cit., t. I, s. 302—303.
- ⁵ Ibid., s. 311.
- ⁶ Ibid., s. 438—443; Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej (далее — PSZ), t. III. Londyn, 1950, s. 172—183.
- ⁷ Pomian-Dowmuntt A. (Bohdan Sałaciński). Powstanie Warszawskie. Londyn, 1946, s. 14—16.
- ⁸ Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (AMSW), t. 295/471—I/9, k. 1—2, depesza z 20.XI.1941.
- ⁹ Mitkiewicz L. Op. cit., s. 151, 152, 155, 373—378.
- ¹⁰ АК в dokumentach, t. II, Londyn, 1973, s. 200—201.
- ¹¹ Ibid., s. 202—207.
- ¹² Mitkiewicz L. Op. cit., s. 269—285; Utnik M. Sztab Naczelnego Wodza w II wojnie światowej. — Wojskowy Przegląd Historyczny (WPH), 1974, N I, s. 234—235.
- ¹³ Инструкция генерала Сикорского для генерала Андерса от 1.V.1942. — Documents on Polish-Soviet Relations 1939—1945 (далее — Documents...), Vol. I, London, 1967, p. 344—348.
- ¹⁴ Kukiel M. Strategiczne Koncepcje gen. Sikorskiego w drugiej wojnie światowej. Londyn, 1955, z. III, s. 16—24; Utnik M. Op. cit., s. 238; Biegański S. Plany wojenne, związane z polskim wysiłkiem w Basenie Morza Śródziemnego. Londyn, 1948, s. 236—237; Rozen-Zawadzki K. Balkańskie koncepcje strategiczne a kampania we Włoszech. Wrocław, 1964, s. 5—10.
- ¹⁵ Deakin F. W. Great Britain and European Resistance. Milano, 1961, s. 4—7, 11—13, 27—28; Редько И. Управление специальных операций. — Военно-исторический журнал, 1964, № 9, с. 28—31.
- ¹⁶ Documents... Op. cit., s. 346; Utnik M. Op. cit., s. 236.
- ¹⁷ Mitkiewicz L. Op. cit., s. 244, 247; Biegański W. Regularne jednostki WP na Zachodzie. Warszawa, 1973, s. 253.
- ¹⁸ АК в dokumentach. Op. cit., t. II, s. 277—278.
- ¹⁹ Centralne Archiwum Komitetu Centralnego PZPR (далее СА КС), t. 203/1—13, радиограмма Ровецкому от 8.VIII.1942, сообщение главнокомандующего № 4.
- ²⁰ АК в dokumentach. Op. cit., t. II, s. 269—271.
- ²¹ Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie. Warszawa, 1966, s. 219.
- ²² АК в dokumentach. Op. cit., t. II, s. 328.
- ²³ Ibid., s. 401—404.
- ²⁴ Ibid., s. 412.
- ²⁵ Ibid., s. 413.
- ²⁶ СА КС, t. 203/1—6, k. 1—3, meldunek № 300 z 27.II.1943.
- ²⁷ АК в dokumentach. Op. cit., t. II, s. 485.
- ²⁸ Mitkiewicz L. Op. cit., s. 327—354, 379—382.
- ²⁹ СА КС, t. 203/1—13, k. 12—14, радиограмма Кадины № 500 от 8.VI.1943; Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski, t. III, Londyn, 1960, s. 392—494; АК в dokumentach, t. III, Londyn, 1976, s. 28—32.
- ³⁰ Mitkiewicz L. Powstanie warszawskie. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1962, № I, s. 125.
- ³¹ См.: Назаревич Р. Польская рабочая партия — ведущая сила освободительной борьбы польского народа в годы второй мировой войны. — Под знаменем боевой дружбы (под редакцией генерала армии П. И. Батова). Москва, 1977, с. 31—48.

Глава 2. Всеобщее восстание, или операция «Буря»

Новая концепция вооруженного выступления Армии Крайовой вырабатывалась в ходе оживленной «радиопереписки» между главнокомандующим генералом Соснковским и командующим АК генералом Коморовским. Соответствующие планы оба штаба, в Лондоне и в Варшаве, готовили в сентябре 1943 года. Лондонский план в виде «Правительственной инструкции для страны» был принят на заседании правительства 27 октября 1943 года. Основываясь на ней, командующий АК издал 20 ноября приказ для комендантов округов и районов¹. Оба документа исходили из того, что Армия Крайова, дабы ускорить крах Германии, при приближении к границам Польши англо-американских войск начнет вооруженное восстание по сигналу эмигрантского правительства и с согласия западных союзников. В случае вступления в Польшу Красной Армии без соответствующего соглашения между польским эмигрантским правительством и правительством СССР — начнет широкую диверсионную операцию под кодовым наименованием «Буря».

Ни один из вариантов плана сторонников эмигрантского правительства не предусматривал, что восстание будет поднято в поддержку действий Красной Армии. Наоборот, по мере того, как чаша весов на фронте склонялась в ее пользу, эмигрантское правительство все с меньшим энтузиазмом говорило о всеобщем восстании, которое могло бы способствовать нежелательному «преждевременному» поражению Германии.

В докладе, сделанном 14 октября 1943 года на форуме подпольной Крайовой Репрезентации Политичной (КРП) — органа, в состав которого вошли руководители проправительственных политических группировок, — генерал Коморовский подчеркнул, что главной задачей Армии Крайовой является подготовка вооруженного восстания. Выразив уверенность, что «восстание не может не удасться», он сообщил, что оно должно охватить территорию «этнографической Польши». Однако Коморовский признал, что «на некоторых территориях предвоенной Польши мы не смогли найти сил, достаточных для подготовки и осуществления восстания». Это касалось, главным образом, территорий, где польское население было в меньшинстве.

Ключевым пунктом восстания он считал Варшаву, «с ее аэродромами, узлом коммуникаций, переправами через Вислу и — что важнее всего — с ее огромным резервом сознательного населения, которое станет в восстании мощной ударной силой, а после освобождения также станет ее источником. Успешное взятие столицы необходимо, поскольку здесь сконцентрированы главные политические и военные центры страны. Наконец, я имею конкретные данные, что Варшава с окрестностями, возможно, станет районом ускоренной высадки наших вооруженных сил из эмиграции».

В зависимости от общей военно-политической ситуации, подчеркнул командующий АК, «появляется целая гамма возможностей, начиная с отказа от ставшего нежелательным восстания против немцев и кончая решительной вооруженной борьбой с Россией». «Мы не можем, — заявил Коморовский, — довести до восстания, когда немцы, битые на западе и юге, еще держат Восточный фронт и прикрывают нас с этой стороны. Поэтому ослабление Германии в данном особенном случае не будет отвечать нашим интересам».

У истоков такой позиции командующего АК лежало убеждение, что СССР «нельзя считать военным союзником Польши», поскольку он якобы представляет для нее угрозу.

По мнению Коморовского, «мы должны быть готовы оказать сопротивление советским войскам, входящим в Польшу. Мы не рассчитываем на военный успех, смысл вооруженного отпора России лежит почти исключительно в сфере политики, его следует оценивать прежде всего как вооруженную демонстрацию»². Такая демонстрация призвана была спровоцировать столкновение между западными державами и СССР, привести к распаду антигитлеровской коалиции, возможно, даже к военному конфликту.

Возможность этого не исключал в то время и премьер Микойлайчик. 28 августа 1943 года на совещании у президента Рузвельта он заявил, что если Красная Армия враждебно отнесется к представителям эмигрантского правительства и АК, то им придется прибегнуть к «самообороне», а правительству — «огласить состояние войны с Россией». 1 октября 1943 года глава польского правительства в эмиграции заявил, что, «в случае предоставления союзниками вооружения для АК и переброски по воздуху хотя бы небольших воинских контингентов, при отходе германской армии к польской границе АК смогла бы оказать сопротивление советскому вторжению, а присутствие частей союзников послужило бы политическим барьером, сдерживающим вторжение»³.

Расчеты на участие британских и американских войск в военных операциях в Польше были абсолютно нереальны, в особенности после конференции «большой тройки» в Тегеране 26 ноября — 1 декабря 1943 года, где Центральная и Юго-Восточная Европа определялись как сфера будущих советских операций.

Еще большим отсутствием реализма страдал представитель эмигрантского правительства Ян Станислав Янковский. Согласно меморандуму «Польские территориальные цели войны», высланному

10 января 1944 года премьеру Миколайчику, «главным велением польской политической мысли» являлось создание «условий для польской победы в вероятном будущем конфликте с Германией и Россией». В меморандуме говорилось о сравнительно скромных территориальных приращениях Польши за счет Германии — район Ополе, Гданьск, Восточная Пруссия — и значительно более обширных на востоке, в зависимости от степени ослабления СССР. Если бы Советский Союз к концу войны оказался достаточно силен, то «военной целью Польши на востоке должно стать удержание границы 1921 года, при включении в ее состав Литвы». Если бы СССР оказался заметно ослабленным, то целью Польши становилось отторжение от Советского Союза Латвии и Эстонии, а также Украины и Белоруссии, дабы связать их «политически и в военном плане с Польшей». Целесообразность присоединения к Польше Белоруссии Янковский обосновывал военными соображениями, а Украины — необходимостью ослабить СССР⁴.

Стратегическая установка на конфликт с СССР означала, что новое руководство лондонской клики положило тезис о «двух врагах» в основу своей политики. Характерно, что, несмотря на надежды относительно поражения Советского Союза, его распада, обескровливания, неспособности самостоятельно закончить войну с Германией, эти политики отдавали себе отчет в том, что не имеют в случае конфронтации шансов. Поэтому в позднейших высказываниях руководства эмигрантских кругов в Лондоне уже не появлялось подобным образом сформулированных планов войны с СССР.

Несомненно, сказалось здесь и влияние западных держав. Несмотря на их живую заинтересованность в том, чтобы в Польше у власти встало буржуазное правительство, они не желали тогда раскола коалиции, поэтому пытались отмежеваться от явно антисоветских акций, склоняя польскую эмиграцию к прекращению враждебных демаршей по отношению к Советскому государству, несущему на себе главную тяжесть войны с Германией.

Помимо этого фактора, отказ деятелей польского правительства в эмиграции от концепции вооруженной борьбы против Красной Армии и согласие ограничиваться только вооруженными демонстрациями были вызваны настроениями основной массы членов Армии Крайовой, ибо их готовность к выступлению против немцев совсем не означала готовности воевать с Красной Армией, несшей полякам освобождение от оккупации.

В январе 1944 года в главном штабе АК был сделан анализ стратегического положения по двум вариантам: «Вариант А: русские, тесня немцев, вступают на территорию Польши. Вариант Б: немцы капитулируют до того, как русские войдут в Польшу». Из этого следует:

1. Продвижение фронта в глубь Польши является для нее исключительно нежелательным. Поляки не должны помогать такому развитию событий.

2. В случае захвата страны Россией поляки должны занять

такую позицию, чтобы весь мир увидел: происходит насилие...⁵.

В письме представителю эмигрантского правительства Янковскому президент Рачкевич, выражая обеспокоенность успехами советской армии, утверждал, что «такое положение представляется временным, поскольку война кончится не так уж скоро и международная обстановка должна бы измениться в нашу пользу»⁶. Янковский был с этим согласен. А вот как, например, оценивало ситуацию Бюро иностранных дел Делегатуры: «Зимнее наступление в начале текущего 1944 года грозило, что Сталин закончит войну без военной помощи англо-американских войск... положение спасла немецкая армия, которая остановила советское наступление»⁷.

Итак, эти политиканы жили надеждой на продолжение войны. В то время, когда их соотечественники в оккупированной фашистами Польше несли неисчислимые жертвы, они, пренебрегая общенациональными интересами, думали только о захвате власти в Польше любой ценой. Именно об этом свидетельствуют секретные документы лондонского эмигрантского правительства. В подпольной же печати на территории Польши их устремления старательно камуфлировались под патриотические.

* * *

Непременным условием успеха всеобщего восстания в Польше являлось согласование времени начала восстания и плана вооруженных действий с воинскими частями тех армий, в зоне наступления которых должна была оказаться Польша. Необходима была и помощь союзников оружием. Не менее важной являлась согласованность действий между разнообразными отрядами польского патриотического подполья, чтобы в решающей битве с немецко-фашистскими оккупантами выступить единым фронтом.

Осенью 1943 года стало ясно, что Польшу освободит от гитлеровской оккупации Красная Армия. Согласование будущего вооруженного выступления в Польше, а в особенности действий Армии Крайовой, с операциями советских войск отвечало польским национальным интересам. Восстание, второе расчищало путь Красной Армии, поддерживаемой польскими вооруженными силами, в сердце «третьего рейха» могло помочь решению стратегических и оперативных задач в момент окончательного сокрушения фашистского государства.

Эмигрантское правительство в Лондоне отвергало неоднократно выдвигавшиеся ППР предложения о совместной борьбе с оккупантами. Таким образом, подполье оставалось разрозненным, а раскол в польском обществе углублялся, особенно после спровоцированных правыми весной 1943 года братоубийственных столкновений.

Любой реалистически мыслящий человек ясно увидел бы принципиальное совпадение государственных и национальных интересов Польши и Советского Союза и использовал это совпадение для блага собственной страны. Обе страны были жизненно заинтересо-

ваны в победе, причем возможно более скорой, поскольку каждый день войны умножал их потери. Обе страны были глубоко заинтересованы и в установлении такого порядка в послевоенной Европе, который бы навсегда покончил с угрозой фашизма, гарантировал безопасность, создавал бы основы стабильного мирного и дружественного сосуществования двух соседних славянских народов.

Проблема координации повстанческих действий АК с операциями советских войск, а шире — проблема польско-советских отношений, явилась предметом длительных дебатов и споров как среди поляков, так и на международной арене. Свою позицию по этому вопросу эмигрантское правительство изложило в резолюции от 5 октября 1943 года. В ее основу были положены предложения генерала Соснковского, содержащиеся в радиограмме генералу Коморовскому: «В моем понимании, нашим союзником Россия может стать лишь после выполнения условий, перечисленных в первом варианте», то есть после согласия восстановить границу, оговоренную Рижским договором 1921 года, и роспуска «армии Берлинга»⁸ *.

В тот же день Миколайчик заявил английскому министру Антони Идену о готовности Польши к военному сотрудничеству с СССР в виде диверсионных акций в немецких тылах, при условии признания Советским Союзом давней границы с ней. Тем самым вопрос о вооруженном сопротивлении оккупантам, целесообразность которого диктовали прежде всего интересы находившегося под угрозой физического истребления польского народа, превращался в предмет торговли.

В случае отказа Советского правительства уступить этим требованиям правительство Миколайчика намеревалось запретить Красной Армии пересекать границу, установленную Рижским договором 1921** года с угрозой, что установление в Польше власти иного, чем эмигрантское, правительства «может спровоцировать население Польши на стихийную самооборону». Из этого вытекало требование направить в Польшу «британско-американские воинские части и военные комиссии»⁹.

Такая позиция польского правительства была связана с принятым на Квебекском совещании Черчилля и Рузвельта в августе 1943 года планом «Рэнкин», предусматривавшим систему мер, которые должны были предпринять США и Англия в случае внезапного краха Германии. В рамках этого плана предусматривалось восстание в Варшаве, которой должны были овладеть силы АК и обеспечить включение Польши в орбиту стратегии западных союзников.

* *Армия Берлинга* — 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко, затем 1-й польский корпус и 1-я польская армия в СССР, сформированные в 1943—1944 гг. по инициативе СПП при содействии Советского правительства. Командиром дивизии, корпуса, а затем польской армии в СССР являлся генерал Зыгмунт Берлинг.

** Этот договор, заключенный 18.3.21., завершил советско-польскую войну 1920 г.; по нему к Польше отходили Зап. Украина и Зап. Белоруссия. — *Прим. ред.*

Концепции и планы эмигрантского правительства шли вразрез с решениями Тегеранской конференции. Отказ от балканского варианта наступления, решение о высадке союзников во Франции, при обязательстве советской стороны поддержать ее ударом с востока, перечеркивали расчеты на то, что в Польшу первыми вступят войска Англии и США. Более того, принятие «большой тройкой», по предложению Черчилля, поддержанному Сталиным, решения, что территория Польши будет лежать между Одрой и «линией Керзона» *, фактически лишало польские буржуазные группировки возможности играть на противоречиях, существовавших между великими державами ¹⁰.

Однако они надеялись — на это, впрочем, рассчитывал и Черчилль, — что тегеранские соглашения останутся лишь мертвой буквой и что вступившие в Европу крупные англо-американские силы после разгрома Германии обратят оружие против СССР. «Рост военной мощи англосаксонских государств, — информировал командующего АК генерал Соснковский, — их собственные сравнительно значительные военные успехи, изменения, наконец, в их отношениях с Россией могут создать ситуацию, в которой Англия и Америка оказались бы способны дать политике России более решительный отпор» ¹¹.

Руководству польской эмиграции первоначально не было сообщено, и, следовательно, оно не могло информировать своих представителей в Польше, о решениях, принятых в Тегеране по польскому вопросу. Пропагандистский аппарат эмигрантского правительства старался всячески поддерживать не только в рядах АК, но и среди всех поляков веру в спасительную, «провиденческую» роль Англии и США, а также в их мощь, которая якобы заставит СССР принять требования эмигрантского правительства ¹².

Своеобразную оценку военного положения представил печатный орган главнокомандования АК в передовой статье «На что мы рассчитываем?» и сам же отвечал: «1. Прежде всего на собственные вооруженные силы... 2. На то, что англосаксонско-советский конфликт неизбежен. 3. К концу войны в полной мере обнаружится несокрушимая мощь Соединенных Штатов и Великобритании...

* «Линия Керзона» — утвердившееся в дипломатической практике наименование линии, рекомендованной 8 декабря 1919 г. Верховным советом союзных держав как граница между Польшей, Украиной и Белоруссией. В ноте министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона, направленной Советскому правительству 12 июля 1920 г., говорилось об одобрении Верховным советом союзных держав линии советско-польской границы, которая «приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат», оставляя в составе Польши лишь этнографически польские области. Однако польское буржуазное правительство в советско-польском мирном договоре, подписанном в Риге 18 марта 1921 г., навязало советской стороне линию границы, согласно которой Западная Украина и Западная Белоруссия отходили к Польше. Осенью 1939 г. они были воссоединены с СССР. По договору о границе между СССР и Польшей от 16 августа 1945 г. граница была в основном установлена по «линии Керзона» с некоторыми отступлениями в пользу Польши.

и когда эта мощь окажется в Европе, голос этих держав будет ясно слышен как их врагами, так и их союзниками. Мы на это рассчитываем. Мы на это делаем ставку»¹³.

После образования в ночь на 1 января 1944 года руководящего центра левых сил во главе с ППР Крайовой Рады Народовой*, которая могла стать зародышем будущего народного правительства, и пересечения Красной Армией на Волыни границы 1939 года эмигрантское руководство активизировало дипломатические и пропагандистские усилия, домогаясь учреждения в освобожденных советскими войсками районах, входивших до 1939 года в состав Польского государства, органов власти, назначенных эмигрантским правительством. Тон, характер этой кампании еще более проблематичной делали возможность договоренности с СССР. Будучи направленной против единства антигитлеровской коалиции, эта кампания вызвала ряд критических выступлений английской печати и заставила британские власти, в числе других демаршей, закрыть издававшуюся в Лондоне эмигрантскую газету «Ведомости польские».

Создание КРН обеспокоило и Черчилля, который опасался, что после продвижения Красной Армии за «линию Керзона» в Польше может быть создано просоветское правительство, и тогда эмигрантскому правительству «ничего будет сказать по этому вопросу». В письме к Сталину 1 февраля 1944 года, то есть после образования в Варшаве Крайовой Рады Народовой, он писал: «Создание в Варшаве иного польского правительства, чем то, которое мы до сих пор признавали, вместе с волнениями в Польше поставило бы Великобританию и Соединенные Штаты перед вопросом, который нанес бы ущерб полному согласию, существующему между тремя великими державами, от которых зависит будущее мира»¹⁴.

Одновременно Черчилль усилил нажим на польское эмигрантское правительство, побуждая его к переговорам с СССР. Когда же эмигрантское правительство не вняло его рекомендациям, Черчилль решил на публичное выступление. 22 февраля 1944 года он заявил в палате общин, что Великобритания никогда не гарантировала Польше довоенной восточной границы и что «линия Керзона» отвечает всем требованиям справедливости и здравого смысла. Одновременно он поддержал идею расширения территории Польши «за счет Германии как на севере, так и на западе»¹⁵.

Оказывая давление на правительство Миколайчика принять предложение СССР взять за основу будущей польско-советской границы «линию Керзона», Черчилль надеялся, что это приведет к признанию Советским Союзом правительства Миколайчика в Польше и тем самым укрепит в ней позиции не только местной буржуазии, но и Британии. Отказ эмигрантского правительства, по мнению Черчилля, был чреват угрозой признания СССР другого, дружественного Советам польского правительства, в котором вид-

* *Крайова Рада Народова (КРН)* — созданный по инициативе ППР в 1944 г. многопартийный представительский орган.

ную роль, несомненно, будут играть польские коммунисты и их союзники, что представляло опасность для британского влияния в Польше и для всей капиталистической системы.

Выступление Черчилля вызвало протесты эмигрантского правительства, кампания в прессе получила новый толчок. Одновременно, вплоть до конца марта 1944 года, между Сталиным и Черчиллем шел обмен мнениями, принимавший иногда довольно острые формы¹⁶. Он не принес конкретных результатов, после чего обе стороны в своей оживленной переписке на несколько месяцев оставили в стороне польский вопрос.

Учитывая приближение развязки войны, почти все эмигрантские правительства старались достичь соответствующих договоренностей с теми союзниками, армии которых должны были войти в их страны. Например, правительство Чехословакии 8 мая 1944 года заключило с правительством СССР соглашение, определявшее принципы функционирования администрации после вступления советских войск на ее территорию. Соответствующие соглашения с западными странами заключили эмигрантские правительства Бельгии, Голландии, Норвегии и других государств. Лишь Польша не имела такого соглашения с СССР. Его заключил только Польский комитет национального освобождения * 26 июля 1944 года.

Сторонники эмигрантского правительства в самой Польше, подогреваемые приверженцами санации среди эмигрантских кругов в Лондоне, занимая резко антисоветскую позицию, заставили правительство отказаться от поиска компромиссов. В середине февраля 1944 года делегат правительства и правительственные партии в Раде Едности Народовой** выступили против переговоров с СССР, подчеркнув, что они не видят в них смысла. Они рассчитывали, что после высадки в Европе крупных соединений западных держав их влияние получит перевес. «То, что польско-советские разногласия до сих пор не улажены, явление, с польской точки зрения, позитивное», — изрек официальный орган главного штаба АК после высадки 6 июня 1944 года англо-американских войск в Нормандии¹⁷.

* * *

Несмотря на антисоветскую кампанию, развязанную в прессе польским правительством в Лондоне и в самой Польше, Советское правительство выражало готовность к соглашению. Не совсем ясно,

* *Польский комитет национального освобождения (ПКНО)* образован 20 июля 1944 г. путем преобразования Делегатуры КРН — исполнительного органа для освобожденных территорий, созданного на совместном заседании Президиума Главного правления Союза польских патриотов и делегации КРН в Москве 18 июля 1944 г. Стал фактически первым правительством новой, народной Польши.

** *Рада Едности Народовой (РЕН)* — подпольный орган польского буржуазного государства, созданный в оккупированной Польше по инициативе буржуазно-националистических деятелей санационного лагеря и представителей польского эмигрантского правительства.

по чьей инициативе (предположительно президента Бенеша) 29 мая и 10, 20, 22 и 23 июня в Лондоне состоялись конфиденциальные переговоры между послом СССР при правительствах в эмиграции Виктором Лебедевым и председателем Рады Народовой в Лондоне Владиславом Грабским. Как следует из опубликованных записей Грабского, Лебедев заявил, что «маршал Сталин желает войти в соглашение с польским правительством, несомненно дружественным по отношению к России, строящим сотрудничество с Россией без оглядки на враждебные круги». Миколайчик, однако, отверг предложения по вопросу будущих границ Польши, а также относительно удаления из руководства наиболее антисоветских настроенных политиков; он только извещил, что генерал Соснковский вскоре перестанет быть преемником президента, а вооруженные силы будут подчинены правительству¹⁸.

Таким образом, договоренности о восстановлении дипломатических отношений, о характере будущей администрации на освобождаемых польских землях, а также о взаимодействии Армии Крайовой с советскими войсками достигнуто не было. Была упущена возможность урегулировать важнейший момент, который решал успех восстания в Польше, — заключить соглашение с государством, от громадных усилий которого и жертв зависело и близкое освобождение польского народа.

Как уже упоминалось, принципиальное значение для готовящегося восстания имел вопрос помощи со стороны западных союзников — оружием и военным снаряжением, бомбардировочной и транспортной авиацией для переброски в Польшу отдельных воинских частей с Запада. Делался также расчет на непосредственное присутствие в Польше английских и американских подразделений или военных комиссий. Когда стало ясно, что на территорию Польши войдут советские войска, западные союзники почти утратили интерес к вопросу о вооруженном восстании в Польше и вообще к расширению военной активности Армии Крайовой.

Здесь, возможно, сыграли роль опасения, что дело дойдет до вооруженных столкновений между силами, подчиненными польскому эмигрантскому правительству, и Красной Армией, а это могло бы повлечь нежелательные осложнения в отношениях западных союзников с СССР. Вообще англичане считали, что все вооруженные действия поляков должны служить прежде всего их оперативно-стратегическим целям, и толковали в таком духе союзнические соглашения.

Позиция западных союзников существенно не изменилась и после визита в Вашингтон премьера Миколайчика, которого сопровождал прибывший из Польши полковник Станислав Татар, бывший начальник оперативного отдела главного штаба АК. Решения начальников штабов США и Великобритании, принятые 7 июля 1944 года, о помощи восстанию в Польше не оставляли сомнений в отношении их позиции. Из них следовало, что:

— командование союзников не имеет возможности для достав-

ки по воздуху оружия в количествах, достаточных для обеспечения восстания в Польше. Это возможно только морем в увязке с советскими операциями;

— определить срок восстания в Польше могут только польские власти по согласованию с наиболее заинтересованным союзником — СССР;

— диверсионные акции, нарушающие немецкие коммуникации в Польше, полезны прежде всего СССР, и именно с ним их необходимо согласовать¹⁹.

Итак, стало очевидным, что западные союзники не поддержат плана восстания в Польше, не согласованного с СССР, и что АК не получит помощи, большей, чем выделялось для нее до сих пор, то есть достаточной только для ведения разведки и ограниченных диверсий. Между тем происходила прямо-таки парадоксальная вещь: по мере того, как уменьшался интерес Англии и США к вопросу о восстании в Польше, надежды буржуазных польских политиков на вмешательство западных союзников в польские дела росли. И вместо поиска решения польских проблем прежде всего внутри Польши они делали ставку на внешние силы, уже явно домогаясь от правительств Великобритании и Соединенных Штатов вмешательства в польские дела, вплоть до военной интервенции.

Эта концепция была диаметрально противоположна идее Сикорского, о которой говорилось выше. Надеялись на вмешательство западных союзников и главари проправительственных групп в стране, предвидя активизацию народно-демократических сил в момент освобождения Польши, когда встанет вопрос о власти²⁰.

Но их надежды были беспочвенны. С провалом балканского плана Черчилля становилась сомнительной и возможность развертывания в Польше операций польских регулярных частей с Запада, подчиненных эмигрантскому правительству. Концепции генерала Соснковского предусматривали «сберечь их на последний час войны», а до этого «их участие в войне должно было быть скорее символическим и пропагандистским, имея целью связать (почетно) союзников обязательствами по отношению к Польше»²¹.

Рассчитывать же в случае восстания на авиацию и парашютную бригаду не приходилось. 20 октября 1943 года генерал Соснковский передал командующему АК, что польская авиация располагает подразделениями не крупнее эскадрильи, а командование более крупных частей и соединений, а также подразделения связи и вспомогательные службы находятся исключительно в ведении англичан. В случае согласия англичан на создание самостоятельной польской авиации и получения для нее кадров и техники она могла бы поддержать восстание в Польше «не ранее января 1945 года». Кроме того, возможности поддержки АК союзной авиацией зависели от оперативных планов, в которые «англичане в настоящее время не желают ввязываться»²².

Отпала и возможность использования для поддержки восстания польской отдельной парашютной бригады, так как английское

командование обещало обеспечить ее боевой техникой лишь в случае участия во втором этапе высадки на континент. Генерал Сосновский и эмигрантское правительство, не встретив возражений на этот счет главнокомандования АК, дали согласие, и бригада перешла в распоряжение генерала Монтгомери. Польские власти при этом сделали оговорку, что бригада в определенный момент может быть использована для действий в Польше²³. Однако практически это было невозможно, так как бригада была включена в план операции «Маркет Гарден»* и героически сражалась под Арнхемом 18—26 сентября 1944 года, где понесла большие потери.

Таким образом, подготовка всеобщего восстания из практических планов Армии Крайовой была исключена, тем более, что вероятность исполнения наиболее желательного для него условия — быстрого разложения немецкой армии — становилась все более сомнительной. К этому плану — правда, в весьма ограниченном и уменьшенном виде — вернулись только в июле 1944 года, когда не оправдались надежды, возлагавшиеся на операцию «Буря».

* * *

Военные и политические цели «Бури» были намечены в «Инструкции правительства для страны» от 27 октября 1943 года и в приказе командующего АК от 20 ноября 1943 года²⁴. Перед Армией Крайовой ставилась задача по мере отступления немцев овладевать освобожденными районами так, чтобы вступающие советские и польские войска, а также партизанские отряды Армии Людовой уже заставляли там сформированный аппарат власти, поддержанный вооруженными отрядами, подчиненными эмигрантскому правительству.

В военном отношении «Буря» должна была представлять собой комплекс диверсионных и партизанских действий, последовательно охватывающих территории, освобождаемые Красной Армией. Части АК должны были овладевать этими районами в условиях перемещения линии фронта, нанося удары по немецкому арьергарду или тыловому охранению в короткий миг существования «ничьей земли». Такие действия создавали возможность достичь тактических успехов в ходе разгрома противника Красной Армией в оперативно-стратегическом масштабе.

Однако этот план включал только часть потенциала АК, заранее сводя все лишь к тактическим действиям. Но оказывать влияние на фронтовую обстановку они смогли, когда вступающие в бой с немцами отряды АК переставали считаться с политическими ограничениями плана «Буря».

В политическом отношении «Буря» должна была обеспечить взятие власти в Польше сторонниками правительства в

* Крупная воздушно-десантная операция войск западных союзников, осуществленная в сентябре 1944 г.

эмиграции. Рассчитанная на возможно более шумную огласку, операция являлась, по существу, политической демонстрацией и, независимо от ее конечных результатов, призвана была убедить мировое общественное мнение, что эмигрантское правительство принимало активное участие в войне с Германией. Фактически же в операции участвовала только часть сил, остальные придерживались для будущей борьбы с польскими демократическими силами, а также для подпольной работы после освобождения страны.

Правительственная инструкция для страны предусматривала в случае вступления Красной Армии в Польшу следующий порядок действий: «Польское правительство направляет протест Объединенным Нациям по поводу нарушения польского суверенитета вступлением Советов на территорию Польши без соглашения с польским правительством, одновременно заявляя, что страна не будет сотрудничать с Советами. В то же время правительство предупреждает, что в случае ареста представителей подпольного движения и каких бы то ни было репрессий против польских граждан подпольные организации перейдут к самообороне. Власти и вооруженные силы в стране остаются и далее в подполье и ожидают дальнейших решений польского правительства»²⁵.

20 ноября 1943 года командующий АК издал приказ выходить из подполья и представляться командованию вступающих советских частей тем отрядам АК, которые примут участие в боях с отходящими немцами. При этом приказано было демонстрировать и свою подчиненность командованию АК и эмигрантским властям в Лондоне. Генерал Коморовский обосновал подобные действия необходимостью заполнения пустоты, каковую означало бы, по его мнению, «отсутствие демонстрации перед русскими военной силы, представляющей Польскую Республику и ее легальные власти. Все наши акции в противном случае приписывались бы силам, состоящим в услужении у Советов». Он заявил: «Я ограничу количество объявляющих о себе командований и отрядов до необходимого минимума, а остальных постараюсь сохранить, формально распустив». Одновременно он обещал развернуть работу по созданию новой подпольной организации, которая должна была начать действовать после освобождения страны Красной Армией.

Соснковский и Коморовский, зная, что правительство СССР рассматривает польские дивизии, созданные в СССР и преобразованные 16 марта 1944 года в армию, в качестве единственного польского формирования, в которое должны войти все желающие воевать с немецкими оккупантами поляки, решили перекрыть солдатам АК путь к такому выходу. Еще приказ от 26 ноября 1943 года гласил, что «любые попытки включения польских отрядов (АК) в состав русских войск либо войск Берлинга являются насильем и им надлежит решительно противостоять»²⁶.

Несмотря на разногласия по вопросу выхода отрядов из подполья (против этого возражал командующий АК Соснковский), оба генерала пришли к согласию, что надлежит любыми средствами

противодействовать возможному вступлению отдельных отрядов Армии Крайовой в состав польских частей, сформированных в СССР. Они отдавали себе отчет, что если это допустить, то постепенно может дойти до перехода большинства личного состава АК в 1-ю армию Войска Польского, что усилит польскую левицу, а обоих генералов сделает командующими без войска. Именно поэтому они направили основные усилия подчиненного им пропагандистского аппарата на очернение Польской армии в СССР.

Солдатам АК запрещалось продолжать борьбу за освобождение Польши в рядах союзных СССР польских вооруженных сил, но приказывалось оставаться в тылу советских войск в качестве «чужеродного тела». Нетрудно было одновременно предвидеть, что попытки создания де-факто польской администрации на территориях Украины, Белоруссии и Литвы, вошедших в состав СССР, советские власти сочтут провокацией.

В духе решения от 18 февраля 1944 года эмигрантское правительство рекомендовало, чтобы эмиссары местных делегатур в Польше совместно с военными комендантами АК делали заявления командованию вступающих на данную территорию советских войск, в которых бы акцентировалось, что они — представители законной польской администрации — подчинены эмигрантскому правительству, и подчеркивалась принадлежность этих районов Польше. Одновременно рекомендовалось выражать готовность к взаимодействию с Красной Армией. То есть, с одной стороны, обещать совместные действия против немцев, а с другой — демонстративно подвергать сомнению законность нахождения Советской Армии на освобожденных ею же территориях. В соответствии с этими директивами солдаты АК должны были вести конспиративную работу в тылу советских войск, воюющих с немцами, сохранять оружие, и в случае ожидаемых арестов — применить «самооборону». Но при всем том им еще рекомендовалось «избегать конфликтов»²⁷.

Таким образом, ответственность за двуличие и противоречивость этих приказов была возложена на плечи солдат АК, подвергавшихся опасности возможных репрессий. Командиров отрядов АК, не давая им ясного приказа воевать против Советской Армии и формально даже предостерегая от этого, фактически вынуждали принимать решения о переходе к «самообороне».

Первое соприкосновение сконцентрированных для выполнения операции «Буря» сил АК и советских частей произошло на Волыни 18 марта 1944 года. Это были отряды 27-й дивизии АК и части 2-го Белорусского фронта, наступавшие на Ковель. Сообщая об этом, эмигрантское правительство полагало, что, создавая видимость позитивного отношения к СССР, оно сможет избежать принятия конкретных решений, затягивая время в ожидании изменения военной обстановки в пользу англо-американских войск после их высадки в Западной Европе. Подоплека этой игры состояла в том, что, как писал Миколайчик делегату правитель-

ства 17 марта 1944 года, «польскому правительству было нужно разыграть политический спор так, чтобы ответственность за его существование и даже обострение пала на Советы. Мы должны любой ценой предотвратить изоляцию Польши... Мы сочли необходимым, имея в виду британское и американское общественное мнение, выказать добрую волю»²⁸.

В донесении о переговорах, проведенных 26 марта с генералом Сергеевым, командующим армией, действовавшей на ковельском направлении, комендант Волинского округа АК сообщал, что генерал потребовал подчинения 27-й дивизии АК советскому командованию, с сохранением внутренней самостоятельности, и превращения ее в регулярную дивизию. Генерал Сергеев подчеркнул, что советское командование не потерпит в своих тылах никаких партизанских отрядов²⁹. «Ясно, что русские хотели видеть солдат АК на фронте, а не в своем тылу», — заключает автор книги, опубликованной в Англии³⁰.

Командующий АК дал тогда коменданту Волинского округа разрешение согласиться на реорганизацию в регулярное воинское соединение, но одновременно приказал сохранить «независимую и не контролируемую Советами связь» с главнокомандованием АК, а также подчеркнул, что дивизия и далее будет подчинена ему и будет реализовывать только те военные цели, которые определяют власти в Лондоне. Вскоре после этого «Бур»-Коморовский признался в радиোগрамме Соснковскому: «Моя инструкция коменданту округа Волинь содержала такое ограничение, которое Советы наверняка терпеть не будут»³¹.

Нетрудно понять, что, например, предписанная командующим АК связь через радиостанцию, находившуюся в советском тылу, с Варшавой, расположенной по другую сторону фронта, в военных условиях должна была привести к конфликтам.

Тем временем немецкие войска перешли в контрнаступление, которое привело к деблокированию Ковеля. 27-я дивизия АК оказалась в немецком тылу, а в ходе тяжелых боев погиб ее командир подполковник Ян Киверский («Олива»). Новый командир — майор Тадеуш Штумберк-Рыхтер — решил перейти на советскую сторону. «Через два дня была установлена связь с главным штабом, — повествовал тогдашний командир 27-й дивизии, — и получен, пожалуй, самый трагический приказ: „Пробиваться через линию фронта запрещаю. Приказываю перейти за Буг”»³².

Приказ главнокомандования АК не дошел до одной из группировок, которая пересекла линию фронта на реке Припять, выдержав при этом кровопролитный бой с немцами. В итоге 349 солдат АК оказались в рядах 1-й армии Войска Польского в СССР. В обращении к ее Военному совету они писали: «Кровью сердец оросили мы путь наших партизанских отрядов, соединенных затем в 27-ю дивизию Армии Крайовой, в непрерывных боях с бандами украинских националистов и гитлеровскими

ордами... Мы хотим выразить горячую благодарность союзнической Красной Армии за сердечную помощь, которую она оказывает нам в совместных боях с немцами и бендеровцами, а также после перехода нами линии фронта»³³. 29 июня 1944 года под Киверцами они приняли присягу, а несколько дней спустя стали солдатами 1-й армии Войска Польского и прошли с ней весь боевой путь.

В ходе операции «Буря» на Волыни командование АК смогло понять, что советское командование готово признать и поддержать отряды АК, когда они обращают оружие против немцев. Тем из них, которые оказались по советскую сторону фронта, оно предоставляло возможность продолжать борьбу с Германией в составе польских вооруженных сил. Однако допускать деятельность отрядов АК в своем тылу оно не намеревалось.

На Волыни не только не дошло до ожидавшегося конфликта между АК и советскими войсками, но наоборот, вопреки всем запретам произошло организованное вступление отряда АК в полном составе в Войско Польское.

Следующая «проба сил», связанная с реализацией плана «Буря», должна была произойти во львовском и виленском округах АК, затем в восточных районах Польши, особенно на Люблинщине. Поскольку «Буря» на Волыни не принесла руководству польской эмиграции в Лондоне ожидаемых политических дивидендов, оно существенно скорректировало свои планы.

Генерал Соснковский в радиোগрамме от 7 июля 1944 года приказал охватить операцией «Буря» крупные города, прежде всего Вильнюс и Львов; отрядам АК, овладевшим ими, создать в них администрацию, подчиненную эмигрантскому правительству³⁴. 12 июля командующий АК дал комендантам округов новые инструкции: «В случае попыток Советов включить польские отряды в состав советских войск либо армии Берлинга надлежит: а) протестовать; б) стремиться уйти и избежать разоружения либо включения силой; в) в крайнем случае оружие спрятать, а отряды расформировать; г) в случае попытки Советов уничтожить тот или иной отряд физически — защищаться». «Однако подчеркиваю, — продолжал Коморовский, — что борьба с Советами является нежелательной крайностью»³⁵.

Таким способом опять ответственность за судьбы солдат и за возникшие конфликты перекладывалась на плечи местных командиров.

Обращают внимание «тонкий» подбор формулировок и явное нежелание называть вещи своими именами в приказах генерала Соснковского, который постоянно избегал ясных и однозначных определений. Несмотря на это, приказы в основном не оставляли сомнений в отношении действительных намерений того, кто их отдавал.

Подобное же звучание имела инструкция генерала Соснковского от 7 июля 1944 года отрядам АК: «...в крайнем случае... рас-

средоточиться по территории полностью или частично». Распределение части вооруженных отрядов означало, что другая их часть будет действовать в тылах советских войск, что вело к столкновению и жертвам. Солдатам распущенных отрядов АК Соснковский хотя и рекомендовал «сидеть тихо», но одновременно предписывал осуществление «моральной опеки над населением» и «установление внешних связей с целью информирования правительства либо командующего АК, что происходит на территории, занятой Советской Армией»³⁶. Это означало не более и не менее как проведение конспиративной политической, организационной и разведывательной деятельности в сочетании с работой нелегальных радиостанций в тылу советских войск либо с переброской через фронт связных.

Цели такой политики генерал Коморовский недвусмысленно сформулировал в рапорте генералу Соснковскому от 14 июля 1944 года: «Оказывая Советам минимальную военную помощь, мы, однако, создаем им политические трудности. АК должна упирать на стремление народа к независимости. Это вынуждает Советы подавлять нашу волю силой и создает им трудности изнутри... Должно будет произойти явное насилие, что может вызвать протест дружественных нам союзников»³⁷.

Эта система приказов, подстрекательства и рекомендаций принесла ожидаемые результаты в ходе осуществления операции «Буря» в Вильнюсе и во Львове.

Объединенные отряды Виленского и Новогрудского округов Армии Крайовой численностью свыше 5 тыс. человек предприняли 7 июля 1944 года попытку овладеть Вильнюсом незадолго до вступления в него Красной Армии. Они потеряли в боях с гитлеровцами около 500 солдат. В конце концов Вильнюс освободили 13 июля войска 3-го Белорусского фронта. При попытке эмисаров эмигрантского правительства и АК установить свою административную и полицейскую власть, а также после отказа командующего округом АК подчиниться командованию 1-й армии Войска Польского, сформированной в СССР, ситуация обострилась. Дело кончилось разоружением и интернированием части личного состава АК, а в одном случае ввиду отказа сложить оружие — даже кровавой стычкой под Сурконтами 13 августа 1944 года, в которых обе стороны понесли трагические потери.

Аналогичным образом складывались и события во Львове. Свыше 3 тыс. бойцов по приказу окружного штаба АК 23 июля атаковали гитлеровский гарнизон, пытаясь овладеть городом. Однако сил у них было недостаточно. Львов был освобожден только 27 июля войсками 1-го Украинского фронта.

Комендант обшара (района) полковник Владислав Филипковский («Янка») передал в главнокомандование АК в этот день следующую радиограмму: «Сегодня я явился к генералу, представителю командующего фронтом. Он заявил, что данная территория принадлежит Советскому государству. Посему мне

надлежит в срок до двух часов сложить оружие и распустить все отряды. Мобилизация будет проведена советскими органами: поляки имеют возможность выбора между частями Берлинга и советскими частями. Офицеры АК, которые не подлежат мобилизации, могут оставить оружие при себе и при желании присоединиться к Берлингу. Ввиду такой ситуации я вынужден был отдать приказ, распускающий отряды в обшаре III»³⁸.

Как следует из донесений полковника Филипковского, он отказался со своими отрядами подчиниться командованию образованного за несколько дней до этого народного Войска Польского. Советские власти предоставили ему возможность встретиться с главнокомандующим Войска Польского генералом Михалом Жимерским и начальником его главного штаба подполковником Марианом Спыхальским, которые в последние дни июля находились в Житомире. Полковник Филипковский отверг их предложения, мотивируя отказ отсутствием соглашения между ПКНО и эмигрантским правительством в Лондоне³⁹. Сложилась кризисная ситуация, подобная вильнюсской.

Политическое руководство и военное командование эмигрантского польского правительства в Лондоне поставило отряды Армии Крайовой в ситуацию, которую не потерпела бы ни одна армия и ни одно государство. Солдаты АК, участники боев с гитлеровскими оккупантами, вместо того, чтобы разделить радость победы, переживали горечь трагедии⁴⁰.

Подобным же образом развивались события на территории восточной Польши, освобождение которой началось форсированием 20 июля Буга войсками 1-го Белорусского фронта. Сосредоточенные для операции «Буря» отряды АК вступали в бои с тыловым охранением немецких войск на Люблинщине, а затем в районах Жешува, восточного Мазовша и Белостока. Вместе с тем подавляющее большинство бойцов АК видело в «Буре» долгожданное вооруженное выступление против гитлеровской Германии и не знало скрытых политических целей этой операции. Впрочем, даже средние командные кадры не были ознакомлены со всеми секретными инструкциями руководства АК. Солдаты же Армии Крайовой с оружием в руках сражались с фашистскими оккупантами за освобождение Родины, а не для того, чтобы прокладывать путь к власти лондонской камарилье. И они самоотверженно выполняли свой солдатский долг.

При этом следует отметить, что политические планы руководства буржуазного лагеря, а также его приказы и запреты не смогли помешать партизанам из АК самоотверженно сражаться с врагом. В ряде стычек и боев с ними, особенно в Люблинском воеводстве, гитлеровцы понесли серьезные потери. В своих действиях отряды АК на территории восточной Польши отнюдь не ограничивались настоятельно рекомендованной им военно-политической демонстрацией. Они активно проводили партизанские акции, устраивая засады на шоссе, изматывая и уничтожая

отходившие гитлеровские части, часто во взаимодействии с советскими войсками, а иногда и с отрядами Армии Людовой и советскими партизанами.

Согласно плану операции «Буря», по мере продвижения линии фронта отряды Армии Крайовой вступали во многие города и местечки. Эмиссары эмигрантского правительства заявляли там от его имени о взятии власти. Но многие населенные пункты освобождали отряды Армии Людовой, и власть брали выходившие из подполья народные советы. Туда прибывали представители образованного декретом Крайовой Рады Народовой от 21 июля 1944 года Польского комитета национального освобождения, который выполнял функцию временного народного правительства. Таким образом, создалось своеобразное двоевластие. Несколько дней спустя в большинстве освобожденных городов власть взяли органы КРН и ПКНО, вооруженную силу которых составляло образованное тем же декретом КРН Войско Польское, возрожденное в результате слияния Армии Людовой и 1-й армии Войска Польского, прибывшей из СССР. Принятие власти носило порой характер политической схватки, но в общем произошло без крупных потрясений и кровопролития.

На освобожденных польских землях, то есть непосредственно в тылу Красной Армии, оставались крупные, хорошо вооруженные группировки АК. Представители советского командования вели с их командирами переговоры, обычно предлагая войти в состав Войска Польского, признанного СССР в качестве союзной армии. При этом командование народного Войска Польского гарантировало им сохранение воинских званий, наград, непрерывности срока воинской службы. Предлагалось даже сохранение их структуры как отдельных воинских формирований. Переговоры длились порой по нескольку дней. Командиры соединений АК в большинстве своем отвергали эти предложения, руководствуясь директивами, которые запрещали как переход в подчинение командованию народного Войска Польского, так и сдачу оружия.

Нельзя было не предвидеть, что ни одна армия, ведущая войну, не станет терпеть в своем тылу вооруженные отряды, подчиненные властям, с которыми не только нет соглашения, но и существует острый политический конфликт. В Европе разоружались западными союзниками партизанские формирования, которые подчинялись даже признанным союзникам правительствам. Так было во Франции, Бельгии, Италии, не говоря уже о Греции, где имела место кровавая интервенция британских войск для установления власти короля.

В зоне военных операций советских войск, как правило, разоружались все нерегулярные отряды, а на практике и многие отряды Армии Людовой, если они не могли представить доказательств, что входят в состав союзного Войска Польского. Те отряды Армии Крайовой, которые отказались вступить в Войско Польское, разоружались, а их командные кадры были интерни-

рованы. При этом следует подчеркнуть, что вопреки приказам сверху о недопущении разоружения и перехода к «самообороне» они не оказывали при этом вооруженного сопротивления, которое могло привести к трагическим последствиям.

Командующий Люблинским округом АК полковник Казимеж Тумидайски радировал 31 июля 1944 года Коморовскому, что в ответ на требование командующего советской 6-й армией вступить в Войско Польское или сдать оружие он решил на сдачу оружия⁴¹. Сдача оружия и интернирование в СССР части бойцов АК будили в них чувства незаслуженной обиды и понятного разочарования, которыми пытались воспользоваться реакционные политические силы. И все же в большинстве своем солдаты разоруженных отрядов АК и часть офицеров влились во вновь формируемые подразделения Войска Польского, а руководство АК в основном перешло на нелегальное положение.

* * *

По существу, операция «Буря» провалилась. Попытки реализации плана принесли только серьезные осложнения и разочарования. Западное общественное мнение не удалось настроить должным образом, а последствия рискованных политических демонстраций вынесли на себе рядовые бойцы АК, а не те, кто их инспирировал.

В тогдашних условиях последствия антисоветской политики вожаков сторонников эмигрантского правительства сказывались и на тех польских солдатах и офицерах, которые вступали в ряды АК, чтобы продолжить борьбу с гитлеровской Германией, и не были враждебно настроены по отношению к СССР — они также испытали на себе произвол органов безопасности, подвергались арестам и ссылкам даже после окончания войны. Эта несправедливость по отношению к людям, страдавшим не за свою вину, препятствовала политической поляризации в рядах АК и давала пищу антикоммунистической, антисоветской пропаганде.

Прибывший в июле 1944 года из Лондона связной главнокомандования АК и генерала Соснковского Ян Новак сообщил, что генерал Окулицкий признался в приватной беседе, что ориентация главнокомандования АК на «Бурю» была ошибочной, поскольку «темп советского наступления был настолько высок, что «Буря» на Востоке прошла без какого бы то ни было отголоска на Западе»⁴². В этих условиях в недрах главнокомандования АК начала зреть идея о проведении новой политической демонстрации, масштабы которой смогли бы впечатлить влиятельные западные круги. Именно эту задачу и предстояло выполнить восстанию в Варшаве.

Руководство сторонников правительства в Лондоне не исключало возможности вооруженной борьбы за власть в стране с польскими народно-революционными силами, которые вряд ли

пойдут на возврат буржуазного правления. Еще весной 1943 года были предприняты попытки физического уничтожения потенциального противника — кадров Польской рабочей партии и вооруженных отрядов Гвардии Людовой. В силу ряда факторов, как внешнего, так и внутреннего характера, попытки не увенчались успехом. Тем не менее в момент, когда решался вопрос о власти, эмигрантская клика с величайшей активностью развязала пропагандистскую кампанию клеветы и очернения ППР и польских революционных сил⁴³.

Конкретный план действий представил командующий АК на заседании Крайовой Репрезентации Политычной 14 октября 1943 года. Он был сформулирован еще в депеше в Лондон, озаглавленной «Советская опасность», высланной днем раньше, где потенциальными противниками назывались ППР, которая «стремится к радикальной народной революции», Гвардия Людова и советские партизаны. «Лозунги ППР, несмотря ни на что, падают на благоприятную почву в радикализованном, уставшем и заждавшемся скорого конца войны обществе, молодежь которого немецкие репрессии почти неотвратно гонят в леса, — признал командующий АК. — Даже в лучшем для нас случае, если немецкая армия в момент капитуляции будет находиться восточнее польской границы, мы должны считаться с необходимостью борьбы с «пятой колонной» Советов внутри страны. Дабы эффективно противодействовать этой опасности, представляется необходимым:

а) все более интенсивное вооружение Армии Крайовой уже сейчас;

б) ускоренное введение в критический момент в страну не только наших войск из-за границы, но и нескольких крупных англо-американских соединений;

в) наделение главного делегата правительства в стране возможно более широкими полномочиями по борьбе с анархией и обеспечению безопасности;

г) создание сильного, централизованного, управляемого, независимого от политических влияний Паньствового Корпуса Беспеченства (ПКБ) как исполнительного органа при главном делегате правительства, а также укрепление ПКБ обученными за границей кадрами»⁴⁴.

Детальный анализ тогдашних концепций и планов руководства лондонского лагеря показывает, что доминантой его деятельности стала подготовка к борьбе за власть. В частности, инструкции Делегатуры отдельным округам АК предписывали готовить места расположения и персонал для организации концентрационных лагерей, составлять списки противников буржуазного правления, которых следовало сажать в лагеря вместе с гитлеровцами. В «Инструкции по безопасности» департамента внутренних дел Делегатуры прямо говорилось, что непосредственно после взятия власти польским эмигрантским правительством начнется «ограни-

чение гражданских свобод», когда оппозиция будет поставлена вне закона. Подготовленный с этой целью проект «Антикоммунистического закона» определял в качестве преступления, караемого смертью либо заключением сроком до 10 лет, принадлежность к коммунистической организации, пропаганду коммунизма и т. п. В списке преступлений фигурировали также «организация забастовок, пропаганда против права собственности, против семьи, религии, армии, администрации...»⁴⁵.

Реализацию этих планов должны были обеспечить Армия Крайова, а также создаваемый в подполье полицейский аппарат Делегатуры эмигрантского правительства — Паньствова Корпус Беспеченьства (ПКБ), в котором важная роль отводилась «специалистам» из довоенной и оккупационной полиции. К началу февраля 1944 года среди 463 офицеров ПКБ в стране насчитывалось 150 «профессионалов», а из 10 979 рядовых служащих — 2239 имели опыт штатной полицейской службы. Кроме того, предусматривалось, что, как только ПКБ начнет работать легально, он будет усилен «вышколенным элементом» из коллаборационистской полиции и тайных осведомителей, служивших до этого гитлеровцам.

На случай восстания либо «оставления» Польши оккупантами ПКБ должен был сформировать специальные подразделения для выполнения заданий политического свойства, в первую очередь для «ликвидации массовых выступлений, угрожающих безопасности тылов АК», «нарушающих общественный порядок» и т. п. Часть сформированных подразделений ПКБ в составе 9 батальонов по 500 человек каждый планировалось оставить в резерве будущего министерства внутренних дел «в предвидении необходимости усилить администрацию восточных воеводств мобильным элементом из средней Польши»⁴⁶. То есть имелась в виду переброска в районы Западной Украины и Западной Белоруссии карательных отрядов.

Так, предполагалось уже в момент освобождения, застав обществу врасплох, установить буржуазную диктатуру, связанную кровными узами с санацией.

Дальнейшее уточнение эти замыслы получили в «Общественно-политических директивах на период восстания», изданных 4 мая 1944 года командующим АК, которые предписывали «подавление подрывных действий». Непосредственно после начала восстания, согласно директивам, объявлялось чрезвычайное положение, ограничивающее гражданские свободы, свободу передвижения и собраний, деятельность общественных организаций и партий, предписывалось введение военной цензуры.

Однако если «нестойкие слои населения» вознамерились бы под влиянием ППР произвести переворот в общественном устройстве или даже попытаться посягнуть на власть, тогда эти попытки создания левых или правых руководящих центров (правительств) будут решительно подавляться, вплоть до применения

силы. Это должно было произойти, если бы противники политики эмигрантского правительства предприняли «попытку создания народного правительства под общедемократическими лозунгами»⁴⁷.

* * *

По мере приближения освобождения Польши от фашистской оккупации росли опасения сторонников польского правительства в эмиграции, что они окажутся не в состоянии предотвратить взятие власти польскими революционными силами во главе с ППР. 17 июня 1944 года в радиোগрамме в Лондон генерал Коморовский не исключал, что после вступления в Польшу Советской Армии будет создано коммунистическое правительство в Люблине или Белостоке.⁴⁸

Здесь понадобилось извлечь на свет божий старый домysel о советско-коммунистических замыслах спровоцировать вооруженное восстание в Польше. «Советы решили поднять в Польше восстание с помощью Берлинга», — «накачивал» 4 июля эмиссара правительства в стране премьер Миколайчик⁴⁹. В свою очередь 14 июля командующий АК радировал в Лондон, что, «анализируя ход событий, имеющих место до сего времени, утверждаю: Советы стремятся вызвать восстание в Польше при помощи ППР. Они рассчитывают, что польское общество, измученное немецкой оккупацией и жаждущее отмщения, позволит поднять себя на вооруженную борьбу. Они планируют сброс по воздуху десантных отрядов и оружия для вооружения населения. Заброска командных кадров и инструкторов ведется вот уже несколько недель. Считаю, что советские замыслы могут быть реализованы, если мы не противопоставим им свою позицию и свои действия»⁵⁰.

Поскольку тезис о необходимости противостоять замыслам Советов понадобился в качестве основания для решения вопроса о восстании в Варшаве, требуется проанализировать отношение Польской рабочей партии к проблеме вооруженного восстания.

¹ PSZ. Op. cit., t. III, s. 552-559.

² СА КС, т. 203/І-1, к. 1-33; АК w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 157-179.

³ Выступление на совещании у президента Рачкевича, цит. по: Ciechanowski J. M. Powstanie Warszawskie. Londyn, 1971, s. 186-189.

⁴ СА КС, т. 202/ІІІ-165, к. 54. Текст имеется также в лондонском институте им. Сикорского, но этот документ ранее не упомянул ни один из эмигрантских историков.

⁵ СА КС, т. 213/І-1, к. 7-9.

⁶ Skarżyski A. Polityczne przyczyny powstania warszawskiego. Warszawa, 1964, s. 178.

⁷ СА КС, т. 202/ІІ-12, к. 204, «МОС» (Департамент иностранных дел Делегатуры), 14.VII.1944 (Подчеркн. Р. Н.).

⁸ Wojskowy Instytut Historyczny (WIH), t. III/18, к. 10.

⁹ Моморандум 5.X.1943, в: Documents... Op. cit., vol. II, s. 64-86.

¹⁰ Тегеран—Ялта—Потсдам. Сборник документов, 1971, М. с. 96.

¹¹ AMSW, т. 295/517, к. 5, 6; т. 295/471-3, к. 167-171. Радиогаммы «Лавине» от 12.II.1944.

- ¹² S k a r ż y ń s k i A. Op. cit., s. 116-117.
- ¹³ Biuletyn Informacyjny, N II, 16.III.1944.
- ¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Далее — Переписка...), т. I, М., 1958, с. 196; Documents... Op. cit., vol. II, s. 169, беседа Черчилля с Миколайчиком 6.II.1944.
- ¹⁵ Sprawa polska... Op. cit., s. 474, 481.
- ¹⁶ Переписка ..., т. I, с. 194, 202-205.
- ¹⁷ SA KC, t. 202/I-8, радиogramма 15.II.1944; Anglia, Polska, Sowiety — Biuletyn Informacyjny, N 22, 8.VI.1944.
- ¹⁸ K o w a l s k i W. T. Op. cit., s. 401-404; Kirkor S. Pozmowy polsko-sowieckie 1944. — Zeszyty Historyczne. Paryż, 1972, N 22.
- ¹⁹ M i t k i e w i c z L. Powstanie Warszawskie. Op. cit., s. 132-138.
- ²⁰ SA KC, t. 203/I-13, k. 16, радиogramма 14.X.1943; AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 153-156.
- ²¹ K o p a ń s k i S. Wspomnienia wojenne 1939-1946. Londyn, 1972, s. 241.
- ²² W a b i ń s k i W. Przyczynki historyczne do okresu 1939-1945, Londyn, 1967, s. 622-623.
- ²³ AMSW, t. 295/515, радиogramма «Лавине» 20.III.1944; AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 335, 370, 374-378, 385.
- ²⁴ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 182-185, 210-213.
- ²⁵ Ibid., s. 185.
- ²⁶ Ibid., s. 213.
- ²⁷ PSZ. Op. cit., t. III, s. 563.
- ²⁸ SA KC, t. 202/I-4, k. 59; о соглашении, заключенном на Волыни между 27-й дивизией АК и советскими войсками, сообщило эмигрантское Польское телеграфное агентство, см. "Rzeczpospolita Polska", N 5, 28.VI.1944. На ковельском направлении действовали тогда 47-я, 61-я и 70-я армии 2-го Белорусского фронта. Кто был генерал Сергеев, установить не удалось.
- ²⁹ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 393.
- ³⁰ C i e c h a n o w s k i J. M. Op. cit., s. 226.
- ³¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 412.
- ³² S z t u m b e r k - R y c h t e r T. Artylerzysta piechurem. Warszawa, 1966, s. 249, 284. Klimowski T. Walki 27 wołyńskiej DP w czasie "Burzy" — "Bellona", Londyn, 1956, z. I, s. 22.
- ³³ Organizacja i działania bojowe LWP, t. IV. Warszawa, 1958, s. 232-233, 233-234.
- ³⁴ SA KC, t. 203/I-1, k. 22-23.
- ³⁵ SA KC, t. 203/I-1, k. 28-29.
- ³⁶ См. сноску 34.
- ³⁷ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 549.
- ³⁸ S k a r ż y ń s k i A. Op. cit., s. 193-197; C i e c h a n o w s k i J. M. Op. cit., s. 238-249; J u c h n i e w i c z M. Polacy w radziechym ruchu podziemnym i partyzanckim. Warszawa, 1973, s. 307-313.
- ³⁹ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 586, 587, 591-594; CA KC, t.os. 5419, Wspomnienia Mariana Spychalskiego, cz. III, s. 245.
- ⁴⁰ J u c h n i e w i c z M. Op. cit., s. 313-314.
- ⁴¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 592.
- ⁴² N o w a k J. (Zdzisław Jeziorański). Kurier z Warszawy. Londyn, 1979, s. 382.
- ⁴³ N a z a r e w i c z R. Drogi do wyzwolenia. Koncepcje walki z okupantem i ich treści polityczne. Warszawa, 1979, s. 344-384.
- ⁴⁴ SA KC, t. 203/I-1, k. 43-48; t. 202/I-13, k. 16-17, 58-70; AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 155-156, 174-179.
- ⁴⁵ SA KC, t. 228/I-1, k. 49-52, t. 203/I-1, k. 101-103, AMSW, t. 238/VIII/14, k. 94-120, ibid., k. 310-324.
- ⁴⁶ AMSW, t. 238/VIII/14, k. 380, 457-498.
- ⁴⁷ SA KC, t. 203/I-1, k. 10-15.
- ⁴⁸ AK w dokumentach; Op. cit., t. III, s. 483.
- ⁴⁹ Ibid., s. 496.
- ⁵⁰ Ibid., s. 517.

Глава 3. Польская рабочая партия и идея вооруженного восстания

С самого начала своего существования новая партия польских коммунистов — Польская рабочая партия — была предметом яростных атак со стороны буржуазных группировок. Они видели в ее существовании угрозу для своей власти в будущей независимой Польше, угрозу для капиталистического строя. Одним из главных обвинений в кампании, развязанной против ППР, стало обвинение, будто она стремится спровоцировать вооруженное восстание как «акт отчаяния», что якобы выгодно для СССР.

В подпольной печати публиковалось множество статей с подобной ложью. Даже в официальных декларациях правительственных группировок, например в «Заявлении руководства гражданским сопротивлением», говорилось: «Преждевременные взрывы отчаяния и ненависти являются ... злом, действующим непосредственно в пользу наших врагов». К врагам относили как гитлеровских оккупантов, так и польских коммунистов, которые якобы «хотят любой ценой спровоцировать диверсии в тылах немецкой армии, а если при этом тысячи или даже сотни тысяч поляков будут расстреляны, тем лучше»¹.

Нет необходимости объяснять, что эти пропанандистские приемы были призваны прежде всего пресечь среди поляков не санкционированный вожаками правительственных группировок отпор оккупантам или акты возмездия в момент, когда фашистский террор стал наиболее жесток².

Но несмотря на это, призыв Гвардии Людовой* к вооруженному отпору террору встретил широкую поддержку в Польше. Это заставило лидеров проправительственных группировок частично изменить тактику «стойки с оружием у ноги» и начать «ограниченную борьбу».

С изменениями внешней и внутренней обстановки менялась и концепция ППР относительно вооруженного выступления³.

Первоначально предполагалось, что кульминацией вооруженного сопротивления, начатого Гвардией Людовой в форме партизанс-

* В 1942—1943 гг. — военная организация ППР. 1 января 1944 г. реорганизована в Армию Людову.

кой борьбы, станет вооруженное восстание. Предполагалось, что оно будет результатом активизации масс, постепенно ширящихся партизанских акций, перерастающих в партизанскую войну, с одновременной подготовкой финального выступления для окончательного освобождения Польши.

Согласно тогдашним планам ППР, начало восстания будет зависеть от ряда внутренних и внешних факторов. К первым относилась степень военной подготовленности восстания — высокий накал партизанской борьбы, достаточный запас оружия для повстанческих сил и т.п. Ко вторым — согласование времени восстания и его планов с операциями союзных армий, главным образом тех, которые будут освобождать Польшу.

В январе 1943 года руководство ППР сочло, что ситуация в Польше еще не созрела для восстания, поскольку подготовка его не могла заключаться «в создании отрядов на бумаге, обучении их лишь теоретически и складировании оружия, которое даже не испытано». Эту методику подготовки восстания взяло на вооружение главнокомандование АК и проправительственные группировки. ЦК ППР заявил, что «подготовить национальное восстание — значит многократно умножить число действующих диверсионно-партизанских отрядов, создать в стране сеть подвижных отрядов и групп самообороны. Вооружить их, обучить и закалить в практических боевых действиях против врага. Размах партизанского движения, его массовость перерастут в кульминационный момент в восстание. Надлежащая подготовка восстания, создание народного фронта, превращение диверсионно-партизанского движения в массовое, преодоление пассивности людей путем организации широких акций самообороны — вот гарантия успеха восстания»⁴.

Руководство ППР считало, что успех восстания зависит не только от активности народных масс, тщательной организационной подготовки, но и выбора момента вооруженного выступления, выгодного с точки зрения как общей обстановки, так и возможности заставить врага врасплох.

Однако решающее значение, по мнению ППР, имели политические предпосылки восстания, которое должно было стать всенародным выступлением, делом всех патриотических сил, и для этого необходима была договоренность с эмигрантскими лондонскими кругами, которые также выдвигали лозунг восстания. В то же время, как уже сказано выше, ППР считала необходимой координацию начала восстания с действиями вооруженных сил государств антигитлеровской коалиции, в особенности тех, которые должны были прийти в Польшу, значит, прежде всего с Красной Армией.

«Наивысшим этапом партизанской борьбы должна стать война со многими присущими партизанской борьбе чертами, — писал орган Гвардии Людовой. — Это может произойти в момент, который трудно предвидеть заранее. Это может случиться, когда партизанское движение перерастет во всенародное восстание либо когда союзная армия погонит из пределов Польши оккупантов, благодаря

чему возникнет благоприятная возможность для организации регулярной народной армии на освобожденной территории»⁵.

ППР всегда связывала возможность начала восстания с благоприятной обстановкой на фронтах войны, важнейшей задачей считала вооруженную борьбу в таких формах, которые могли оказать реальное влияние на ход событий на фронте и ускорить освобождение Польши. В частности, такими формами были партизанские и диверсионные акции на линиях коммуникаций врага, а также вооруженные стычки с оккупантами, гравившими и терроризировавшими население.

Проблемы будущего восстания, рассматриваемого скорее как перспектива, в разработках военных штабов ППР занимали значительно меньше места, нежели в планах лидеров эмиграции, для которых проблема вооруженного восстания была равнозначна проблеме захвата власти, главенствующей над всеми остальными.

* * *

Концепция партизанской борьбы и вооруженного восстания, выработанная ППР, следовала богатым традициям польских национальных восстаний. В ней сказались также влияние принятых польским и международным революционным рабочим движением принципов стратегии и тактики в этой области⁶. Опираясь на опыт революционных и национально-освободительных боев 1848 года, К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали общие выводы на тему повстанческих действий⁷.

Многие ценные положения из разработанной В. И. Лениным, на опыте революции 1905 года, теории вооруженного восстания могли быть использованы на практике ППР, хотя они в принципе имели отношение к революционному восстанию, к восстанию, направленному против «собственных имущих классов и их правительств»⁸.

В. И. Ленин обращал внимание, в частности, на необходимость отличать *идею* вооруженного восстания от самого сигнала к повстанческим действиям, *призыва* к восстанию: «Лозунг восстания есть лозунг решения вопроса материальной силой, — а таковой в современной европейской культуре бывает лишь военная сила. Этот лозунг нельзя выставлять до тех пор, пока не назрели общие условия переворота... Призыв к восстанию — крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга»⁹.

В польском подполье в период оккупации понятие восстания употреблялось в разных смыслах: как понятие идеи, как понятие призыва к вооруженной акции, так и порой в общем значении «подняться на борьбу». Например, в статье краковского печатного органа ППР в декабре 1943 года, озаглавленной «Восстанем против зверств!», в сущности, содержится призыв не к вооруженному восстанию, а к самообороне, к действенному сопротивлению террору оккупантов¹⁰.

ППР и Гвардия Людова подходили к вопросу восстания реалистично. Они считали его всенародным делом, делом всех патриотических сил, а не только вооруженным выступлением одной Гвардии Людовой, и искали договоренности со сторонниками эмигрантского правительства для совместной подготовки всенародного вооруженного восстания. Такие намерения лежали в основе инициативы ППР в отношении переговоров с Делегатурой эмигрантского правительства, проявленной в «Открытом письме» 15 января 1943 года¹¹, а также в декларации ППР «За что мы боремся?» в марте того же года, где говорилось о подготовке к всенародному восстанию, «чтобы изгнать озверевшего гитлеровского оккупанта и освободить Польшу»¹². Одновременно печать ППР критически оценивала подход к восстанию в эмигрантских кругах, оценивая его не более как заботу о захвате политической власти, нежели об освобождении Польши.

В ответ на предложение ППР о соглашении представители правительственных группировок предъявили ей совершенно неприемлемые требования, а затем разорвали переговоры, нарушая даже элементарные принципы буржуазной демократии, на каковые любили ссылаться в своих политических декларациях. Руководствуясь узкими интересами имущих классов, они стремились, как и в довоенное время, вычеркнуть польских коммунистов из политической жизни, не желали даже признать права на легальное существование организаций революционной левицы. Их слепой антикоммунизм и антисоветизм привел к раздроблению сил, борющихся за национальное освобождение, а также к опасному для Польши разрыву дипломатических отношений между эмигрантским правительством и Советским Союзом.

ППР вынуждена была изменить стратегию в вопросе об освобождении Польши, поскольку стало очевидным, что реальные шансы на всеобщее выступление поляков практически почти равны нулю. Выступление только Гвардии Людовой в этих условиях также не имело шансов на успех. Тем не менее понятие восстания как высшего этапа борьбы с оккупантами либо как сигнала к мобилизации сил еще какое-то время встречалось в публикациях ППР, ГЛ и АЛ.

* * *

В новой стратегической обстановке, складывавшейся под знаком побед Красной Армии, становилось почти очевидным, что Польшу освобождать будет именно она. На первый план, таким образом, была поставлена задача взаимодействия польских партизанских формирований с регулярными советскими частями. Руководство ППР и Главное командование ГЛ, а затем АЛ выдвинуло новый план финального вооруженного выступления как активных действий партизанских формирований, поддерживающих операции Красной Армии путем дезорганизации гитлеровского тыла, парализуя транспорт, защищая население от истребления и препятствуя вывозу от-

ступающими оккупантами польского национального достоинства. При этом ставка делалась и на поддержку отрядов Армии Людовой левым крылом отрядов, подчиненных эмигрантскому правительству, в особенности Батальонами Хлопскими* (молодежные батальоны), социалистами, а частично также и отрядами АК. Там, где Армия Людова имела наибольшие силы и получала существенную поддержку Батальонов Хлопских, например, в Люблинском и Келецком воеводствах, было видно, что планы перерастания партизанских действий в общенародную войну в иной обстановке были не так уж несбыточны.

Особую роль в тогдашней ситуации сыграло создание в СССР 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, первого регулярного польского воинского формирования, руководимого коммунистами, а позднее — Польского корпуса и 1-й Польской армии в СССР. Этот факт ППР всегда будет учитывать в дальнейшем обсуждении путей освобождения Польши. Формируемые в СССР народные вооруженные силы ППР рассматривала как оплот — наряду с Гвардией Людовой, а позднее Армией Людовой — польских революционных сил. В приказе №19 в ноябре 1943 года бойцам Гвардии Людовой предписывалось активизировать боевую деятельность, умножать усилия по объединению всех патриотических сил в преддверии последнего сражения с оккупантами и встречи с польскими дивизиями, сражавшимися плечом к плечу с Красной Армией¹³.

* * *

Активно борясь с оккупантами, народно-революционные силы вынуждены были также отбивать и клеветнические атаки. Так, например, орган главного командования ГЛ «Гвардзиста» в октябре 1943 года писал, что «лживая пропаганда так называемых компетентных кругов — реакционных вояк — обвиняет нас в том, что мы якобы хотим поднять преждевременное вооруженное восстание. Мы призываем к длительной, постепенно ширящейся вооруженной борьбе, в тесном взаимодействии с операциями наших союзников. Только таким образом польский народ в момент, когда враг дрогнет, сможет выставить соответствующе подготовленные значительные вооруженные силы».

* Отряды территориальной крестьянской самообороны, созданы по инициативе Стронництво Людового (СЛ).

СЛ — крестьянская партия, образована в 1931 г. Отстаивала необходимость ликвидации помещичьего землевладения в рамках буржуазно-демократического строя, входила в состав левого крыла блока буржуазных партий, поддерживавших в годы войны эмигрантское правительство и его Делегатуру в оккупированной Польше. В 1944 г. СЛ фактически распалась на ряд политических группировок, левая радикальная часть которых создала свою организацию — «Волю Люду», вошедшую затем в состав Крайовой Рады Народовой и в ПКНО, став впоследствии ядром возрожденной партии Стронництво Людове, перешедшей на позиции создания в ПНР государства народной демократии, строительства социализма.

«Гвардзиста» подвергала также острой критике методы подготовки отрядов Армии Крайовой к решающей битве с врагом без предварительного испытания их в партизанских операциях: «Неотмобилизованные солдаты, плохо либо вообще не вооруженные, разбиты на группы и группки. «Вожди» уверяют народ, что они по одному знаку смогут провести мобилизацию и поднять восстание без предваряющего периода участия в партизанских акциях»¹⁴.

ППР, КРН и АЛ считали обязательным условием вооруженного выступления также и поддержку его самой передовой силой народа — рабочим классом.

Осенью 1943 года ППР поставила вопрос о необходимости непосредственного участия рабочих в борьбе с оккупантами, особенно на решающем ее этапе, в том числе путём местных забастовок и вплоть до организации всеобщей забастовки как традиционного оружия рабочего класса¹⁵. Эту меру предстояло использовать, чтобы парализовать экономику и транспорт, лишь в двух случаях: 1) угрозы существованию нации; 2) необходимости поддержать вооруженное выступление в момент освобождения страны. Это, безусловно, требовало предварительных согласований с другими партиями и организациями рабочего класса, и прежде всего с Рабочей партией польских социалистов (РППС)*, с которой велась переговоры. Однако ввиду быстрого наступления Красной Армии и особого стечения политических и военных обстоятельств в Польше не дошло до всеобщей забастовки. Тысячи рабочих с оружием в руках сражались с врагом, а также охраняли предприятия, предотвращая их вывоз или уничтожение оккупантами.

* * *

Новый подход к вооруженному выступлению, принятый ППР, был подробно освещен в апреле 1944 года на страницах «Трибуны Вольности» в статье под заголовком «Польша на линии фронта». Анализ фронтовой обстановки и вытекающие из него выводы были представлены в ней связно, кратко и точно. Автор статьи, а им, по всей вероятности, был член Главного штаба АЛ Станислав Новицкий, принял в качестве основного тезиса то, что «наше стратегическое положение требует взаимодействия с Красной Армией. Вся организация обороны врага построена и будет осуществляться под углом зрения потребностей Восточного фронта. Наша задача — ослаблять и дезорганизовывать эту оборону, облегчая таким образом

* РППС — Рабочая партия польских социалистов, левое крыло довоенной ППС. Однако III съезд РППС в сентябре 1943 г. выступил против политического союза с ППР, что вызвало в РППС раскол, отход от нее группировок, признавших правильность курса ППР и КРН на активную вооруженную борьбу с Германией в союзе с СССР. Созванный по их инициативе IV съезд РППС в мае 1944 г. изменил прежние решения руководства партии, что привлекло к ней большинство социалистических групп. В сентябре 1944 г. РППС приняла традиционное название ППС, а 15 декабря 1948 г. ППР и ППС объединились и создали Польскую объединенную рабочую партию.

победу союзной армии. Из этого вытекает, что мы заинтересованы в скорейшем сломе немецкой обороны, дабы она превратилась в беспорядочное бегство. Только так Польша может избежать исполнения угрозы превратить ее в пустыню».

Особую роль в немецкой обороне играли линии железных дорог, по которым осуществлялось 90% военных перевозок; важнейшее значение имели здесь основные транспортные узлы Варшава, Краков и Скаржиско. «Парализовав эти три узла, мы полностью порвем связь южного и центрального участков фронта с главной их базой — Германией», — писала «Трибуна Вольности». «Дополнительный, хотя и менее ощутимый урон нанесет оборванная телефонная, телеграфная и почтовая связь, а также операции на шоссежных дорогах, то есть нанесение ударов по автомобильному транспорту... Применение всех средств, которые обстановка и специфические условия дают в наши руки, необходимы не только для успешного и быстрого хода военных операций, но являются также условием спасения миллионов поляков, материального и культурного достояния всего народа».

В этой статье высказывалось предположение, что отходящие немецкие войска будут стремиться к главным переправам через Вислу, прежде всего у Варшавы и Демблина, что поможет польским войскам овладеть обширными территориями страны, в особенности на Люблинщине, в Келецком воеводстве, в предгорьях Карпат. Это позволит учредить там польскую администрацию и создать базы для мобилизации сил и дальнейших военных действий.

Статья, таким образом, излагала дальнейшие планы конкретных действий в партизанской войне, тесно увязанные с операциями Красной Армии, дабы «приближающееся гигантскими шагами освобождение стало также и делом наших рук»¹⁶.

Но реализация этой концепции требовала необходимых, по мнению органа ЦК ППР, политических условий, а именно объединения народных масс в демократическом антифашистском фронте под руководством образованной в ночь с 31 декабря 1943 года на 1 января 1944 года подпольной Крайовой Рады Народовой, устранения влияния на ход событий правых кругов, противостоящих сотрудничеству с СССР, требовала перехода от военного руководства к демократическому.

Близкая перспектива освобождения Польши армией первого социалистического государства позволила руководству ППР надеяться, что она поможет активизироваться польским революционным организациям, являвшимся той политической силой, которая первой провозгласила и осуществляла на практике боевой союз с СССР. А тем самым будет ослаблен блок буржуазных партий, что создаст препятствия для захвата им политической власти. И прежде всего будет исключена возможность вооруженной интервенции англо-американских армий для его поддержки.

«В своих политических расчетах, — говорилось в письме ЦК

ППР от 12 января 1944 года к польским коммунистам в Москве, — Польская рабочая партия исходит из того, что Красная Армия, преследуя врага, придет на польские земли, что неизмеримо облегчило бы борьбу всех свободолюбивых, демократических и прогрессивных сил с фашистами и польскими реакционными элементами как в стране, так и за рубежом»¹⁷.

Необходимость совместных действий с Красной Армией вытекала в то время не только из патриотических и интернационалистических целей революционных организаций, но также из ближайших оперативных и политических задач. Назначенный на первом заседании Крайовой Рады Народовой командующим Армией Людовой генерал Михал Жимерский («Роля») так определил в качестве главной задачу командования АЛ: планирование и организация боевых операций в масштабе страны и взаимодействие АЛ с наступательными действиями союзников. Секретарь ЦК ППР Владислав Гомулка, указывая на необходимость усиления самообороны и вооруженной борьбы с врагом, назвал важнейшей задачей «синхронизацию борьбы польского народа с военными операциями Красной Армии для окончательного сокрушения гитлеровских оккупантов»¹⁸. Такие же установки содержались и в принятых КРН резолюциях, особенно в «Декларации Крайовой Рады Народовой», а также в воззвании, где указывалось, что «руководимая ППР борьба преследует две цели: в рамках совместного стратегического плана союзных держав согласованные действия во имя приближения победы и ускорения освобождения Польши; самооборона — чтобы не допустить истребления польского народа, уменьшить жертвы».

В тот момент принятие КРН этих резолюций означало совпадение взглядов ППР, левого крыла РППС, радикального течения в крестьянской партии и других демократических организаций, входивших в состав КРН, означало, что создается единый фронт борьбы; Крайова Рада Народова не щадила усилий для того, чтобы она, а также местные рады народов и Армия Людова получили признание самых широких слоев польского общества.

* * *

Пропагандируемые на страницах конспиративной печати идеи ЦК ППР, КРН и Главного командования АЛ находили конкретное выражение в секретных оперативных директивах Главного штаба Армии Людовой, направляемых в штабы районов АЛ, прежде всего на Люблинщину и в Келецщину. В этих директивах силам АЛ Люблинской области (II) приказывалось приступить к выполнению оперативных действий, целью которых было осложнить положение немецких войск, по мере возможности облегчить советское наступление с Волыни далее на запад и помочь расщеплению Красной Армией вражеского фронта. Задачей АЛ являлось создание постоянной угрозы и разрушение шедших через Люблинщину

стратегически важных транспортных артерий, нанесение ударов по гитлеровским гарнизонам и лишение их свободы маневра. Штабы АЛ устанавливали постоянную связь и взаимодействие с советскими партизанскими отрядами, которые с начала 1944 года прибывали за Буг для совместных действий. В планах главного командования Армии Людовой территория Люблинщины, таким образом, играла роль главного партизанского и политического плацдарма.

Немаловажное стратегическое значение приобретала и территория Келецкой (III) области АЛ, связывавшая через Вислу Люблинщину с немецким тылом, удобная для рокадных (параллельных линии фронта) перебросок войск. Главной задачей АЛ стало здесь разрушение железнодорожных линий в треугольнике Радом — Кельце — Ченстохов, нарушение движения по шоссе, с использованием засад и обстрелов, удары по мелким гарнизонам врага, обеспечение частям АЛ возможности переправ через Вислу. Отрядам АЛ округа Варшава — Права Подмейска было поручено парализовать железнодорожные линии, ведущие от Варшавского транспортного узла на восток¹⁹.

Согласно планам командования Варшавского округа АЛ, в задачу столичных сил АЛ входило во взаимодействии с советскими и польскими регулярными частями не допустить уничтожения мостов через Вислу и вокзалов, зданий почты и телеграфа, водопроводной сети и промышленных предприятий, а также ратуши и других административных зданий для упорядочения работы КРН²⁰.

Одной из основных задач отрядов АЛ была защита населения от гитлеровских репрессий и насильственной эвакуации, а также вербовка новых людей, достижение политических компромиссов с целью пополнения рядов АЛ.

Последовавшие приказы и инструкции Главного командования АЛ, направленные командующим районами и округами на территории всей страны, в принципе сохраняли указанное направление боевой деятельности²¹.

Дальнейшую конкретизацию оперативные планы получили в «Директивах Главного штаба АЛ по ведению боевых действий II (Люблинской) области АК на лето 1944 года», разработанных в мае. В развернутом анализе фронтовой обстановки, данном в директивах, подчеркивалось, что Люблинщина по-прежнему является главным районом партизанских операций АЛ, в связи с чем надлежит стремиться к созданию там новых бригад, а в перспективе — и партизанского корпуса АЛ. Отрядам АЛ указывалось на необходимость расширения района беспокоящих действий против оккупантов, принятия активных мер, чтобы парализовать транспорт и затруднить проведение крупных операций немцев против партизан. Директивы особо подчеркивали, что если «при самых благоприятных условиях» действия бойцов сопротивления оккупанты расценят как восстание и бросят против них свои фронтовые резервы, это не будет «преждевременным местным восстанием»²².

Расширению партизанских действий с Люблинщины в западном направлении должно было помогать усиление операций отрядов АЛ в Келецком и Краковском воеводствах и в Прикарпатье, а также обеспечение переправ через Вислу, вначале для доставки из Люблинщины оружия, а затем для прохода партизанских отрядов через территорию к западу от Вислы.

* * *

Подход ППР и КРН к проблеме вооруженного восстания в принципе не изменился и в новой стратегической обстановке, создавшейся к лету 1944 года, после начала советского наступления в Белоруссии и на Украине.

Полемизируя с прессой проправительственных группировок, центральный печатный орган ППР утверждал, что восстание не может вспыхнуть «по одному мановению», что оно готовится в ежедневной борьбе с оккупантами, которая способствует созданию соответствующей атмосферы среди населения: «Восстание при нынешней технике не вспыхивает как дворцовый заговор, но развивается во все нарастающей борьбе, вызревает из партизанских действий, охватывая все новые территории страны, все новые и новые слои населения. При этом наиважнейшей задачей является координация действий партизанских отрядов с военными операциями, равно как и создание руководящего политического центра»^{22а}.

Уже тогда ППР не исключала возможности согласованной с АК и другими проправительственными организациями подготовки вооруженного восстания. Упоминание о всенародном восстании появлялось также в публикациях КРН, среди них — «Воззвание к польскому народу по проблеме самообороны от террора оккупантов», где, в частности, заявлялось, что «единый план самообороны и борьбы, вплоть до всенародного восстания включительно, требует, чтобы каждый был к ней организационно готов»²³. Слова «всенародное восстание» имели здесь характер целевого лозунга, основанного на концепции вооруженного восстания как результата длительного процесса перерастания партизанской борьбы в массовую и сопряжения ее с освободительными операциями Красной Армии. В этом же направлении шла и выработка политической платформы КРН, опирающейся на тезис об общенациональном соглашении.

В той обстановке это был оптимальный выход из создавшегося положения, но его осуществление было возможно, только если бы в руководство группировок приверженцев эмигрантского правительства вошли представители демократических кругов, в частности людовцев (крестьянской партии). ППР не исключала возможности этого, хотя и считала ее маловероятной. Как известно, Советское правительство также обсуждало тогда возможность соглашения с Миколайчиком и теми из эмигрантских политических фигур,

которые считались реалистически мыслящими. Однако влияние сплотившейся вокруг генерала Соснковского крайне антисоветски настроенной группировки оказалось сильнее, и надежды на перемены постепенно гасли.

Уже перед лицом развивающегося советского наступления в Белоруссии и успехов войск союзников во Франции в середине июля 1944 года центральный печатный орган ППР, дабы отвратить опустошение Польши отступавшими гилеровцами, призвал оказывать им активное сопротивление, «вовлекать в борьбу и вооружать всю польскую молодежь, весь народ», «поскольку только вооруженный народ может спасти себя от идущей через наши земли смерти, одетой в гитлеровский мундир. Время активизировать подготовку к всеобщему восстанию».

И вновь шла речь о необходимости объединения и взаимодействия всех польских сил сопротивления, расширения диверсионной деятельности, проведения всеобщей забастовки, а прежде всего о взаимодействии с вступившими в Польшу частями Красной Армии и Польской армии, сформированной в СССР²⁴.

Между тем отсутствие какой бы то ни было позитивной эволюции в политике сторонников польского правительства в эмиграции оставило эти предложения всего лишь очередным призывом к единству в схватке со смертельным врагом.

* * *

Тем временем на Люблинщине и в Келецком воеводстве летом 1944 года разворачивалась настоящая партизанская война, начатая по инициативе ППР²⁵. В боевых действиях принимали участие партизанские оперативные соединения — бригады, шло массовое вступление добровольцев в отряды АЛ. И все же эти значительные партизанские силы, осуществляя в отдельные моменты контроль над обширными районами, не могли полностью их освободить. В сущности, это были локальные выступления объединенных вооруженных отрядов, подчиненных разным политическим центрам, иногда действующих параллельно регулярным частям. Так было, например, в «Пиньчувской Республике», где партизанские отряды АЛ, БХ и АК во взаимодействии с передовыми частями Красной Армии удерживали в своих руках на протяжении нескольких дней относительно большой район.

Наибольшим успехом партизанских сил Армии Людовой, которые фактически стали частями народного Войска Польского 21 июля 1944 года, действующими в тылу врага, следует признать именно то, что они смогли осуществить идею ППР о взаимодействии с Красной Армией и польскими частями, идущими с ней. Это способствовало тому, что весной и летом 1944 года в тылу и в прифронтной полосе стали во множестве возникать новые очаги сопротивления. Широкие диверсионные акции на железных и шоссейных дорогах стали возможными благодаря доставкам по воз-

духу советского оружия, взрывчатки и других средств борьбы в отряды АЛ, организованным Польским партизанским штабом, созданным в мае 1944 года²⁶ при военном совете 1-й армии Войска Польского в СССР.

Образование ПКНО и освобождение восточных районов Польши и Варшавы как бы наполнило конкретным смыслом воззвание Крайовой Рады Народовой, опубликованное в июле 1944 года, где КРН призвала к объединению «всех поляков независимо от их взглядов и убеждений в единый общенародный фронт борьбы за свободу и независимость Польши... Все польские вооруженные отряды, объединившись, должны подчиниться Главнокомандующему польских войск генералу М. Жимерскому («Роле»)²⁷.

Варшавская Рада Народова призвала жителей Варшавы действовать всеми силами Красной Армии в освобождении столицы, включая нападение на немцев на улицах города и поддержку отрядов АЛ, а также облегчение советским войскам форсирования Вислы²⁸.

Свою позицию Главное командование Армии Людовой представило в одном из своих органов — газете «Гвардзиста» — 30 июля 1944 года: «Кто поляк и патриот — берись за оружие! Настало время мобилизации и восстания. Близится освобождение, которого мы жаждали на протяжении пяти лет немецкого варварства. Мы не можем допустить, чтобы свободу завоевывала для нас только советская армия. Честь наша требует доказать всему миру, что мы сражались за нашу свободу, сколько хватало сил. Всем полякам, которые пока лишь спрашивают себя и других, что делать — но не сражаются, — следует бросить лозунг-приказ: “К оружию! В леса! Пришло время уходить из городов, расположение которых может сделать невозможными военные действия против врага”²⁹.

Призывы принять активное участие в вооруженной борьбе с отходящими оккупантами, очевидно, вытекали из концепции взаимодействия с регулярными армиями, освобождающими Польшу, и поддержки их действий партизанскими формированиями Армии Людовой и другими польскими формированиями. Народная партизанская война не имела при этом ничего общего с призывом к восстанию в стране или в столице, тем более, что ППР и АЛ не располагали в то время такой системой связи с советскими и польскими регулярными войсками, которая дала бы возможность скоординировать действия в оперативном плане.

В последние дни июля 1944 года ЦК ППР получил информацию, указывавшую на активизацию приготовлений АК к вооруженному восстанию. Возможность того, что АК поднимет восстание в Варшаве, которое в тех условиях практически было лишено шансов на успех, вызывала особое беспокойство ЦК ППР. Как утверждал член Секретариата ЦК ППР и начальник Главного штаба АЛ Франтишек Юзьвяк («Витольд»), анализ событий на фронте, сделанный Секретариатом ЦК ППР и Главным штабом АЛ, исходил из предположения, что летнее наступление Красной Ар-

мии дойдет только до Вислы. В определенной степени эту оценку подтверждал обмен сообщениями между Секретариатом ЦК ППР и президиумом СПП в Москве. Обмен был связан с предложением руководства СПП относительно переброски из Варшавы на восток части кадров ППР и КРН для работы на освобожденных территориях. Обсуждался даже проект вывода отрядов АЛ из Варшавы на восточный берег Вислы. Этот проект ЦК ППР не принял, однако было решено перевести группу членов руководства в район Свидра, к востоку от Варшавы. В столице должна была остаться только запасная руководящая тройка, выделенная из членов ЦК ППР, — Александр Ковальский, Хелена Козловская и Зенон Клишко³⁰.

Эти предположения оказались верными. В результате июльского наступления советских частей члены Секретариата ЦК ППР оказались на освобожденной территории Польши, где власть взял Польский комитет национального освобождения, который 22 июля 1944 года опубликовал свой исторический Манифест. Члены дублирующего ЦК ППР остались в столице, где их застало врасплох восстание.

¹ Biuletyn Informacyjny, N 6, 11.II.1943.

² Ibidem.

³ N a z a r e w i c z R. Ewolucja PPR-owskiej koncepcji wystąpienia sbrojnego (1942-1944). — Z pola walki, 1976, N 14, s; 29-55.

⁴ Uchwały Plenum KC PPR — Na progu 1943 roku. — Trybuna Wolności, N 25, 1.II.1943.

⁵ Gwardzista, N 1, 25.V.1942.

⁶ O r s e c h o w s k i M. Przeszość i tradycje narodowe w myśli politycznej PPR. — Polska-naród-państwo. Wrocław, 1972, s. 7-61; Pleśniarski B. Wychowanie w GL i AL. Warszawa, 1973, s. 130-136.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 8, с. 98—102.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 226—229; т. 13, с. 319—377.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 366—367.

¹⁰ Trybuna Ludu, 1.XII.1943, cyt. wg. Publicystyka konspiracyjna PPR, t. II, Warszawa, 1964, s. 475.

¹¹ List otwarty. — Trybuna Wolności, N 25, 1.II.1943; Oświadczenie KC PPR, ibid., N 50, 20.II.1944.

¹² Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1943-1945. Warszawa, 1958, s. 93.

¹³ Dowództwo Główne GL i AL. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1967, s. 135-137.

¹⁴ Największy problem chwili. — Gwardzista, N 29, 5.X.1943.

¹⁵ O odbudowie Związków Zawodowych. — Trybuna Wolności, N 41, 1.X.1943; Walka o istnienie. — Ibid., N 45, 5.XII.1943; Strajk a siła zbrojna. — Gwardzista, N 1, 10.I.1944.

¹⁶ Trybuna Wolności, N 54, 18.IV.1944.

¹⁷ Kształtowanie się podstaw programowych PPR... Op. cit., s. 217.

¹⁸ Archiwum Ruchu Robotniczego. Warszawa, 1975, t. II, s. 44, 53, 55.

¹⁹ Dowództwo Główne GL i AL. Op. cit., s. 238-254.

²⁰ P r z y g o Ń s k i A. Udział PPR i AL w powstaniu warszawskim. Warszawa, 1970, s. 19.

²¹ Rozkaz N 18 z 19.IV.1944; w: Dowództwo Główne GL i AL. Op. cit., s. 304.

²² GL i AL na Lubelszczyźnie. Lublin, 1960, s. 239-243.

^{22a} Przygotowanie powstania. — Trybuna Wolności, N 56, 16.IV.1944.

²³ Rada Narodowa, N 4, 5.III.1944.

²⁴ Od wschodu, zachodu i południa. — Trybuna Wolności, N 60, 15.VII.1944.

S o b c z a k K. Z zagadnień strategii i taktyki Gwardii Ludowej, w: Referaty i komunikaty ogólnowojskowego sympozjum naukowego. Warszawa, 1972, s. 85.

WPH, 1962, N 22, s. 93-134.

SA KC, t. 193/II-5, k. 26, odezwa KRN „Do narodu polskiego“.

SA KC, t. 193/II-13, k. 7.

Gwardzista, N 6, 30.VII.1944. В некоторых публикациях, защищающих инспирированных восстания и пытающихся обвинить руководство ППР в призыве к восстанию в Варшаве, последние строчки этой цитаты были упущены. Таким образом, позиция ППР существенно извращалась.

SA KC, t. os. 8516, Воспоминания Ф. Юзьвяка; Kliszko Z., Powstanie warszawskie. Warszawa, 1967, s. 154-158; SA KC, t. 248/5, k. 160.

Часть II

БОРЬБА И ПОЛИТИКА

Глава 4. Предпосылки решения

Успех высадки союзников в Нормандии породил в польском эмигрантском правительстве в Лондоне надежду на изменение соотношения сил в антигитлеровской коалиции. Вожаки эмиграции решили, что присутствие крупных британских и американских вооруженных сил в Европе и возможность оккупации ими всей Германии с выходом к Польше принципиально изменят стратегическую обстановку, предотвратят «опасность» освобождения Польши Красной Армией или, во всяком случае, сделают более податливым на нажим западных союзников. Отсюда вытекало, что уже нет необходимости в соглашении с советской стороной. О таком подходе к событиям свидетельствовал и анализ международной обстановки, произведенный Делегатурой польского эмигрантского правительства в Варшаве в середине июля 1944 года, где говорилось, что высадка союзников во Франции приведет к определенному изменению отношения Великобритании к эмигрантскому правительству, и она прекратит настаивать, чтобы эмигрантское правительство восстановило отношения с СССР. В анализе утверждалось — и в том была доля правды, — что успешный ход операции по высадке может предопределить ужесточение позиции союзников в отношении СССР, и подтверждением тому должен был якобы стать визит Миколайчика в Вашингтон¹.

Однако развитие событий заставило внести коррективы в эти оценки. В конце июля Красная Армия и соединения Народного Войска Польского освободили от врага Люблинское, Жешувское, частично Белостокское и Варшавское воеводства. Крайова Рада Народова образовала Польский комитет национального освобождения, который 22 июля 1944 года опубликовал свой Манифест, представлявший программу строительства нового, народного государства. В этих условиях сторонники эмигрантского правительства предприняли лихорадочные меры, целью которых были, с одной стороны, недопущение распространения влияния ПКНО на всю территорию Польши, с другой же — захват власти, прежде всего в столице.

На повестку дня встал, таким образом, вопрос вооруженного

выступления сил АК в Варшаве; до этого столица исключалась из приготовлений к восстанию, и оружие, складированное там, еще в середине июля вывозилось в восточные округа АК². Намеки на возможность вооруженного выступления стали появляться в радиограммах из Лондона еще до начала освобождения первой пяди польской земли и до образования ПКНО.

На совещании лидеров эмигрантских кругов в Лондоне 3 июля 1944 года генерал Мариан Кукель вернулся к плану, представленному им еще в октябре 1943 года, когда он предлагал занять столицу силами АК и создать там органы эмигрантского правительства, «прежде чем при помощи красных будет образовано некое коммунистическое правительство». Тогда в Лондоне еще раздумывали, называть ли такого рода выступление на ограниченной территории, куда «прибыли бы верховные власти Речи Посполитой», восстанием³.

Отражением этой дискуссии явилась радиограмма, направленная 4 июля Делегатуре эмигрантского правительства премьер-министром Миколайчиком, в которой он, в частности, запрашивал: «Рассматривался ли вариант всеобщего восстания на случай развала Германии либо — может быть — ограниченного восстания, если бы власть перед приходом Советов взяла в свои руки делегат правительства и командующий Армии Крайовой? Рассчитываете ли вы на наш приезд в таких обстоятельствах?»⁴

Подобные вопросы наводили на мысль о неизбежности восстания; при этом намек на то, что местом ограниченного восстания, вопреки предыдущим установкам, должна стать Варшава, был совершенно недвусмысленным.

В ответе Миколайчику представитель правительства Янковский ответил: «Мы, разумеется, учитываем возможность восстания в случае развала Германии. Вместе с тем я не намерен поднимать восстание на периферии. Политически более важна Варшава»⁵.

Генерал Соснковский настойчиво возражал против развертывания вооруженной борьбы и восстания в Польше, даже против того, чтобы операцию «Буря» именовать «повстанческими действиями». Тем не менее в радиограмме от 7 июля 1944 года он предложил командованию АК предпринять вооруженное выступление с целью «хотя бы временного занятия Вильно, Львова или другого крупного центра или хотя бы небольшого района», чтобы «выступить там в роли полноправных хозяев»⁶. Такая идея захвата больших городов выходила за рамки плана расширенных диверсионных операций и придавала этим действиям характер локальных восстаний.

Командующий АК в то время придерживался мнения, что «при теперешней противоповстанческой готовности немецких сил в Польше... восстание не имеет шансов на успех. Оно может удасться только в случае краха Германии и разложения ее армии». И только если АК останется в бездействии, считал он, дело может

дойти до того, что «инициативу в борьбе с Германией возьмет в свои руки ППР и многие подключатся к этому движению. Тогда страна фактически пошла бы на сотрудничество с Советами, уже никем не тормозимое. Советы застали бы на наших землях ... своих сторонников, встречающих их хлебом-солью»⁷. Эта «ужасная картина», рисуемая в умах вожаков польской эмиграции, определила их дальнейшие решения.

В сохранившихся многочисленных их радиogramмах, донесениях, статьях того времени сквозит глубокая тревога по поводу быстроты советского наступления и возможности взятия власти Крайовой Радой Народовой. Насколько ранее считалось, что главной предпосылкой для начала восстания явятся прежде всего события на фронте, разложение немецкой армии и другие внешние факторы, настолько теперь во все большей степени стали учитываться внутренние факторы, и прежде всего наличие набирающего силу демократического движения. Отношение к вопросу восстания определяли более всего политические, а не военные соображения. Оно должно было стать для сторонников эмигрантского правительства только средством достижения главной цели — захвата власти в Польше. И двумя ближайшими их задачами стало: силами Армии Крайовой упредить КРН в установлении новой власти в освобожденных районах страны и вынудить СССР признать АК, Делегатуру в Польше и эмигрантское правительство в Лондоне в качестве партнеров в военных и политических соглашениях и законной суверенной властью в Польше.

Кое-кто из военачальников АК видел еще одну «специфическую» опасность: «На Варшаву движется армия Берлинга. Ее вступление в столицу с оркестром было объявлено по радио и в красной прессе», — писал командующий Варшавским округом АК полковник Антоний Хрусцьель. Подобная же картина вставала и перед мысленным взором генерала Пелчиньского: «Сразу же после занятия Варшавы советскими войсками в столицу вошли бы формирования Берлинга, чтобы пройти в победном параде освобождения по улицам города. Принимал бы парад маршал Рокоссовский, победоносный командующий в битве за Варшаву»⁸.

Тихое подстрекательство к восстанию из Лондона находило, таким образом, благодатную почву. Об этом свидетельствовали, в частности, директивы командующего АК от 17 и 18 июля командующим Львовским и Белостокским округами АК: «Хотя в нынешней обстановке актуальным и обязывающим является осуществление плана «Буря», нельзя исключать возможности восстания, если к тому сложатся благоприятные условия, которые могут появиться внезапно». В этой связи командующий АК приказал с 19 июля по всей стране «усилить радиовнимание на случай сигнала к восстанию»⁹.

21 июля, получив известие о покушении на Гитлера, генерал Коморовский радировал в Лондон: «На Восточном фронте Германия понесла поражение... Последнее покушение на Гитлера,

а также военное положение Германии могут в любую минуту привести к ее краху, что заставляет нас быть в постоянной и полной готовности к восстанию. В связи с этим я отдал приказ о состоянии готовности к восстанию с часу ночи 25 июля, без отмены осуществляемого в настоящее время плана "Буря".

В той же депеше содержалась констатация замедления темпов наступления Красной Армии на центральном участке фронта. Не имея точных сведений о положении на фронте, генерал Коморовский так оценивал события: «По всей вероятности, это вызвано не укреплением немецкой обороны, а временной усталостью советских войск. Предполагаю, что продвижение советских войск после их отдыха на этом направлении ускорится... и они, не встречая серьезного, действенного сопротивления немцев, дойдут до Вислы и, форсировав ее, двинутся дальше на запад»¹⁰.

Эти депеши явились результатом совещания «триумvirата генералов», состоявшегося 21 июля. Генерал Тадеуш Коморовский, его заместитель генерал Леопольд Окулицкий и начальник штаба генерал Тадеуш Пелчиньский приняли на нем предварительное решение о подготовке вооруженного выступления АК в Варшаве. Командующий АК мотивировал это, в частности, необходимостью «подавить в зародыше советские попытки побудить часть населения к неповиновению правительству»; он не исключал также возможности начала «открытой борьбы с Советами»¹¹.

При этом нельзя было сбрасывать со счетов то, что, сражаясь вместе с Красной Армией, к Польше приближалась сформированная в СССР Польская армия. В связи с этим были предприняты меры с целью ослабления и разложения, а при возможности — и уничтожения этого потенциального «внутреннего противника». В упомянутой радиограмме генералу Соснковскому от 22 июля командующий АК заявил о необходимости «предпринять активные попытки вырвать из рук Советов солдатские массы Берлинга и АЛ», средством к чему, по его мнению, должна была стать «энергичная агитация в рядах армии Берлинга, проводимая всеми возможными методами (проникновение)». Последующие шаги главного штаба АК были демонстративно пропагандистские, статья центрального органа АК под красноречивым заголовком «Предатели и люди, пойманные в сети» предписывала подходить к солдатам 1-й армии Войска Польского дифференцированно, различая людей, идейно преданных Советам, и «заблудших» солдат — с последними обращаться более мягко¹².

Делегат эмигрантского правительства Янковский утвердил решение трех генералов. То же сделала 23 и 24 июля Главная комиссия Рады Едности Народовой во главе с Казимежем Пужаком, которая, кроме того, потребовала от АК занять столицу как минимум за 12 часов до вступления в нее советских войск, чтобы заблаговременно организовать в ней администрацию Делегатуры и выступить в роли «хозяина» столицы и страны¹³. Тогда уже стало известно о создании ПКНО.

В последующие дни в главном штабе АК обсуждался вопрос всеобщего восстания в стране. Однако сведения, поступающие из Германии, свидетельствовали, что Гитлер овладел положением и расправился с заговорщиками. Сопrotивление германской армии ожесточилось. В донесениях разведки главного штаба АК указывалось на значительное усиление немецкой группировки на подступах к Варшаве. Командующий АК докладывал в Лондон 27 июля о том, что «прибыли одно или два бронетанковых соединения с Запада. Замечены подразделения дивизии СС «Герман Геринг»... После явно панической эвакуации из Варшавы в период с 22 по 25 июля немцы окрепли. Возвратилась администрация»¹⁴.

В этой обстановке командование АК 25 июля решило поднимать восстание только в Варшаве, а силам АК на периферии было дано указание продолжить операцию «Буря». Главнокомандующий АК докладывал в Лондон: «Мы готовы в любой момент начать борьбу в Варшаве». Одновременно он потребовал, чтобы в Польшу прибыла польская парашютно-десантная бригада и были проведены бомбардировки аэродромов под Варшавой¹⁵.

В тот же день командующий Варшавского округа АК полковник Антоний Хрусцель («Монтер») получил следующий приказ: «Занять город, аэродромы Окенче и Беляны, а также радиостанцию Рашин. Вывести из строя варшавский железнодорожный узел». Он также получил заверения, что «нехватки в вооружении будут восполнены массированными сбросами с воздуха». «Монтера» вынудили в величайшей спешке начать организационные и боевые приготовления. Еще до исхода дня было решено, что весь главный штаб АК останется в Варшаве, вопреки первоначальным планам, предусматривающим его передислокацию в район Спалы, а в Варшаве должен был остаться только командующий АК и небольшая группа офицеров, переходивших на легальное положение¹⁶.

* * *

Вопрос о готовности главного штаба АК к восстанию стал предметом совещания эмигрантского правительства 25 июля 1944 года, результатом которого явилось решение предоставить Делегатуре правительства право «принимать любые решения, диктуемые темпом наступления советских войск», даже без предварительных консультаций с правительством. На следующий день Миколайчик отредактировал текст резолюции в радиограмме, которая гласила, что польское правительство в Лондоне уполномочило своего эмиссара «поднять восстание в выбранный вами момент... Если это будет возможно, предварительно уведомьте нас». Миколайчик подчеркнул, что решение правительство приняло «единодушно». (Это не помешало части министров впоследствии отречься от своего участия в принятии решения о восстании, особенно в связи с определенным расхождением между формули-

ровками резолюции и последующей радиограммы.) Такое же сообщение передал 29 июля командующему АК генерал Станислав Копаньский, информируя о решениях правительства¹⁷.

После передачи в Варшаву радиограммы Миколайчик 26 июля вечером выехал в Москву через Каир и Тегеран. Его сопровождали председатель Рады Народовой Станислав Грабский и министр иностранных дел эмигрантского правительства Тадеуш Ромер. Отъезд был связан с телеграммой Сталина от 23 июля, в которой он выражал согласие с предложением Рузвельта и Черчилля принять Миколайчика в Москве. Одновременно Сталин сообщил главам правительств Великобритании и Соединенных Штатов об установлении Советским правительством контактов с ПКНО, образованным Крайовой Радой Народовой, состоящей из представителей демократических партий и групп. Сталин сообщил также, что не считает ПКНО официальным польским правительством, но предполагает, что Комитет может стать в будущем основой временного польского правительства, включающего различные демократические силы.

Советское правительство не препятствовало, таким образом, соглашению поляков между собою, при этом советуя Миколайчику договориться непосредственно с ПКНО, который имеет «к нему благоприятное отношение»¹⁸.

Еще перед выездом Миколайчика в Москву эмигрантское правительство опубликовало протест в связи с созданием ПКНО. 24 июля Ромер вручил Черчиллю меморандум по этому вопросу.

Генерал Соснковский в это время находился в Италии, куда он выехал 7 июля под предлогом проведения инспекции 2-го корпуса генерала Андерса. В действительности же он готовил широко задуманную политическую акцию, которая должна была привести к отказу войск подчиняться эмигрантскому правительству в случае, если бы Миколайчик достиг соглашения с Москвой на условиях, не удовлетворяющих обоих генералов. 25 июля генерал Соснковский в радиограмме президенту Рачкевичу предложил создать новое правительство, в которое вошли бы также официальные представители Стронництва Народового (правая группа Белецкого) и «лагеря пилсудчиков». Три дня спустя, узнав о выезде Миколайчика в Москву, генерал Соснковский вновь обратился в Лондон, но в более резкой форме: «Неожиданное известие о выезде премьер-министра, министра иностранных дел и председателя Рады Народовой в Москву потрясло армию... Победоносные войска 2-го корпуса абсолютно дезориентированы и находятся на грани морального и психического срыва». Он угрожал, что если дойдет до уступок и объединения эмигрантского правительства с ПКНО, то «вооруженные силы будут не в состоянии вынести такой поворот ситуации. В этом случае я предвижу непредсказуемый в своих последствиях кризис, который выразится по меньшей мере в отказе войск подчиняться правительствующему кабинету, приведшему польские дела в такое состояние»¹⁹.

Командующему АК генерал Соснковский направил три радиogramмы, рекомендуя отказаться от восстания и, оставаясь в подполье, заняться организацией «сопротивления советской политике свершившихся фактов». Он также советовал командующему АК направить на запад «наиболее подверженные опасности» подразделения АК через Словакию и Венгрию либо через гитлеровскую службу трудовой повинности (Тодта) на сельскохозяйственные работы в Германии. Однако его радиogramмы, направляемые из Италии в Англию, а затем в Польшу, либо запаздывали, либо вообще не передавались из Лондона в Варшаву как противоречащие позиции правительства²⁰.

Несмотря на различия в тактике и трения между отдельными главарями эмиграции в Лондоне и подполья в Польше, все руководство эмигрантских группировок было едино в своем стремлении достичь главной цели: удержать власть в Польше в руках буржуазии. Но их вожаки понимали, что после образования ПКНО и поддержки его Советским Союзом захватить власть в условиях прямой конфронтации с СССР будет нелегко либо вообще невозможно. Поэтому они стремились создать такую ситуацию, которая побудила бы западные державы оказать давление на СССР и вынудить его пойти на уступки в пользу эмигрантского правительства.

Одним из средств должна была стать деятельность по возбуждению английского и американского общественного мнения, тем более, что операция «Буря» к тому времени ожидаемых успехов не принесла. В западной прессе о разоружении отрядов АК в тылу советских войск говорилось немного, поскольку британская и американская армии также не допускали в своих тылах — в Италии, Франции, Бельгии и других странах — наличия вооруженных партизанских отрядов или других подпольных организаций.

Решено было предпринять что-нибудь экстраординарное, дабы заставить «безучастный» Запад возмутиться. «Когда политические результаты «Бури» не оправдали надежд», возникла необходимость организовать «события особого значения»²¹.

О методах, которыми собирались действовать, свидетельствуют инструкции Окулицкого, данные уже после начала восстания собиравшемуся в Лондон связному главному штаба АК Яну Новаку. «Во время разговора на тему восстания Окулицкий обмолвился об одном моменте, совершенно для меня новом, — вспоминал Новак. — Буквально в последние недели перед восстанием было принято решение о передислокации штаб-квартиры и командования АК с Мокотува на фабрику Камлера на Воле, хотя помещение на Мокотуве уже давно готовилось на случай всеобщего восстания. Выбрали именно фабрику Камлера, так как комплекс ее зданий лучше подходил для опорного пункта сопротивления и мог выдержать какое-то время небольшую осаду. Здесь должен был разыгаться последний акт восстания — легализация перед входящими русскими как полноправных хозяев на польской земле вице-премьера — делегата правительства, трех министров, пред-

седателя Рады Едности Народовой и командующего АК вместе со всем штабом. После занятия Варшавы советскими войсками фабрика Камлера в ходе переговоров с русскими должна была представлять собой как бы экстерриториальный анклав. При этом никто не имел ни малейших сомнений, что вся группа тут же будет арестована». И вот тогда, заявил далее Окулицкий, гарнизон фабрики должен оказать сопротивление. Поэтому в него включались отборные и наилучшим образом вооруженные отряды «Кедыва», т. е. боевой диверсионной службы, он располагал также мощной радиостанцией, с тем чтобы вовремя дать сигнал «SOS!» в Лондон и вызвать там, как буквально сказал генерал, «скандал мирового масштаба»²².

После прибытия в Лондон «Бур»-Коморовский в разговоре с Яном Новаком, который записал его воспоминания для «Readers Digest», подтвердил: «В случае, если бы после самообъявления польских властей в роли полномочных хозяев русские пытались арестовать и вывезти руководителей, то подразделения, дислоцированные в районе размещения главного штаба, должны были оказать вооруженное сопротивление»²³.

Из этих признаний нетрудно сделать вывод, что командованию Советской Армии, освобождавшей Варшаву от гитлеровской оккупации, готовили политическую ловушку. Советское командование должно было либо согласиться с существованием экстерриториального анклава эмигрантского правительства и тем самым фактически признать его власть или хотя бы легальное существование в Польше, либо ликвидировать его силой оружия, что имело бы весьма сложные международные политические последствия.

Пониманием этого щепетильного момента объясняется решение советского и польского командования о направлении 1-й армии Войска Польского на магнусшевский плацдарм, с тем чтобы именно она первой вступила в Варшаву. Решение проблемы в таком случае оказалось бы в руках самих поляков и утратило бы международный характер.

Каковы же были военные перспективы восстания, в котором лучшие, имеющие боевой опыт отряды АК планировалось использовать для охраны генеральских резиденций и — в крайнем случае — для борьбы с польскими и советскими войсками, освобождающими столицу, а не для захвата обороняемых немцами аэродромов, мостов на Висле и других важнейших объектов, что обеспечило бы успех восстания?

Логика подсказывает, что в намерения авторов плана восстания входило не столько изгнание немцев из Варшавы, сколько инсценировка потрясающих воображение эффектов, например, в виде кровавых стычек между поляками и русскими, «дабы поднять, — по Окулицкому, — как можно больший шум». Речь шла об оказании столь сильного впечатления на британскую и американскую общественность, чтобы она стала способной в интересах

польского эмигрантского правительства пожертвовать выгодами, вытекавшими из сотрудничества с СССР в рамках коалиции.

Переход власти к органам КРН и ПКНО в освобожденной части Польши, происходивший без серьезных конфликтов и кровопролития, не создал условий для «скандала в мировом масштабе». О том, как это происходило в Люблине, свидетельствует, например, радиограмма делегата эмигрантского правительства в Люблинском округе главному делегату в Варшаве: «25-го расклеил публичные объявления о взятии власти от имени правительства Республики и открыто приступил к деятельности до того, как появились какие бы то ни было другие заявления самозванных властей. Советское командование уклонилось от переговоров, заявив, что польское правительство, находящееся в Хелме, в ближайшие дни прибудет в Люблин и даст все необходимые директивы. Вечером 26-го от имени «Армии Людовой» Берлинга появились распоряжения, касающиеся правопорядка, подписанные подполковником Корчиньским — комендантом города, получившим, по-видимому, и гражданскую власть. Одновременно люди Берлинга устроили ряд стихийных патриотических митингов, к которым толпа отнеслась бескритично. Утром 26-го в мое бюро явился представитель упомянутого уже подполковника Корчиньского и предложил мне прекратить всякую деятельность под угрозой привлечения меня к персональной ответственности... Напротив бюро начало работать учреждение под вывеской «Польская Республика, государственный герб, Люблинская Рада Народова». Поступили донесения о разоружении небольших отрядов АК, а также одной дивизии. В этой обстановке я абсолютно лишен свободы действий и прошу указаний»²⁴. И в других городах освобожденной восточной Польши власть брали польские революционные силы.

Представители эмигрантского правительства оказались перед лицом реальной перспективы распространения процесса демократизации на остальной территории страны, на столицу Польши, что означало бы крушение их планов. Отсутствие активного противодействия с их стороны «привело бы к тому, что ПКНО мог выступить в качестве не вызывающего сомнений и внеконкурентного польского правительства», — утверждал один из членов руководства проэмигрантского подполья, заявив, что восстание в Варшаве — единственный выход, который даст ожидаемый политический эффект²⁵. Надо было любой ценой опередить ПКНО. «...Речь шла о том, чтобы показать всему миру — правительство на месте...»²⁶

Взять власть в столице Польши и создать там нечто вроде временного правительства считалось наиболее эффектной демонстрацией. Появление этого правительства в роли хозяина столицы и, следовательно, страны должно было поставить КРН и ПКНО, а также Красную Армию перед свершившимся фактом, последствия которого были бы необратимы.

Итак, то, что восстание было поднято в Варшаве, предопределялось тем, что она была столицей, центром. Поэтому вопрос, насколько это восстание соответствовало отдельным вариантам стратегических планов главного штаба АК, планам всеобщего восстания или операции «Буря», не имеет принципиального значения. С одной стороны, оно носило как будто локальный характер, но организованное в особо важном пункте — столице Польши, с включением военного потенциала соседних территорий, — имело целью подготовить условия для размещения в столице эмигрантского правительства либо его представительства. С другой стороны — захват города непосредственно перед ожидаемым отходом немцев и перед вступлением Красной Армии и Польской Армии указывал как будто на реализацию плана «Буря», в последнем варианте предполагавшего выступления в больших городах.

Классовые и политические мотивы лежали и у истоков скоропалительно принятого руководством правительственного лагеря решения о создании в Варшаве так называемой Крайовой Рады Министров. Руководство сторонников правительства в стране уже давно ставило вопрос перед польским правительством в Лондоне о расширении своей компетенции. Крайова Репрезентация Политычна (КРП), созданная из представителей 4 правительственных партий и преобразованная в начале 1944 года в Раду Едности Народовой (РЕН), в декабре 1943 года предлагала создать «центр, имеющий прерогативы полномочного органа, замещающего правительство, во главе с делегатом правительства, являющимся одновременно вице-премьером и имеющим в стране трех заместителей в ранге министров»²⁷.

Эмигрантское правительство в Лондоне игнорировало эти предложения, увидев в них угрозу своей власти. Только 10 июля премьер Миколайчик вслед за предложением в упомянутой радиogramме от 4 июля о создании в стране административного органа передал текст декрета президента о присвоении делегату в Польше ранга министра и функций вице-преьера по делам страны²⁸. В новой ситуации Рада Едности Народовой и делегат предложили создать в стране «экспозитуру правительства в составе вице-преьера и 3—4 министров», подчеркнув, что «такого рода акт не может быть использован против нынешнего правительства, а Советам затруднит создание их правительства»²⁹.

В Лондоне рассмотрели этот вопрос 26 июля 1944 года, и министрами в стране были назначены три заместителя делегата (он же вице-премьер), которые должны были выйти из подполья вместе с делегатом как экспозитура правительства в эмиграции. Это были Адам Бень (Стронництво Людове), Антонин Пайдак (ППС) и Станислав Ясюкевич (Стронництво Народове). Впрочем, фамилию последнего в Лондоне тогда еще не знали.

Об этом решении Миколайчик сообщил Янковскому в тот же день. Один из заместителей должен был остаться на нелегальном положении. В радиogramме подчеркивалось, что «назначение дати-

ровано 12 марта 1944 года», что уже было явной мистификацией³⁰.

На основании этого представитель правительства Янковский, вместе с упомянутыми заместителями, но уже не испрашивая согласия правительства в Лондоне, образовал в Варшаве 30 июля Крайову Раду Министров (КРМ). Дабы придать этому официально-правовую форму, решено было после освобождения города опубликовать соответствующую документацию в «Дзеннике устав актов»³¹. В изданном в Варшаве во время восстания, около 20 августа, «Дзенник Устав Польской Республики» № 1 имеется целый ряд правовых актов, датированных задним числом, например, заявление делегата в стране о создании КРМ и четыре распоряжения КРМ, датированных 3 мая 1944 года. Следует добавить, что упомянутое издание также имело заведомо ложную дату — 20 июля 1944 года³².

Цель фальсификации была ясна: создать видимость того, что еще до образования ПКНО в Польше, в ее столице, существовало подпольное «законное правительство», легализовавшееся с началом восстания. Свою первую беседу в Москве со Сталиным 3 августа 1944 года Миколайчик начал с заявления: «Я хочу проинформировать Вас, что в Варшаве находятся вице-премьер и три члена моего кабинета. Они образуют подпольное польское правительство»³³. Вместе с информацией о начале восстания в Варшаве это должно было послужить важным аргументом в начинающихся переговорах Миколайчика с Советским правительством и ПКНО.

Одним из последних шагов делегата Янковского, председателя РЕН Пужака и генерала Коморовского перед назначением момента начала восстания была передача в Лондон 28 и 30 июля двух радиограмм. В первой предлагалось направить в Польшу либо миссию, либо наблюдателей западных государств с аккредитацией их при «экспозитуре правительства». Во второй депеше содержалось требование признать администрацию, создаваемую Делегатурой, «польской секцией АМГОТ»*, то есть военной администрацией для территорий, оккупированных западными державами, а Армию Крайову считать составной частью западных союзных армий. Предлагалось, кроме того, взять под опеку «англосаксонских органов» лиц, задержанных советскими властями³⁴. Польский посол Эдвард Рачиньский уже на следующий день передал текст последней депеши правительству Великобритании³⁵. Ответа не последовало.

Готовность буржуазных политиков взять на себя роль оккупационной администрации западных держав в собственной стране должна была остаться в рамках конфиденциальной радиопереписки. Содержание этого документа держалось в тайне даже от доверенных лиц³⁶. Это было свидетельством умонастроений и морали людей, принимавших решение о вооруженном выступлении в столице Польши.

* Военная администрация на занятых войсками западных союзников территориях.

30 июля генерал Коморовский отдал распоряжение, которому суждено было сыграть роковую роль в судьбах и тех, кто был втянут в его реализацию, и тех, кому предстояло стать их жертвами. Приказ генерала Соснковского от 25 июля предлагал «оставить под советской оккупацией новое немногочисленное, но старательно подобранное подполье»; командующий АК назначил генерала Окулицкого руководителем организации, ставшей известной под названием «Nie» («Неподлежность» — «Независимость»). В случае вступления советских войск в Польшу и выхода из подполья генерала Коморовского со своим штабом генерал Окулицкий должен был оставаться в подполье вместе с выделенными в его распоряжение кадрами³⁷.

* * *

В течение многих лет апологеты Соснковского, Миколайчика, Коморовского и других виновников польской трагедии обвиняли друг друга в ответственности за принятие решения о восстании в Варшаве. Не раз, если это могло дискредитировать, унижить противника, приводились факты, близкие к правде. «Отчаянное решение должно было продемонстрировать, что законным хозяином Польши и ее столицы является руководство польского подполья, — писал один из лидеров правого крыла ППС. — Таким сигналом мог послужить и акт самоубийства, включая коллективное самоубийство главного штаба АК и других желающих присоединиться к такому решению. Никто не давал главному штабу АК морального права принимать решение, предопределившее уничтожение столицы... Это самоубийство в совокупности с явным превышением командованием АК моральных полномочий было как бы затерто побочными фактами. Так Миколайчик фальсифицировал постановление Рады Министров от 25 июля 1944 года в радиogramме в Польшу. От сторонников правительства в стране 9 дней скрывалось, что 29 июля британские военные власти отказали в какой-либо помощи Варшавскому восстанию, если бы таковое вспыхнуло. Это известие дошло до Варшавы только 6 августа 1944 года»³⁸.

Люди, принимавшие решение о восстании, знали и то, что в силу договоренности между руководителями стран антигитлеровской коалиции территория Польши входит в оперативную сферу советских войск и что повстанцы не получают реальной помощи с Запада. 27 июля эмигрантское правительство обратилось к британскому с нотой, содержащей просьбу поддержать восстание с воздуха; на следующий день оно получило отрицательный ответ от «Форин оффис», который мотивировал отказ оперативными и техническими причинами, а также необходимостью согласования таких действий с советским командованием, развивавшим наступление на территории Польши. Заместитель министра в МИД Великобритании О. Саргент утверждал, что «перебросить по воздуху

над Германией парашютную бригаду к Варшаве, не рискуя огромными потерями, невозможно. Переброска эскадрилий истребителей на аэродромы в Польше также сложная и длительная операция, организовать которую, впрочем, в любом случае возможно лишь по согласованию с Советским правительством. Определенно не удалось бы это сделать в сроки, которые требует ход событий. Что касается бомбардировки варшавских аэродромов, то Варшава находится вне зоны нормальной досягаемости бомбардировщиков РАФ, и вообще бомбардировка в любом случае была бы наиболее эффективной с баз, контролируемых Советами. Если ваше руководство имело в виду челночные бомбардировки, которые в последнее время получили большую популярность, то их осуществляют американские, а не британские королевские воздушные силы. Боюсь, что в связи с этим правительство Его Королевского Величества помочь ничем не сможет»³⁹.

В тот же день, 28 июля 1944 года, заместитель начальника штаба главнокомандующего генерал Станислав Татар в радиogramме командующему АК сообщил: «Я вижу лишь слабую возможность бомбардировок и передачи вам польского дивизиона истребителей „Мустанг“». Он подчеркнул, что эмигрантское правительство предпримет по этому вопросу дальнейшие усилия⁴⁰.

Прилетевший 26 июля в Варшаву из Лондона эмиссар генерала Соснковского Ян Новак лишь на третий день информировал генерала Коморовского, генерала Пелчиньского и других руководителей АК, что они не могут рассчитывать на сбросы оружия и высадку польской парашютной бригады⁴¹. Это, однако, не повлияло на окончательное решение командования АК.

Через несколько дней и генерал Гастингс Исмей, начальник штаба британского министерства обороны, сообщил, что помощь невозможна, будь то бомбардировки или переброска в Польшу польской авиации и парашютной бригады: «Союзники не могут предпринимать такого рода действия, если они не скоординированы с наступлением русских, поскольку их следует считать действиями, проводимыми в зоне тактических интересов русских».

... Начальники (союзных) штабов подчеркивают, что польская Армия Крайова находится в зоне, где невозможно ее взаимодействие с англо-американскими армиями»⁴².

В это же самое время англичане строили далеко идущие планы в отношении всех польских вооруженных сил на Западе. Выступая в парламенте 2 августа — то есть по прибытии Миколайчика в Москву, — Черчилль высказался за объединение польских войск, дислоцированных на Востоке и Западе, а на следующий день командующий Средиземноморским фронтом генерал Вильсон предложил находившемуся в Италии генералу Соснковскому перебросить по воздуху 2-й польский корпус из Италии в Польшу, согласовав это с советским руководством, дабы он мог включиться в борьбу за освобождение страны. Тяжелое оружие и снаряжение предполагалось перебросить морем. Соснковский отверг это предложение⁴³.

Планы англичан шокировали Сосновского, поскольку его отношение к народному Войску Польскому было резко негативным. Позицию Великобритании можно объяснить стремлением ее руководства создать в Польше более благоприятную для эмигрантского правительства расстановку военно-политических сил и попыткой оказать давление на генералов Сосновского и Андерса, стоявших в оппозиции к поддерживаемому англичанами С. Миколайчику. Весьма красноречива при этом была готовность англичан перебросить самолетами в Польшу многотысячный корпус, особенно на фоне выдвигаемых ими препятствий для отправки самолетов с помощью восставшей Варшавы: технические и атмосферные условия, а также задействование авиации на западных фронтах.

Один из историков-эмигрантов так охарактеризовал позицию Великобритании: «Англичане не отговаривали поляков поднимать восстание в столице, но отказывали им в помощи, подчеркивая, что она невозможна в советской оперативной зоне, и, по существу, старались от него отмежеваться. Вопросы организации восстания они оставляли польским властям, косвенно рекомендуя скоординировать его с действиями Красной Армии»⁴⁴.

Зная о задуманном антифашистском восстании в зоне действий Красной Армии, англичане не предложили своего посредничества для установления оперативного контакта и не проинформировали советского союзника об известных им намерениях польских политиков, проявив тем самым союзническую нелояльность, на что советская сторона указала им позднее⁴⁵. Они сделали это только после начала восстания, когда Британская военная миссия в Москве получила телеграмму о том в 01 час 10 минут 2 августа. Возможно, что ее содержание было доведено до советской стороны в тот же день. Однако официальный текст извещения был послан в НКВД 3 августа^{45а}.

Таким образом, командованию Красной Армии, ведущей бои уже на территории Польши за освобождение от фашистского рабства миллионов поляков, не только не дали возможность высказать свое мнение о целесообразности восстания и способах координации действий, но даже не сообщили о замысле восстания. Ни на одном штабном совещании главнокомандования сил АК, которые в конце июля проходили ежедневно при обсуждении возможных сроков восстания, вопрос об информировании советского командования вообще не ставился, поскольку никто из их участников не видел в этом необходимости. «Авторы восстания не сделали ни малейшего усилия к налаживанию хотя бы оперативно-тактической связи с Рокоссовским, чтобы скоординировать с ним планируемое выступление в столице», — пишет Ян Чехановский⁴⁶. Политические лидеры внутри страны не только замалчивали, но даже полностью отбрасывали такую возможность. В радиограмме в Лондон, подписанной президиумом Рады Едности Народовой во главе с Казимежем Пужаком, а также представителем правительства в стране Янковским, говорилось: «Наше даль-

нейшее военное взаимодействие с Советами было бы равнозначно открытию пути к новому разделу Польши»⁴⁷. Но можно ли говорить о «дальнейшем» взаимодействии, если его вообще не было?

Командование Армии Крайовой «не искало связи с советским командованием, ожидая проявления доброй воли с его стороны», — писал позднее генерал Коморовский⁴⁸.

В чем же крылась причина этого? Эмигрантский историк ясно говорит, что «поскольку битва за Варшаву должна была заставить русских врасплох, становится ясным, почему главный штаб АК не сообщил Советской Армии и Армии Людовой о своих планах и не согласовал с ними действий. Первой целью восстания было занять Варшаву, второй — поставить СССР перед этим свершившимся фактом»⁴⁹.

Итак, несогласование срока начала восстания с советским командованием имело, таким образом, политическую подоплеку, а отнюдь не объяснялось отсутствием дипломатических отношений, чем позднее пытались объяснить этот факт. Эмигрантское правительство могло передать советскому руководству необходимые сведения через англичан или же непосредственно через посольство СССР в Лондоне. Даже деятели стран-сателлитов «третьего рейха» смогли найти путь к переговорам с государствами антигитлеровской коалиции, а уж для союзников это не представляло никакого труда. Миколайчик готовился отправиться с визитом именно в СССР и имел все возможности передать любое предложение. Он не сделал этого и по прибытии в Москву, во время первой беседы с Молотовым 31 июля. Определяя целью своего визита «согласование дальнейшей совместной борьбы против Германии» и обсуждение спорных вопросов, он ни словом не обмолвился о близком восстании в Варшаве⁵⁰. Только после получения от английского посла сообщения о начале восстания он 3 августа отправился на беседу со Сталиным, о которой уже упоминалось⁵¹, будучи прежде всего заинтересованным в использовании восстания как козыря в политической игре, а не в том, чтобы согласовать какие бы то ни было военно-оперативные вопросы восстания с советской стороной.

Непосредственные организаторы Варшавского восстания также имели возможность установить контакты с советским командованием — или через посредничество АЛ, или через специально посланных людей, или через некоторых командующих (комендантов) округов АК в освобожденных районах Польши, ведших в то время переговоры с советскими властями. Так, комендант Люблинского округа полковник Казимеж Тумидайский в конце июля 1944 года почти ежедневно информировал по радиосвязи генерала Коморовского о ходе переговоров с советскими генералами, продолжавшихся вплоть до момента, когда по указанию командующего АК он отказался вступить в Войско Польское, после чего был интернирован⁵².

Несомненно, только реальное взаимодействие с Красной Ар-

мией против немцев могло обеспечить восстанию успех и тем самым спасти Варшаву и ее жителей.

Министр обороны польского эмигрантского правительства генерал Мариан Кукель, крупный историк, сторонник концепции восстания в Варшаве, спустя много лет после войны признал: «Бесспорно — борьба АК за Варшаву являлась демонстрацией, целью которой было заставить врасплох как немцев, так и русских. Если «Бур»-Коморовский имел намерение в Варшаве сражаться с немцами, то ему следовало договориться с русскими, узнать их планы и возможности. Но поскольку «Бур»-Коморовский хотел в Варшаве оказать сопротивление русским, то лучше было восстания не поднимать, ибо оно имело катастрофические последствия»⁵³.

Серьезные сомнения относительно правильности предпринимаемых руководством проправительственных группировок планов высказывал даже один из его членов — заместитель делегата эмигрантского правительства, деятель Стронництва Людового Адам Бень («Валькович»). В своих записках о восстании он писал: «В Варшаве, наверное, нет ни одного человека, который бы не понимал, что эффективно помочь борющейся Варшаве, разбить немцев и освободить столицу может только Советская Армия. Никто другой. Но поможет ли она? Это уже совершенно другой вопрос. Прежде всего, будет ли она в состоянии помочь? Все указывает на то, что перед началом восстания его сроки не согласовывались с советским командованием, никто не спрашивал, отвечает ли битва за Варшаву ближайшим планам и возможностям Советской Армии, ведущей операции в Польше»⁵⁴.

¹ СА КС, т. 202/11-12, к. 204, «Мос», 14.VII.1944.

² Skarżyński A. Op. cit., s. 202; Kirchmayer J. Powstanie warszawskie. Warszawa, 1959, s. 142.

³ АК w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 182, 500.

⁴ Ibid. s. 495-497.

⁵ Ibid., s. 527, 528.

⁶ Ibid., s. 505.

⁷ Ibid., s. 546-550, meldunek 243 z 14.VII.1944.

⁸ Chruściel A. Powstanie warszawskie. Londyn, 1948, s. 7; Pełczyński T. O powstaniu warszawskimi (w związku z artykułem Stanisława Okęckiego). — Bellona, Londyn, 1955, z. 3, s. 9.

⁹ AMSW, t. 295/471, k. 24, 39, 40; АК w dokumentach, t. IV. Londyn, 1977, s. 1-2.

¹⁰ АК w dokumentach, t. IV, op. cit., s. 1, 2.

¹¹ Ibid., s. 3-5.

¹² Biuletyn Informacyjny, N 31, 27.VII.1944.

¹³ Polskie państwo podziemne. Paryż. 1975, s. 178; PSZ. Op. cit., t. III, s. 658.

¹⁴ АК w dokumentach., t. III. Op. cit., s. 13-14.

¹⁵ Ibid., s. II.

¹⁶ Chruściel A. Op. cit., s. 6; Ciechanowski J. M. Notatka z rozmowy z płk. dypl. I. Bokszczaninem (w Paryżu 1964 r.). — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1974, z. 27, s. 139.

¹⁷ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 12, 15-17.

¹⁸ Переписка ..., т. I, с. 240, 241, 243—246; т. II, с. 141—144, 147—149.

¹⁹ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 7, 22, 23; Ciechanowski J. M. Notatki

- z rozmow z gen. Marianem Kukielem. — Zeszyty Historyczne. Paryż, 1974, z. 29, s. 135;
- ²⁰ B a b i n s k i W. Fragmenty rozmów z gen. Sosnkowskim. Ibid., s. 129.
- ²¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 9-11, 17, 27.
- ²¹ Depesza Okulickiego do Raczkiewicza z 9.XII.1944. — C i e c h a n o w s k i J. M. Powstanie Warszawskie. Op. cit., s. 249; Pomian-Dowmutt A. Op. cit., s. 39.
- ²² N o w a k J. Op. cit., s. 383-384.
- ²³ Ibid., s. 433.
- ²⁴ CA KC, t. 202/1-9, k. 33. Ян Новак-Езераньски стал после войны работником госаппарата США. Многие годы руководил польской секцией радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене.
- ²⁵ K o r b o Ń s k i S. Op. cit., s. 177.
- ²⁶ C h r u ś c i e l A. Op. cit., s. 13.
- ²⁷ CA KC, t. 202/1-8, k. 69, 29, 30.
- ²⁸ Ibid., t. 202/III-3, k. 70.
- ²⁹ Ibid., t. 202/1-8, k. 55, 61.
- ³⁰ Ibid., t. 202/III-3, k. 163-172, 191; PSZ. Op. cit., t. III, s. 663.
- ³¹ Powstanie warszawskie w notatkach Bienia. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1968, z. 13, s. 663.
- ³² CA KC, t. 202/II-3, k. 185.
- ³³ Sprawa polska... Op. cit., s. 554; PSZ. Op. cit., t. III, s. 664; K o w a l s k i W. T. Op. cit., s. 425-432.
- ³⁴ CA KC, t. 202/1-8, k. 69, 29, 30.
- ³⁵ Documents... Op. cit., vol. II, s. 306.
- ³⁶ AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 590.
- ³⁷ Ibid., t. IV, s. 10, 29.
- ³⁸ P r a g i e v A. Ostatni raz o powstaniu. — Wiadomości, Londyn, N 14, 5.IV.1970; W a l i c h n o w s k i T. U źródeł walk z reakcyjnym podziemiem w Polsce. Warszawa, 1975, s. 98-104.
- ³⁹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 18-21.
- ⁴⁰ AMSW, t. 295/471, k. 9.
- ⁴¹ N o w a k J. Op. cit., s. 316-320.
- ⁴² AMSW, t. 295/352, k. 113.
- ⁴³ Sprawa polska... Op. cit., s. 552.
- ⁴⁴ C i e c h a n o w s k i J. Stosunek rządu brytyjskiego do powstania warszawskiego. — Zeszyty Historyczne. Paryż, 1977, z. 42, s. 30;
- ⁴⁵ F e i s H. Churchill — Roozevelt — Stalin. Princeton, 1957, s. 388.
- ^{45a} Б e з ы м e н с к и й Л. «Новое время», № 33—36 за 1988 г.
- ⁴⁶ C h i e c h a n o w s k i J. M. Powstanie Warszawskie. Op. cit., s. 322.
- ⁴⁷ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 588.
- ⁴⁸ Ibid., s. 108.
- ⁴⁹ S i e m a s z k o Z. S. Powstanie Warszawskie — kontakty z ZSRR i PKWN. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1969, z. 16, s. 12, 59.
- ⁵⁰ Ibid., s. 12; AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 37.
- Л. Безыменский приводит в журнале «Новое время» № 33—36 за 1988 год запись этой беседы, согласно которой Миколайчик говорил Молотову, что польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело просить Советское правительство о бомбардировке аэродромов под Варшавой.
- ⁵¹ P r z y g o Ń s k i A. Powstanie warszawskie w sierpniu 1944. Op. cit., t. I, s. 61; Sprawa polska... Op. cit., s. 555.
- ⁵² AK w dokumentach. Op. cit., t. III, s. 588-597.
- ⁵³ C i e c h a n o w s k i J. M. Notatki z rozmow z gen. Marianem Kukielem. Op. cit., s. 135, 142.
- ⁵⁴ Powstanie warszawskie w notatkach Adama Bienia, cyt. wyd., s. 98.

Глава 5. Начало восстания

1 августа 1944 года командование 9-й немецкой армией констатировало: «Ожидавшееся восстание поляков (АК) в Варшаве началось в 17.00. Бои идут по всей Варшаве»¹. Наступил час «W», назначенный накануне во второй половине дня командующим Армией Крайовой генералом Тадеушем Коморовским-«Буром».

Еще утром 31 июля командующий АК, так же, как и большинство присутствовавших на совещании высших офицеров главного штаба АК, считал, что выступать преждевременно². Это соответствовало оценке обстановки в районе Варшавы разведывательного (II) отдела штаба полковника Казимежа Иранека-Осмецкого, который сообщил о прибытии свежих немецких сил на театр военных действий и их концентрации для контрнаступления к востоку от Варшавы в соответствии с положением дел на 30 июля. Но в момент доклада в главном штабе АК 31 июля немецкое контрнаступление уже развивалось и имело местный успех. Шло ожесточенное танковое сражение.

В тот же день в 17.00 к главнокомандующему АК прибыл полковник Антоний Хрусьцель («Монтер») с известием, что советские танки якобы уже ворвались на Прагу (правобережную часть Варшавы), и потому следует немедленно начать восстание, или будет поздно. После короткого совещания с начальником главного штаба АК генералом Тадеушем Пелчиньским и ответственным за операцию генералом Леопольдом Окулицким главнокомандующий АК отдал Хрусьцелю приказ о начале боевых действий 1 августа в 17.00., уведомив об этом представителя польского эмигрантского правительства Янковского, который одобрил решение, обронив одно слово: «Начинайте».

Спустя час пришли полковник Иранек и другие участники назначенного накануне совещания. Полковник Плюта-Чаховский сообщил, что началось немецкое контрнаступление, однако было поздно отменять отданный приказ. Пораженный решением о начале восстания, начальник оперативного отдела (III) полковник Юзеф Шостак («Филип») смог только изумленно спросить: «Разве при принятии решения пану генералу не были нужны начальники от-

делов II и III?» «Бур» ответил: «Дай нам бог овладеть Варшавой до прихода советских войск». Полковник Хрусьцель сразу же отправился на свой командный пункт на улице Филтровой, 68, и отдал приказ о времени начала восстания по всей Варшаве³.

Итак, решение о начале восстания базировалось на опасениях политического свойства. Они же диктовали военную тактику, оказавшуюся при этом ошибочной.

Чреватый трагическими последствиями приказ генерала Коморовского был принят на основании непроверенной и — как вскоре выяснилось — ложной информации. Полковник Хрусьцель получил ее от своих разведчиков, которые якобы услышали от неких гражданских лиц, проходивших по мосту Понятовского, что те видели несколько советских танков на Праге⁴. Сам генерал Коморовский даже в 1945 году продолжал доказывать, что советские войска уже 30 июля заняли Грохув, а на следующий день взломали первую линию немецкой обороны.

В то же самое время немцы усилили меры предосторожности в Варшаве: начали хватать людей, могли в любой момент ограничить движение на улицах, что парализовало бы вооруженное выступление АК. Эти обстоятельства — по словам генерала «Бура» — в значительной мере обусловили принятие решения о начале восстания⁵.

Другие источники свидетельствуют, что это произошло под сильными давлением генерала Окулицкого. Его нажим на генерала Коморовского порой принимал резкие формы обвинений в нерешительности, даже трусости⁶. То же твердил Окулицкий и прибывшему из Лондона курьеру: «С растущим нетерпением я наблюдал в те дни за «Буром», который колебался, раздумывал и проявлял признаки внутренней растерянности. На последнем совещании я не выдержал и взорвался — высказал «Буру», что за исключением Пилсудского Польше не везло на толковых командиров... Обвинил его в медлительности и отсутствии решительности... То, что я сказал, видимо, глубоко задело его, поскольку в тот же день после полудня, когда с нами был и «Гжегож» (генерал Пелчиньский), «Бур» решил начать, узнав вдобавок от «Монтера», что советские танковые заставы снова появились на Праге»⁷.

То, что Варшава будет занята силами АК, а немцы изгнаны — в этом люди, принявшие решение о начале восстания, не сомневались. Немецкую армию на этом участке они считали уже сокрушенной. Большинство источников указывает, что главной их заботой стало рассчитать момент, чтобы занять город перед вступлением советских частей и не ввязаться при этом в длительные бои с немцами в городе.

Все оказалось иначе. Решение было принято в момент, когда стало очевидным, что немцы будут оборонять Варшаву, — с 27 июля началось движение их войск через столицу с запада на восток. Однако руководство АК брало в расчет только «опасность» слишком быстрого освобождения столицы советскими и польскими

войсками и проведение ими парада победы на улицах города.

Но продолжавшееся почти 6 недель наступление, в результате которого советские войска продвинулись вперед на 500—600 км, замедлилось вследствие усталости войск и отрыва их от баз снабжения. Немецкая армия, преодолевая дезорганизацию, оказалась способной к контрнаступлению на многих участках фронта. Новый начальник штаба немецких сухопутных войск генерал Хайнц Гудериан, выполняя приказ Гитлера, стремился любой ценой взять под контроль направление на Берлин и Восточную Пруссию, и прежде всего установить фронт по линии рек Нарев и Висла.

В планах немцев оборона Варшавы занимала особое место. Эта задача была поставлена перед 9-й армией генерала фон Форманна, усиленной мощной танковой группировкой группы армий «Центр». Уже в середине июля сопротивление немцев на варшавском направлении усилилось. Наступательная сила советских войск ослабела: с 25 июня по 5 июля они преодолевали ежедневно в среднем около 30 км, а в следующие 10 дней уже только 13—14 км.

Советский план брестско-люблинской операции 1-го Белорусского фронта предусматривал выход широким фронтом к Висле, окружение и ликвидацию оставшихся в тылу немецких группировок. Освобождение Варшавы зависело от главного условия — захвата плацдармов за Вислой к северу и югу от города, что позволило бы развить глубокий охватывающий маневр. Многие также зависело от взаимодействия с левым крылом 2-го Белорусского фронта, наступавшего на Белосток и Ломжу.

Этот план содержался в директиве № 220162 для 1-го Белорусского фронта, принятой 28 июля на совещании у Сталина. Он предусматривал, что в течение первой декады августа удастся преодолеть серьезные трудности, которые возникли в результате ослабления наступавших более 5 недель войск и нарастания трудностей в их снабжении, вызванных удлинением путей подвоза на несколько сот километров по сильно разрушенным немцами дорогам. В директиве предусматривалось, что удастся захватить плацдарм за Наревом в окрестностях Сероца и Пултуска и не позднее 5—8 августа овладеть Прагой; кроме того, захватить плацдармы за Вислой к югу и к северу от Варшавы⁸.

Советские войска создали такой плацдарм 28 июля — 2 августа в устье Пилицы и передали его 1-й армии Войска Польского, сражавшейся до этого на Висле под Демблином и Пулавами. Польская армия, наступая вдоль западного берега Вислы, должна была подойти к столице с юга.

Вдоль Вислы в северо-западном направлении удар наносила 2-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-майора Александра Радзиевского, который замещал тогда раненного в боях за Люблин генерал-полковника Семена Богданова. Утром 30 июля она захватила Отвоцк, а вечером Воломин и Радзимин, отрезав путь к отступлению в направлении Варшавы немецкой группировке, оборонявшей район Седльца и Миньска-Мазовецкого⁹.

К тому времени войска 2-го Белорусского фронта поотстали, на них пришелся сильный контрудар немецких войск с восточно-прусского направления. Удар отражал и правый фланг 1-го Белорусского фронта, чьи войска после окончательной ликвидации 28 июля брестской группировки врага замедлили темп наступления. Бои за Седлец продлились до 31 июля. Соколув Подляски и Венгров были взяты только 9 августа.

С 26 июля в район Варшавы начали прибывать немецкие дивизии, спешно стянутые из Румынии, Голландии и Италии. К 30 июля немецкое командование поняло, что удар советских войск направлен не на Варшаву (Прагу), как оно поначалу считало, а через Радзимин для захвата плацдармов на Буге и Нареве. Было также известно, что наступающие советские танковые части испытывают трудности со снабжением¹⁰.

По советскому танковому клину, вытянувшемуся вдоль Вислы и лишенному поддержки пехоты и подвоза топлива и боеприпасов, ударили в те дни пять немецких танковых дивизий, усиленных другими соединениями 9-й немецкой армии силой до трех дивизий. Немецкие силы перед фронтом советской 2-й танковой армии насчитывали 51,5 тысячи человек, 1158 орудий и минометов и 600 танков и самоходных орудий. У 2-й танковой армии было 32 тысячи человек, 468 орудий и минометов, 425 танков и самоходных орудий. Таким образом, перевес немцев в живой силе представлялся как 1,6:1, в артиллерии 2,5:1, в танках 1,4:1 и исключал возможность ведения 2-й танковой армией наступательных действий. К тому же 2-я танковая армия оставалась без воздушного прикрытия, так как 6-я воздушная армия не успела к тому времени перебазироваться на новые аэродромы ближе к фронту.

Германские войска атаковали с трех сторон: парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия со стороны Праги, 4-я танковая дивизия с севера, 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» с востока, имея подавляющее превосходство над советским 3-м танковым корпусом генерал-майора Николая Веденева. 2 и 3 августа немцы вновь вошли в Радзимин и Воломин и были остановлены только под Окуневом.

Шло одно из крупнейших танковых сражений на польских землях. Немцам в результате его удалось на некоторое время задержать выполнение советского плана занятия правого берега Вислы и Праги, с захватом плацдармов на левом берегу к северу от Варшавы. В непрерывных боях 2-я гвардейская танковая армия с 18 июля потеряла 1900 человек убитыми и ранеными, танков и самоходных орудий свыше 280 только на подступах к Варшаве. Часть из них ввиду отсутствия топлива и боеприпасов была уничтожена собственными экипажами. 6 августа в армии оставалось лишь 385 боевых машин, и она была уже не способна продолжать наступление. Поэтому по приказу, полученному в 4.10 1 августа, 2-я танковая армия перешла к обороне на линии Мендзылесе—Окунев. Как уже

сказано, советская авиация также на некоторое время утратила свое превосходство в воздухе, в частности из-за отсутствия расположенных близко к фронту аэродромов и баз снабжения¹¹.

Командование АК, руководствовавшееся прежде всего политическими мотивами, оказалось не в состоянии трезво оценить положение на фронте, даже на ближайшем к Варшаве участке. Игнорировались как донесения разведки главного штаба АК, где, в частности, сообщалось о прибытии под Варшаву нескольких вражеских дивизий из Румынии и Италии, так и предостережение заместителя начальника главного штаба АК полковника Януша Бокшчанина о том, что советское наступление на Варшаву начнется с артиллерийского обстрела левого берега Вислы, чего на самом деле не произошло¹². Ко всему прочему сообщения разведки АК приходили через конспиративную сеть связных с определенным опозданием. Разведка АК не располагала радиосвязью, хотя ее можно было, особенно в такой важный момент, обеспечить рациями из числа сбрасываемых с самолетов союзной авиации. Впрочем, и без военных специалистов в последние дни июля трудно было не заметить выгрузку в Прушкове, а затем демонстративный марш по улицам Варшавы в восточном направлении свежих немецких частей (например, дивизии «Герман Геринг»), которые не были еще деморализованы поражениями и отступлением. Этот марш распорядился провести генерал фон Форманн, дабы «убедить население в твердом намерении немецких вооруженных сил удержать город»¹³.

Кроме того, нельзя было не предположить, что по мере приближения фронта к границам Германии сопротивление немецкой армии будет расти, а не уменьшаться.

Вместо этого руководство АК поверило донесениям разведки, составленным по слухам, и отдало приказ о восстании¹⁴.

Была недооценена также способность гитлеровской армии осуществлять быструю переброску сил на опасный участок — при этом их передвижения к западу и северу от Варшавы проходили без особых помех со стороны сил АК.

Паника в Варшаве среди персонала гитлеровской администрации и фольксдойча принималась за готовность немцев отдать Варшаву и открыть путь на Берлин. А ведь именно «Бюллетень информации» главного штаба АК поместил 31 июля сообщение, что «... немецкие войска на подступах к городу усилены количественно и качественно... они активно укрепляют оборону», что главные усилия 1-го Белорусского фронта направлены на организацию сильного плацдарма на западном берегу Вислы близ устья Пилицы¹⁵.

Дискуссия в руководстве АК перед решением о восстании показывает, что здесь сформировалось мнение, будто советские войска ударят на Варшаву в лоб, форсируя именно здесь, в городе, мощную водную преграду — Вислу. Это противоречило опыту предыдущих лет войны, включая свежие уроки боев за Сталинград и Киев, где города освобождались не лобовыми атаками через Волгу

и Днепр, а тщательно подготовленными глубокими охватывающими маневрами. Советское командование правильно решило, что фронтальный удар — притом с низкого восточного берега на высокий западный — привел бы к большим людским потерям и разрушению освобождаемого города¹⁶.

Роковым был не только неверно выбранный момент начала восстания. Слаба была и его подготовка в расчете на относительно легкий захват Варшавы в условиях оперативной паузы между уходом немцев и приходом Красной Армии и частей Народного Войска Польского. Не только не были сконцентрированы необходимые силы для захвата важнейших стратегических объектов — аэродромов, мостов и главных транспортных артерий города, — не было предпринято никаких эффективных усилий, чтобы вооружить повстанцев, используя хотя бы имевшиеся запасы оружия АК в Варшаве и окрестностях, не говоря уже о нехватке тяжелого вооружения, необходимого для борьбы с танками и укреплениями врага; запаса боеприпасов имелось лишь на 2—3 дня боев.

По оценке историков восстания, в час “W” — 1 августа в 17.00 — из 25—35 тысяч повстанцев АК только около 2500—3500, то есть 10%, были вооружены. Остальные ждали, когда оружие добудут у противника. Лишь немногие из повстанцев имели хоть какой-то боевой опыт¹⁷, в то время как почти все многотысячные германские войска были обстрелянными, хорошо вооруженными, располагали артиллерией, авиацией, танками и возможностью пополнять боеприпасы. Немцы ввели в бой в районе Варшавы пять фронтовых танковых дивизий и ряд других, а части, непосредственно подавлявшие восстание, через считанные дни достигли численности корпуса. Вместо оперативной пустоты было полное окружение, повстанцы и город стали объектом планомерного уничтожения.

Неравное соотношение сил могло быть компенсировано внезапностью, столь важной для успеха любой повстанческой операции. Но и этот фактор был упущен. Гитлеровские военные власти уже в ночь с 31 июля на 1 августа располагали информацией о времени начала восстания. Комендатура гитлеровской полиции безопасности получила подтверждение этого от своих информаторов 1 августа до полудня и отдала соответствующие распоряжения. В 13.00 была объявлена тревога в немецких учреждениях, усилена охрана важнейших объектов; следует добавить, что в некоторых районах (Жолибож, Воля) бои начались уже около 14—15 часов. Восстание, таким образом, не застало врасплох противника. Враг ждал атаки, сконцентрировав силы для обороны объектов стратегического значения¹⁸.

Выбор самого момента удара — в 17.00 — командующий восстанием объяснял возможностью «относительно легко застать врасплох немцев в час наибольшего движения людей в городе». Замешавшиеся в толпу передовые группы бойцов «могли рассчитывать на успех, а переброска и сбор целых взводов пройти незамечен-

ными гестапо и полицией только в это время»¹⁹. Кое-кто, однако, счел выбор этого часа неудачным: «Повстанцы пошли в наступление среди бела дня, что при слабом вооружении или полном его отсутствии, при большой плотности огня немцев из-за бетонных или бронированных укрытий создавало ситуацию, когда объекты, предназначенные для захвата, невозможно было взять даже ценой больших потерь. Командование, отдавая приказ к атаке в подобных условиях, заставляло бессмысленно жертвовать молодыми, героическими, прекрасными жизнями, проявив поразительную безответственность»²⁰.

* * *

Только благодаря беспримерному героизму и патриотизму варшавян сразу после начала часа "W" удалось освободить большинство жилых районов столицы, изгнав оттуда гитлеровцев. «Потери немцев большие, Маршалковская и прилегающие улицы устланы трупами и разбитым снаряжением», — докладывал в штаб командующий повстанческими силами полковник Антоний Хрусцьель («Монтер») ²¹.

Оккупационные власти были ошеломлены. «Поляков охватила ярость, даже тех, которые считались до сих пор лояльными», — сообщил на заседании «правительства» генерал-губернаторства в Кракове начальник полиции и службы безопасности обер-фюрер СС Вальтер Биркамп ²². Боевая инициатива в первые дни находилась в руках повстанцев, они заняли ряд важных объектов на Воле, в Средместье, на Повисле — Главный почтамт, высотное здание на площади Наполеона, электростанцию, военные склады на Ставках, затем ратушу и концлагерь на улице Низкой, откуда освободили несколько сот узников-евреев. Были захвачены первые военнопленные вермахта; жандармов и гестаповцев в плен по приказу «Монтера» не брали. В первый день восстания было убито и ранено около 500 гитлеровцев.

Однако атаки на крупные военные объекты, прежде всего на оба аэродрома и четыре моста через Вислу, на административные здания, штабы и военные казармы СС и полиции оказались безуспешными. В ходе этих атак повстанцы понесли в первый же день большие потери — около 2 тысяч бойцов и более половины оружия.

Острая нехватка средств связи углубляла дезориентацию и хаос, которые тем не менее постепенно преодолевались. Прервать немецкую телефонную и телеграфную связь все же не удалось ²³.

Полный разгром немцев в столице при слабой вооруженности повстанческих сил был, конечно, невозможен, и руководство восстанием отдавало себе в этом отчет. Оставалось ждать, что немцы сами уйдут из Варшавы перед лицом наступающей Красной Армии и ввиду угрозы для своих тылов, создаваемой повстанцами. Речь шла главным образом о захвате в городе пунктов, особо важных для установления власти, дабы встретить советские войска в

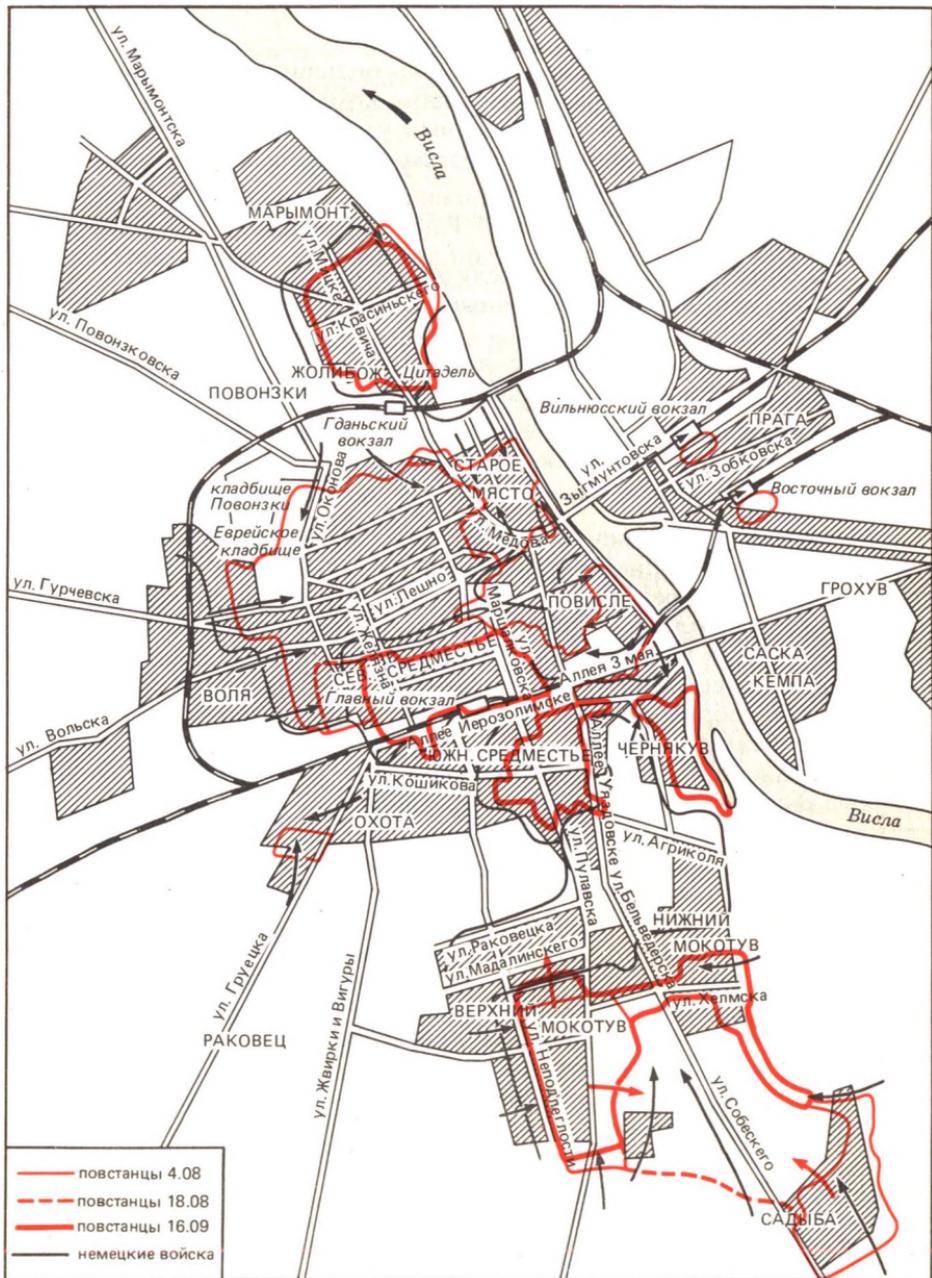
роли хозяев столицы. Генерал Окулицкий 6 августа писал командующему АК следующее: «Как только мы очистим Варшаву настолько, что будет возможен переезд вице-преьера к Вам, следует занять наиболее представительные здания (Совет Министров и Главный штаб) и полностью продемонстрировать все атрибуты государственной власти»²⁴. При таком понимании целей восстания захват мостов на Висле, аэродромов и т. п. не мог считаться важнейшим среди прочих действий.

Тот факт, что командование АК не придавало должного значения захвату мостов, вызвал удивление даже западногерманского историка, который пишет, что четыре варшавских моста обороняло всего 160 немецких новобранцев из 654-го саперного батальона, а также несколько взводов зенитной артиллерии. Отражая атаки на мосты, немцы обеспечили отсечение Варшавы от Праги и подавление восстания на правом, восточном берегу Вислы, разделение районов восстания вдоль главных транспортных артерий, а позднее — после подрыва мостов 13 сентября — отсечение повстанцев от советских и польских войск, то есть «в немалой степени решили судьбу восстания»²⁵.

Полковник Хрусцьель утверждал, что мосты на Висле «почти все поначалу были заняты нами». Это, однако, не соответствует действительности. Позднее он признался, что повстанцы «недооценили важность захвата и удержания перекрестков главных транспортных артерий». Это же видно из его оперативных донесений. Мосты Кербедзя и Понятовского были атакованы в первый день восстания, главным образом со стороны Праги. Слабо вооруженные отряды АК понесли большие потери, и атаки в дальнейшем не возобновлялись²⁶. «Проблема мостов, имевших столь важное военное значение, а в определенном смысле — и политическое, если рассчитывали на советскую помощь, была, по-видимому, недооценена командованием округа»²⁷ — так оценил ситуацию один из бывших повстанцев.

Но дело не в недооценке. Руководство восстанием рассчитывало, что мосты, не препятствуя передвижению немцев в направлении с востока на запад, облегчат им отступление из Варшавы, а силы АК смогут занять столицу при небольших потерях до прихода советских и польских частей²⁸. Но эта тактика, по существу, облегчила переброску немецких войск для контрнаступления на восток от Варшавы. Кроме того, они смогли подтянуть новые части для борьбы с повстанцами и рассеять Варшаву на отдельные очаги сопротивления, которые ликвидировались по очереди.

Политическая концепция восстания не предусматривала проведение серьезных диверсионных акций со стороны отрядов АК, базировавшихся под Варшавой. Не может не поражать бездействие на железных и шоссейных дорогах, обеспечивавших снабжение немецких войск в Варшаве, а также на линиях связи. Та же тактика осуществлялась руководством силами АК в центральных районах страны. Вместо активных диверсионных операций и взаимодейст-

ул. Мармонтская

МАРЫМОНТ

Висла

ул. Повонковская

ЖОЛИБОЖ

Цитадель

ПОВОНЗКИ

Вильнюсский вокзал

ПРАГА

Восточный вокзал

Гданьский вокзал

СТАРЫЕ

МЯСТО

кладбище Повонзки

Еврейское кладбище

ул. Орлова

ул. Медова

ул. Зыгмунтовска

ул. Зобковска

ул. Гурчевска

ВОЛЯ

ул. Лашноз

ул. Савары

ПОВИСЛЕ

ГРОХУВ

ул. Вольска

СЕВЕРНО-СРЕДМЕСТЬЕ

ул. Железнодорожная

ул. Савары

ПОВИСЛЕ

САСКА

КЕМПА

Главный вокзал

ул. Иерозалимске

Аллея 3 мая

ЮЖНО-СРЕДМЕСТЬЕ

ЧЕРНЯКУВ

Висла

ул. Кошикова

ул. Гурьевска

ул. Гурьевска

ул. Агрикола

РАКОВЕЦ

ул. Жайрки и Вигуры

ул. Раковецка

ул. Мадалинского

ул. Гурьевска

ул. Бельведерска

НИЖНИЙ

МОКОТУВ

ВЕРХНИЙ

МОКОТУВ

ул. Хелмска

ул. Соборного

САДЫБА

вия с регулярными освободительными армиями — советскими и польскими — отряды АК использовались там зачастую для чисто демонстративных действий, которые с военной точки зрения были бесполезны. Об этом пойдет разговор далее.

Таким образом, не было выполнено большинство военных задач, определенных в оперативном плане командования АК:

1. Захватить город и транспортный узел — Варшава, пригород вместе с Варшавским повятом, аэродромы Окенче и Беляны и радиостанции Боернерово и Рашин.

2. ... Захватить Зегже (южное и северное) вместе с мостом на Буго-Нареве...

3. Захватить мост через Вислу в г. Свидры.

4. Захватить все переправочные средства на Висле на участке от Набжежа до Буго-Нарева²⁹.

Планомерные оперативные действия были заменены импровизациями, поспешными и нескоординированными.

* * *

Несмотря на эти неудачи, повторим, оперативная инициатива в первые несколько дней оставалась в руках поляков. Даже после того, как немцы перешли в контратаку, используя подкрепления, присланные Гиммлером, повстанцы удерживали занятые районы города благодаря героизму повстанцев и варшавян, которые в массовом порядке выступили против ненавистных оккупантов.

Тысячи добровольцев записывались в повстанческие отряды, хотя из-за нехватки оружия большинство из них не могли участвовать в сражениях. Возводились баррикады. Вывешивались национальные флаги. Жители столицы организовали уход за ранеными, службы порядка и противовоздушной обороны, питание и размещение повстанцев. Появились различные формы общественной самопомощи. Легально выходила польская пресса. Всюду преобладал высокий патриотический дух.

Восстание приняло двойственный характер. По замыслу его организаторов, оно должно было прежде всего стать политической демонстрацией, направленной против ПКНО и Красной Армии. Но оно превратилось в патриотический, национально-освободительный порыв, всеобщее выступление варшавян против гитлеровцев.

Такую оценку восстанию дало варшавское руководство ППР и АЛ, отрезанное в Варшаве от остальной страны и центрального руководства. Главный штаб АК не проинформировал ППР и АЛ о начале восстания, главным образом потому, что стремился заставить их врасплох и поставить перед свершившимся фактом. Вследствие этого варшавские отряды АЛ были разобщены. Часть солдат АЛ была отрезана от своего командования в различных районах, в частности на Праге, часть, в соответствии с планами штаба АЛ, была ранее направлена в партизанские отряды в разные концы страны.

Члены секретариата ЦК находились в районе освобожденного в конце июля Отвоцка, откуда направились в Люблин. Оставшихся в Варшаве членов дублирующего ЦК и Варшавского комитета ППР восстание застало в разных районах города. Они не располагали никакими средствами связи с ЦК ППР, который в первой декаде августа возобновил свою деятельность в освобожденном Люблине.

Уже 1 августа районное командование АЛ и РК ППР на Воле приняли самостоятельное решение о формировании отряда АЛ и участии его в боевых действиях повстанцев. Вечером того же дня этот отряд под командованием подпоручика Збигнева Пашковского («Стаха») по согласованию с командиром III округа АК майором Яном Тарновским («Валигурой») уже сражался на баррикадах на перекрестке улиц Млынарской и Вольской³⁰.

Также и в других районах солдаты-одиночки и организованные группы АЛ с первых минут восстания присоединялись к ближайшим отрядам АК, но, руководствуясь соображениями безопасности, не всегда объявляли о своей принадлежности к АЛ. Так поступили, например, два взвода АЛ из отряда «Храбрый II», взвод из батальона майора Милоша.

Принципиальное решение по вопросу отношения ППР и АЛ к восстанию принял советщение, которое состоялось 2 августа на Старом Мясте с участием Александра Ковальского, Хелены Козловской, Изольды Ковальской, Мариана Барылы и других членов ЦК и ВК ППР, а также Главного штаба АЛ. Было решено, что Армия Людова примет участие в борьбе, переведет свои отряды на легальное положение и подчинит их, с точки зрения тактического взаимодействия, местному командованию АК. Следует подчеркнуть, что решение было принято при полном понимании целей инициаторов восстания, политически направленных против ППР, ПКНО и Советского Союза. Но поскольку его военное острие было направлено против гитлеровцев и варшавяне поддержали восстание, ППР и АЛ, хотя и были застигнуты врасплох, присоединились к акции, направленной против оккупантов.

На советщении был утвержден текст обращения ППР к населению столицы, которое на следующий день было напечатано и распространено. В нем, в частности, говорилось, что «на улицах Варшавы сражаются все воины Польши, солдаты Армии Крайовой, Армии Людовой и Рабочей Милиции — отряды Рабочей партии польских социалистов (РППС) — бьется весь люд варшавский... Мы достойно встретим вступающую в нашу столицу Красную Армию как армию союзническую и дружественную, ту, которая вносит главный вклад в освобождение Польши от пятилетней кровавой неволи»³¹. Эту точку зрения пропагандировали печатные органы ППР и АЛ, легально издававшиеся в районах, охваченных восстанием.

Тексты обращения и других публикаций ППР и АЛ на первоначальном этапе восстания свидетельствуют, что и их авторы не

ориентировались в тогдашней ситуации на фронте, полагая, что освобождение Варшавы совсем близко. Как уже упоминалось, у них не было никакой связи с освобожденными районами Польши, а радиостанции, имевшиеся в распоряжении ЦК ППР и Главного штаба АЛ, остались в отрезанных после начала восстания пригородах. Тем не менее они правильно определили свое отношение к восстанию как всеобщему и народному.

Такую позицию разделяли и деятели связанной с КРН Рабочей партии польских социалистов (РППС), отряды которой сражались в составе Армии Людовой. Боевые же отряды ППС — левизы, то есть фракции РППС, связанной с Центральным Комитетом Людовым (ЦКЛ), сражались в основном в составе формирований Польской Армии Людовой (ПАЛ).

В приказах по АЛ и в ее печатных органах подчеркивалось, что решения варшавского руководства ППР и АЛ вытекали прежде всего из антифашистского характера Варшавского восстания, в котором не могли не участвовать воины АЛ. При этом подчеркивалось, что только командование АК, как инициатор восстания, несет полную ответственность за руководство им. Не скоординированные с АК действия АЛ могли быть расценены как направленные против повстанцев, а кроме того, могли бы облегчить главарям АК впоследствии переложить вину за неудачу восстания на АЛ.

Позицию Армии Людовой по вопросу о восстании определил ее орган «Армия Людова», выходивший три раза в неделю на Старом Мясте, а позднее — уже как ежедневное издание — в Средместье. «Армия Людова, ведущая с начала 1942 года напряженную и неустанную борьбу с оккупантами, — говорилось в газете, — с первого дня встала на баррикады. Несмотря на то, что восстание застигло ее врасплох и наша оценка момента и задач восстания принципиально иная, Армия Людова отделяет друг от друга две вещи — амбиции определенных групп и порыв, овладевший всем обществом. Варшавяне, взявшиеся за оружие, возводившие баррикады, имели одну цель — освободить столицу от кровавых убийц и собственными руками заложить основы независимости. С польским народом всегда как ведущая сила шла Армия Людова». «Для пользы дела решено в тактическом плане подчиниться командирам АК. Это не означает одобрения их форм борьбы и побочных политических целей, вынашиваемых теми или иными кругами», — писал орган варшавской организации ППР³².

Армия Людова в течение всего восстания сохраняла организационную и политическую самостоятельность, что позволило ей — под руководством ППР — оставаться истинным представителем интересов рабочего класса.

Критика в адрес инициаторов восстания со стороны ППР и АЛ имела серьезный и конструктивный характер, причем она не была направлена вообще против вооруженной борьбы. Отказываясь от какой бы то ни было ответственности за выбор сроков и методов подготовки восстания и руководства им, пресса ППР и АЛ при-

зывала к единству повстанческих сил, к сосредоточению внимания на борьбе с врагом, а выпады против ПКНО, СССР и Польской армии осуждала как попытки ослабления сил, борющихся с фашизмом³³.

Несмотря на проявления неприятия, даже ненависти со стороны отдельных группировок и лиц, с чем зачастую встречались включившиеся в борьбу отряды Армии Людовой или те, кто распространял издания ППР и АЛ, чувствовалось, что установки руководителей восстания предусматривают пока терпимое отношение к АЛ и ППР в Варшаве. Инструкция комендантам районов АК в Варшаве, полученная непосредственно перед началом боевых действий, по поводу отношений с ППР гласила, в частности: «1) Не входить в конфликты, лавировать, не провоцировать. 2) Если проявят в отношении нас агрессивность, ликвидировать»³⁴.

8 августа командующий восстанием полковник Хрусьцель направил командирам районов АК приказ, который означал существенное изменение позиции в отношении ППР и АЛ: «К отрядам ПАЛ и АЛ относиться доброжелательно, беря их под начало наших командиров»³⁵. По-видимому, это явилось отражением созревшей тогда в эмигрантском правительстве в Лондоне тактики на допуск ППР в будущее правительство как пятой коалиционной партии. Такую позицию занял также Миколайчик в ходе бесед в Москве в августе 1944 года. Тем не менее возможность «легализации» ППР и АЛ, а также выпуска польскими коммунистами своих изданий была — особенно в свете политики правительственных кругов с 1918 года — чем-то новым.

Однако главным, что обусловило такую позицию руководства восстания, был общий патриотический подъем варшавян. В такой атмосфере какие-либо враждебные действия в отношении «инакомыслящих», тем более показывающих стойкость и героизм на баррикадах, не нашли бы поддержки. Население и повстанцы сочли бы это провокацией, действиями на руку врагу. Немалую роль сыграло и ожидавшееся со дня на день — как предполагалось — вступление в столицу советских и польских войск.

Во время восстания, по имеющимся данным, не было случаев вооруженного насилия в отношении тех, кто придерживался левых убеждений, хотя в Варшаве, как и по всей стране, шла острая политическая борьба. На оккупированных немцами, да и на освобожденных территориях продолжался антикоммунистический террор, в Варшаве же, напротив, с первых дней восстания АЛ встретила позитивное к себе отношение большинства повстанцев из АК, а в ходе совместных боев, особенно на Воле и Старом Мясте, отношения бойцов АЛ и АК превращались в братство по оружию.

В некоторых отрядах АК появились тенденции к переходу в АЛ. Командование АЛ в принципе не очень охотно брало в свои ряды отряды АК, не желая обострять отношений с руководством АК, а тем более брать на себя ответственность за восстание, начатое им. Принимались только отдельные бойцы по их просьбам, с

учетом, главным образом, их политических симпатий и убеждений.

К росту своей численности АЛ не стремилась также потому, что ей остро не хватало оружия и боеприпасов, которые добывались исключительно у врага, а сброшенной англичанами с воздуха помощью распоряжалось командование АК.

В целом в боевых действиях приняло участие около 1800 солдат АЛ (кроме того, 600 в районе Праги), из них около 500 погибли или были ранены в боях³⁶. 26 августа большинство членов варшавского командования АЛ во главе с майором Болеславом Ковальским («Рышардом Пясецким») погибли на Старом Мясте в здании на улице Фрета, 16, в которое угодила авиабомба.

Важно заметить также, что в рядах варшавских повстанцев сражались и советские люди, главным образом бежавшие из германского плена или освобожденные повстанцами. Они находились в разных отрядах АК и АЛ. В 3-м батальоне АЛ под командованием капитана Немира Белинского сражалось более 10 советских офицеров и солдат под командованием лейтенанта Аркадия Матосяна, освобожденных повстанцами из тюрьмы на ул. Даниловичевской. Они особенно отличились в отражении танковой атаки на Замковой площади, а потом на Старом Мясте и Жолибоже, в частности, советский капитан «Танк» (настоящее имя его неизвестно). Большинство из них погибли в боях³⁶.

* * *

В первые дни боев повстанцы захватили и удерживали в своих руках обширную территорию в левобережной Варшаве, хотя районы, занятые АК, были отсечены друг от друга. Кроме центрального участка, включающего Волю, Средместье, Повисле и Старое Место, отдельно сражались повстанцы на Жолибоже, Мокотуве, Чернякуве и Сельцах. Восстание на Праге, поднятое малыми силами, в течение трех дней было подавлено; беспрепятственный подход к берегу Вислы повстанцы имели только в Чернякуве: все мосты остались в руках немцев.

Варшавяне оказывали сражавшимся массовую поддержку. В отрядах господствовал высокий боевой дух, готовность жертвовать собой, презрение к смерти. По выражению «Монтера», все это придавало восстанию «характер великой революции»³⁷. В освобожденных кварталах города разворачивался административный аппарат Делегатуры эмигрантского правительства. Функционировали также общественные учреждения. Выходили из подполья партии, появлялась пресса разной политической ориентации.

Вместе с тем и в этих районах в руках немцев оставалось свыше ста различных объектов. Повстанческие отряды пытались штурмовать некоторые из них, неся большие потери. От атак на большинство объектов пришлось отказаться из-за полного отсутствия тяжелого вооружения и прежде всего боеприпасов. По тем же при-

чинам невозможно было вести наступательные действия, борьба велась лишь за удержание уже захваченных объектов и территорий. Командование АК и его аппарат пропаганды старались убедить всех, что отступление немцев перед приближавшейся Красной Армией — вопрос нескольких дней, если не часов. Впрочем, на основании разведанных АК с конца июля, а позднее из сообщений радио можно было в целом сориентироваться относительно истинной обстановки на фронте, однако нежелательную правду как бы не замечали.

По существу, восстание началось не в полосе между фронтами, как предполагалось, а в тылу усиленной к концу июля немецкой группировки, которой удалось добиться успеха на фронте, отразив удар выдвинувшегося вперед советского танкового клина с тяжелыми для него потерями. Когда наступил час “W”, окруженный 3-й гвардейский танковый корпус находился в очень сложном положении.

Он с боями отошел в юго-восточном направлении. К концу сражения в корпусе осталось только 59 из почти 250 танков³⁸.

Численность входившей в 3-й танковый корпус 51-й танковой бригады, окруженной под Воломином, уменьшилась с 700 до 300 человек, погиб и ее командир. Не хватало боеприпасов и продуктов питания. Много танков, сняв с них вооружение, экипажи взорвали или утопили в болотах. Прорваться из окружения помогло польское население³⁹.

Военно-политическое руководство Варшавского восстания получало донесения из зоны танковых боев с большим опозданием, часто они не доходили вообще. Главный штаб АК заблаговременно не побеспокоился о радиосвязи, а связные, хотя и проявляли чудеса храбрости и находчивости, оказались не в состоянии ее заменить.

Радиостанция командующего АК в здании фабрики Камлера в первый же день восстания оказалась неисправной, кто-то где-то забыл ее запчасти. Связь с Лондоном восстановили только к следующему дню. Генерал Коморовский о складывающейся обстановке мог узнавать, только наблюдая с крыши фабрики, а также прислушиваясь к отголоскам битвы за Вислой.

Но даже и это давало определенную ориентацию. Председатель Рады Едности Народовой Казимеж Пужак в своих воспоминаниях воспроизвел содержание беседы с генералами Коморовским и Пелчиньским, а также с эмиссаром правительства Янковским, которая состоялась в помещении фабрики Камлера 1 августа в 15.00, за два часа до начала восстания. «Что означает эта страшная, продолжающаяся с ночи тишина на линии фронта и в воздухе — уж не срыв ли советского наступления?» — вопрошал Пужак. Генерал Пелчиньский озабоченно ответил: «Согласен, это очень странно и необъяснимо»⁴⁰. Впоследствии Пужак голословно обвинял советское командование в преднамеренной приостановке наступления в связи с началом восстания в Варшаве.

Первые же донесения в Лондон, составленные 1 августа вечером, были переданы только на следующий день после полудня. Командующий АК и представитель правительства в Варшаве уведомили премьера и главнокомандующего о начале восстания. Командующий АК, кроме того, обратился к коменданту базы снабжения в Бриндизи полковнику Доротыч-Малевицу («Ханче») с просьбой о срочном сбросе противотанкового оружия и боеприпасов на специально обозначенные площадки в Варшаве.

Поражает содержание третьей радиogramмы Коморовского и Янковского премьеру Миколайчику и генералу Соснковскому: «В связи с началом боев за овладение Варшавой просим организовать советскую помощь в виде немедленного удара извне»⁴¹. Инициаторы восстания, как видно, полагали, что польские власти в Лондоне, которые не имели официальных отношений с СССР и не считали нужным согласовать с ним вопросы восстания, могут немедленно добиться помощи и изменений на фронте (что требует масштабных передвижений огромных масс людей, оружия и снаряжения), внеся коррективы в неделиami подготавливаемые сложным военным механизмом планы фронтовых операций, которые не всегда удаются, как это было под Варшавой.

«В то время, когда вырабатывалось решение о восстании, когда рассчитывали, что оно будет длиться очень недолго, никто из штабистов не думал об обращении за помощью к русским. Только под впечатлением первого неудавшегося штурма и перед лицом огромных трудностей ... начали, сначала осторожно, а затем все настойчивей и чаще, обращаться к мысли, что помощь русских извне не только необходима, но и является последней соломинкой спасения», — писал эмигрантский историк⁴².

В очередной радиogramме в Лондон и Бриндизи генерал Коморовский сообщал о «катастрофическом отсутствии боеприпасов» и противотанкового оружия. С этим требованием он неоднократно обращался совместно с Янковским и Пужаком⁴³. Первоначальный оптимизм, когда 3 августа командующий АК информировал Лондон о том, что «сопротивление (противника) почти сломлено», уступил место сомнениям. Уже на следующий день Коморовский сообщал, что «характер борьбы за Варшаву меняется ввиду того, что кончаются боеприпасы». Следствием этого явился приказ об ограничении до минимума наступательных действий⁴⁴. В последующих радиogramмах сообщалось, что «противник частично перехватывает инициативу». «Затяжной характер борьбы и отсутствие всякой помощи извне ведут к тому, что ситуация становится все тяжелей... Город остается разделенным на разрозненные очаги борьбы»⁴⁵.

В сущности, оперативная инициатива уже через несколько дней перешла в руки немцев, которые при помощи стянутых отовсюду сил полиции, СС, армии, в том числе танков, артиллерии и авиации, зверски расправлялись с восставшей Варшавой.

- ¹ Dziennik działań niemieckiej 9 armii. Op. cit., s. 82
- ² О факте проведения этого совещания эмигрантские издания умалчивают; см.: Kirchmayer J. WPH, 1968, N 3, s. 378.
- ³ Borkiewicz A; Op. cit., s. 32; Ciechanowski J. M. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 286-293.
- ⁴ Ciechanowski J. M. Op. cit., s. 132.
- ⁵ Tenże. Pierwsza relacja gen. Bora-Komorowskiego o AK i powstaniu warszawskim. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1979, z. 49, s. 51-53.
- ⁶ Tenże. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 264, 265, 287, 311; Romiszewski E. Wyясnienia dotyczące gen. Okulickiego. Zeszyty Historyczne, Paryż, 1980, z. 51, s. 234.
- ⁷ Nowak J. Op. cit., s. 382-383.
- ⁸ Sobczak K. Kilkauwag o zamierzeniach dowództwa radzieckiego w rejonie Warszawy w lecie 1944 r. — Najnowsze Dzieje Polski, 1967, t. II, s. 84-90; tenże Wyzwolenie Warszawy, Warszawa, 1970, s. 31-32; Sztemiенko S. Op. cit., s. 46-47.
- ⁹ Wołoszyn W. Na warszawskim kierunku operacyjnym. Warszawa, 1964, s. 62-65.
- ¹⁰ Krannhals H. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt a.M., 1962, S. 82-83. По докладу армейской группы «Центр» от 31.VII.1944 г. — 0 час. 30 мин.
- ¹¹ Wołoszyn W. Op. cit., s. 60-73; Sztemiенko S. Op. cit., s. 54-59; Rokossovski K. Zonierski obowiązek. Warszawa, 1976, s. 328-382. Sawicki T. Niemieckie wojska lądowe na froncie wschódnim. Warszawa, 1979, s. 300-306, 347; Dziennik działań niemieckiej 9 armii. Op. cit., s. 80-83; Swęcicki Z. Bitwa pancerna na podpolach Warszawy. Powstanie warszawskie, sesja N 40 Rocznics, Warszawa, 1987, s. 206-218.
- ¹² Ciechanowski J. M. Powstanie Warszawskie. Op. cit., s. 284.
- ¹³ Dziśnnik działań niemieckiej 9 armii. Op. cit., s. 23.
- ¹⁴ Chruściel A. Op. cit., s. 6; Borkiewicz A. Op. cit., s. 23; Ciechanowski J. M. Op. cit., s. 154-155; Sobczak K. Wyzwolenie Warszawy. Op. cit., s. 24-33; Przygoński A. Udział PPR i AL... Op. cit., s. 181-184.
- ¹⁵ Biuletyn Informacyjny. N 33, 31.VII.1944.
- ¹⁶ Archiwum Akt Nowych, protokoły PKWN, k. 61. Выступление Б. Берута на заседании ПКНО 9.VIII.1944 г.
- ¹⁷ Kirchmayer J. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 166; Skarżyński A. Op. cit., s. 335-355, s. 397-405; Krannhals H. Op. cit., s. 117-128, указывает, что в Варшаве 1.VIII.1944 численность немецких войск достигала 13 тыс. чел.
- ¹⁸ Dziennik działań niemieckiej 9 armii. Op. cit., s. 78-88; Krannhals H. Op. cit., s. 102-107.
- ¹⁹ Chruściel A. Op. cit., s. 7.
- ²⁰ Pobóg-Malinowski W. Op. cit., s. 667.
- ²¹ Meldunek z 2.VIII.1944. — Najnowsze Dzieje Polski, 1959, t. III, s. 100.
- ²² Krannhals H. Op. cit., s. 353.
- ²³ Borkiewicz A. Op. cit., s. 88-89; Krannhals H. Op. cit., s. 109-114.
- ²⁴ Przygoński A. Op. cit., t. I, s. 338.
- ²⁵ Krannhals H. Op. cit., s. 108, 121.
- ²⁶ Chruściel A. Op. cit., s. 9, 15; Kirchmayer J. Meldunki sytuacyjne "Montera". — Najnowsze Dzieje Polski, 1959, t. III, s. 100, 101, 107; CA KS, t. 203/VII-5, i. 9, meldunek de szefa VIP z 3.VIII.1944. Krannhals H. Op. cit., s. 108, утверждает, что мосты в то время находились в германских руках.
- ²⁷ Bartelski L. Powstanie warszawskie. Warszawa, 1967, s. 52.
- ²⁸ Przygoński A. Z problematyki powstania warszawskiego. Warszawa, 1964, s. 87-88, 107-110.
- ²⁹ Skarżyński A. Op. cit., s. 397 i nast.
- ³⁰ Przygoński A. Z problematyki..., s. 80 i nast.
- ³¹ CA KC, t. 190/I-I, k. 86.
- ³² Armia Ludowa, N 16. 17.VIII.1944; Głos Warszawy, N 169, 31.VIII.1944.
- ³³ Armia Ludowa, N 19 i 23 z 21 i 25.VIII.1944; Głos Warszawy, N 158, 15.VIII.1944.
- ³⁴ Przygoński A. Udział PPR i AL... Op. cit., s. 85-86.
- ³⁵ CA KC, t. 203/I-13, k. 101.
- ³⁶ Przygoński A. Udział PPR i AL... Op. cit., s. 77.
- ^{36a} Ibidem, s. 43; Borkiewicz A. Op. cit., s. 527.

- ³⁷ Meldunki sytuacyjne "Montera"... Op. cit., s. 100-107.
- ³⁸ Wołoszyn W. Op. cit., s. 72.
- ³⁹ Truszyn N. Na przedpolach Warszawy. — Żołnierz Wolności, 1981, N 216.
- ⁴⁰ Pużak K. Wspomnienia 1939-1945. — Zeszyty Historyczne. Paryż, 1977, z. s. 85.
- ⁴¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 31-33.
- ⁴² Pobóg-Malinowski W. Op. cit., s. 692.
- ⁴³ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 34, 46, 50, 53, 54, 63, 71 i nast.
- ⁴⁴ Ibid., s. 50, 54.
- ⁴⁵ Ibid., s. 63-71.

Глава 6. Действительность и пропагандистские махинации

Для успеха восстания недостаточно было массового героизма повстанцев и многих жителей столицы.

Уже через несколько дней Варшава оказалась в смертельной опасности. Узнав о восстании, Гитлер принял решение не просто о его подавлении, но вообще об уничтожении города и его населения. Гиммлер оценил весть о восстании как «благословение», дающее ему удобный предлог для «ликвидации польской столицы»¹. 2 августа соответствующий приказ получили генерал-лейтенант Рейнер Стахель, комендант Варшавы, и бригаден-фюрер СС Отто Гейбл, командующий СС и полицией. Началась массовая резня гражданского населения — мужчин, женщин и детей, оказавшихся на территориях, занятых немцами. Уже в начале восстания были истреблены все узники застенка гестапо на улице Шуха вместе с сотнями окрестных жителей и всеми заключенными тюрьмы на Мокотуве.

Немыслимую жестокость проявляли гитлеровцы, а особенно сводный полицейский полк из Познани под командованием шефа СС и полиции округа Варты группенфюрера СС Гейнца Рейнефарта, полк под командованием обер-фюрера СС Оскара Дирлевангера, состоявший из уголовников, а также бригада СС «РОНА» под командованием бригаденфюрера СС Бронислава Каминьского, состоявшая из предателей, до этого служивших в гитлеровской полиции в Белоруссии в известных своими зверствами карательных отрядах. Они залили кровью Охоту, а особенно Волю, где в первые дни августа жертвами Рейнефарта стали 50—60 тыс. безоружных жителей; только за один день 5 августа они уничтожили 15 тыс. человек. Методично разрушались и сжигались жилые дома и памятники культуры².

В этих чудовищных преступлениях наряду с немцами принимали участие разного рода формирования коллаборационистов. Население обычно, но неверно называло их «украинцы» и «калмыки». В действительности это был сброд предателей разных национальностей. Как утверждает видный историк, связанный в то время с Западным бюро Делегатуры эмигрантского правительства, гитле-

ровцы, действуя таким методом, хотели «убить двух зайцев»: снять с немцев часть вины за массовое истребление людей, а также возбудить ненависть поляков против СССР. «Следует вместе с тем подчеркнуть, что варшавяне с самого начала понимали все эти низкие и коварные намерения», — отмечал профессор Зыгмунт Войцеховский³. Расправы гитлеровцев над варшавянами приносили обратный эффект, укрепляя решимость к борьбе сотен тысяч жителей, оказавшихся перед угрозой безусловного истребления. Несмотря на это, польская сторона обращалась со взятыми в плен немецкими солдатами и гражданскими немцами гуманно. Их помещали в лагерях военнопленных, кормили, а раненых лечили. Самосуды сурово пресекались. Но гестаповцев, жандармов и эсэсовцев рассматривали как военных преступников и, как правило, карали смертью. Таких случаев, впрочем, было немного.

* * *

После прибытия в Варшаву сил, направленных Гиммлером для подавления восстания, 1 августа 13 тысячам повстанцев противостояло уже около 22 тысяч вооруженных до зубов гитлеровцев⁴. Их командующим был назначен начальник карательных частей обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах, который в течение нескольких лет руководил антипартизанскими акциями в Белоруссии, на Украине, в Югославии, в других странах. Официально фон дем Бах подчинялся командующему 9-й армией, фактически же получал приказы непосредственно от Гиммлера, который после заговора 20 июля 1944 года являлся не только рейхсфюрером СС и верховным начальником немецкой полиции, но также командующим тыловыми войсками. План ликвидации восстания предусматривал использовать бомбардировочную авиацию, артиллерию, стянутое в Варшаву тяжелое оружие, в частности ракетные установки, тяжелые минометы, огнеметы, а также танки и даже бронепоезда, чтобы вытеснить повстанцев из отдельных кварталов и районов, расчленив их, а затем ликвидировать изолированные очаги сопротивления. Немцы до 11 августа захватили Волю и Охоту, брали штурмом Старое Място, где повстанцы сражались за каждый дом, за каждую пядь руин и смогли в экстремальных условиях все же продержаться до конца августа. Положение населения стало катастрофическим. Блокированные в окруженных районах, измотанные бомбардировками, лишенные воды и продовольствия, люди не знали покоя. Настроение их было гнетущим.

Первые симптомы кризиса появились также в главном штабе АК. Серьезную тревогу вызывало прекращение канонады на востоке. Главный штаб АК на фабрике Камлера 4 августа рассматривал возможность его передислокации под охраной разведывательно-диверсионных отрядов из Варшавы в Кампиносскую пушу. «Бур» дал на это согласие, и началась подготовка. Подполковник Ян Магуркевич («Радослав») предлагал, чтобы подчиненные ему отряды

Кедыва нанесли совместно с отрядами АК из Кампиносской пуши удар по штабу 9-й армии в Скерневицах, руководившему операциями под Варшавой. В связи с возражениями генерала Пелчиньского, который считал, что уход из столицы выглядел бы бегством, генерал Коморовский отменил приказ⁵. В конечном итоге 6 августа главный штаб АК покинул Волю и передислоцировался на Старое Место.

Прикрывавшие его отряды Кедыва, прежде всего батальоны «Парасоль», «Зоська», «Чата», и «Пенщ», несли в боях на Воле огромные потери. Их командир «Радослав» так определял ситуацию: «Положение считаю отчаянным... Имею на этом участке тысячи беженцев с Воли, которые своим угнетенным состоянием деморализуют солдат. Отсутствие сбросов и боеприпасов вызывает большое недовольство, как это объяснить людям? Надвигается огромная трагедия, подобная резне на Праге. Делаю, что могу, лишь бы уменьшить размеры трагедии, протаскиваю людей через Повонзки — может быть, некоторых удастся привести на Старое Место, но что делать с такой массой безоружной молодежи? Если можете помочь сегодня, то поскорей — времени осталось немного. Палкой я никого защитить не смогу»⁶.

Героически сражавшиеся повстанцы требовали снабдить их оружием, особенно противотанковым, боеприпасами, другими боевыми средствами. Чтобы как-то разрядить обстановку, было выпущено обращение командующего АК к бойцам восстания, призывавшее к выдержке. «С 8 августа возобновлены сбросы боеприпасов нашими летчиками. Имеется надежда, что нехватка оружия будет восполнена. Верю, что настоящий критический момент мы сумеем, как это в традициях польского солдата, преодолеть», — говорилось в обращении⁷.

Подобные же формулировки содержало и обращение Рады Едности Народовой от 15 августа: «Мы уже не одиноки. Обещанная помощь подходит в виде сбросов из Лондона. В годовщину «чуда над Вислой» солнце наконец выглянуло из-за туч и дыма»⁸.

Действительность же выглядела далеко не так оптимистически, как в обращении командующего АК и в выступлении по радио из Лондона вице-преьера Квапиньского, который заверял соотечественников: «Есть основания утверждать, что помощь сражающейся Варшаве близка, я располагаю сведениями, что она будет достаточна, чтобы быть эффективной»⁹.

По настоянию польского правительства в Лондоне Черчилль 3 августа согласился осуществить сбросы оружия для повстанцев. Маршал авиации Дж. Слессор возражал против этого решения, заявив, что такая акция даст минимальные результаты, но будет оплачена тяжелыми потерями. В конечном итоге он согласился только на полеты польских экипажей, и они начались в ночь с 4 на 5 августа.

7 августа этот вопрос обсуждали британские начальники штабов. Начальник штаба авиации маршал Ч. Портал заявил, что по-

ляки «пытаются переложить ответственность за все неудачи Армии Крайовой, которые происходят по причине преждевременно начатой борьбы, на нас». Несмотря на это Портал согласился временно продолжать полеты¹⁰. Как бы то ни было, до 14 августа было сброшено оружие приблизительно для тысячи солдат. Затем наступил длительный перерыв. Британское командование авиацией объясняло перерыв несоразмерным риском и потерями. Как докладывал Слессор, едва половина сбросов попала в руки поляков. После 15 августа «Варшава не получила ни одного контейнера, а потери составили 14 самолетов и 13 экипажей»¹¹.

Запросы эмигрантского правительства в Вашингтоне не дали никаких результатов. Американский генеральный штаб 9 августа ответил, что помощь Варшаве могут оказать только англичане и, кроме того, Варшава находится в зоне операций советских войск. Американцы обещали обратиться по этому вопросу к Советскому правительству¹².

В этой ситуации упреки в адрес эмигрантского правительства и союзников нарастали. Восставшие требовали реальной помощи. «Все чаще раздаются обвинения в адрес правительства, что оно ничего не смогло получить от союзников. Слышны обвинения и в адрес Англии, что она изворачивается, а то и просто предает Польшу», — радировали в Лондон Янковский и Пужак. Командующий АК прямо обвинял Англию и Соединенные Штаты в том, что они не выполняют союзнических обязательств, отказывая в помощи Польше, точно так же, как Англия и Франция в 1939 году¹³.

Из Лондона в Варшаву текли заверения, что эмигрантские власти предпринимают все, что в их силах, для помощи Варшаве. Вместе с тем правительство понимало свои ограниченные возможности. «Мы использовали здесь все методы давления, — сообщалось 12 августа, — за исключением тех, которые могли бы привести к открытому разрыву с союзниками. Мы не будем прекращать усилий, чтобы получить для вас помощь. Ситуация такова, что хотя нам и дали множество устных и письменных заверений, прежде всего по поводу сбросов, тем не менее не можем ручаться, что они материализуются в ближайшие дни...» Вышеупомянутая радиограмма, подписанная генералом Соснковским и вице-премьером Квапиньским, заканчивается так: «Заявляем, что любое ваше решение будет с глубочайшим уважением принято и признано нами»¹⁴. Это был недвусмысленный намек о согласии на возможную капитуляцию. Но открыто пока об этом не говорилось.

В официальном ответе «Форин оффис» от 14 августа 1944 года на неоднократные настояния польской стороны о помощи восстанию говорилось, что решение о начале восстания в Варшаве «было принято без предварительных консультаций с правительством Ее Королевского Величества, которое по этой причине оказалось не в состоянии подготовить заблаговременно планы сотрудничества», и «без согласования с Советским правительством»¹⁵.

В свою очередь посол Эдвард Рачиньский 16 августа напомнил

правительству Великобритании о ноте, информировавшей их о планируемом восстании, врученной 27 июля лично министру Антони Идену. А в качестве аргумента, что Советское правительство якобы заранее знало о начале восстания, эмигрантское правительство приводило... содержание радиопередачи Союза польских патриотов 29 июля из Москвы, в которой, как обычно, звучал призыв к борьбе с фашистами, и даже ссылались на беседу в Москве 3 августа, где Миколайчик проинформировал Сталина, что в Варшаве уже два дня идет восстание¹⁶.

Британские союзники, конечно зная о намерении поляков поднять восстание, не одобряли этот шаг как «не согласованный с советским командованием» и после его начала оказали ему скорее всего лишь символическую помощь. Одновременно они надеялись получить свою выгоду в такой игре — совместно с американским правительством, — заявляя, что не в состоянии уделить большей помощи Варшаве, если им не будет предоставлена возможность использовать авиабазы в Советском Союзе.

Тон посланий из Польши становился все более драматическим. Он передавал атмосферу повстанческой Варшавы. «Под влиянием коммунистической пропаганды, распространяемой все шире, здесь задают вопрос, кто ответствен за преждевременно поднятое восстание без предварительных гарантий помощи союзников и России, — сообщал 21 августа 1944 года в Лондон заместитель представителя эмигрантского правительства Адам Бень. — После трех недель боев ситуация в Варшаве вследствие отсутствия достаточной помощи восставшим приобретает черты политического скандала. Общественное мнение обвиняет правительство в том, что оно не имеет никакого веса на международной арене. Растет недовольство союзниками, граничащее с враждой... Требуем немедленной эффективной помощи, требуем объяснений за трехнедельную проволочку, которая привела к тому, что вместо победы мы имеем руины и тысячи жертв»¹⁷.

Полемика носила, однако, конфиденциальный характер и не попадала на страницы проправительственной варшавской прессы, которая старалась поддержать в обществе уверенность, что помощь с Запада вот-вот придет, а перспективы восстания благоприятны.

В то же время действия Красной Армии в районе Варшавы освещались лживо, с большим пропагандистским шумом, дабы придать этой проблеме международный характер.

Делом Красной Армии в соответствии с планами вожakov эмиграции было изгнать немцев из Варшавы. Затем она либо передаст власть в столице в руки вышедших из подполья представителей эмигрантского правительства, либо окажется перед лицом международного конфликта. После начала восстания от нее, в сущности, ожидали того же; упомянутая депеша Коморовского и Янковского в Лондон требовала «вызвать советскую помощь в виде немедленного удара извне»¹⁸.

Подобной позиции, хотя и в более деликатной форме, придержи-

живался прибывший в Москву 30 июля Миколайчик. В разговоре с Молотовым на следующий день он дал понять, что хочет обсудить со Сталиным возможности «совместной борьбы против Германии и более тесного сотрудничества между советской армией и АК». Молотов проинформировал его, что советские войска находятся в 10 километрах от Варшавы и скоро возьмут город. Миколайчик ничего не сказал тогда о скором восстании в Варшаве и просил лишь о бомбардировке аэродромов близ Варшавы¹⁹. Он не приступал к дальнейшим переговорам с советскими руководителями якобы по причине «катара», ожидая известий из Варшавы. Получив их 2 августа от английского посла, он встретился на следующий день со Сталиным и сообщил, что «с 1 августа идет сражение нашей подпольной армии с немцами. Армия эта добилась уже значительных успехов, хотя помощь извне крайне необходима». Затем он попросил помочь ему выехать в Варшаву. На замечание Сталина, что там еще немцы, Миколайчик возразил: «Варшава будет свободна со дня на день».

По существу, это была информация о свершившемся, а не просьба о помощи. Только 6 и 7 августа в беседах с делегацией КНР и ПКНО во главе с Болеславом Берутом после резкого выступления генерала Жимерского, который обвинил эмигрантское правительство в том, что оно подвергает столицу угрозе уничтожения, обрекая население на кровавую расправу, а восстание на поражение по причине несогласованности действий с советским и польским командованием, Миколайчик попросил делегацию из Люблина обратиться к Сталину за помощью для повстанцев в виде сбросов оружия и авиационного прикрытия²⁰. Представители ПКНО подтвердили тогда, что уже обратились к Советскому правительству за помощью оружием и боеприпасами для Варшавы и получили обещание доставить ее в пункт, расположенный в 30 километрах от центра города. Генерал Жимерский проинформировал Миколайчика, что предпринимаются новые усилия для окружения Варшавы широким охватом с севера и с юга. В связи с этим польские дивизии направляются на участок фронта под Варшаву²¹.

В соответствии с обещанием Сталин поручил маршалу Рокоссовскому отнестись к доставке оружия для повстанцев как к очень срочному делу, а для установления связи с командованием восстания сбросить парашютиста с радиостанцией. Однако парашютист, не знавший точной дислокации повстанцев, погиб²².

Во время прощального визита 9 августа Миколайчик обратился к Сталину с просьбой о сбросе оружия для повстанцев и авиационного прикрытия. Он получил положительный ответ с условием, что будут установлены соответствующие контакты. Содержание ответа он передал через Лондон представителю правительства в Варшаве²³. Во время визита Миколайчик вручил Сталину радиограмму, переданную радиостанцией АК 7 августа в Лондон, а оттуда по британскому каналу связи в Москву. Это была просьба помочь варшавским повстанцам, высланная капитаном Константином Калу-

гиним, о котором речь пойдет в следующей главе книги. Также через Лондон командующий восстанием полковник Хрусьцель («Монтер») направил 8 августа маршалу Рокоссовскому просьбу о сбросе боеприпасов и тяжелого вооружения²⁴. Это были первые такого рода просьбы из Варшавы; следует при этом заметить, что капитан Калугин как посредник не мог вызывать доверия советского руководства.

В беседе с Миколайчиком 9 августа Сталин напомнил, что советское командование надеялось с ходу войти в Варшаву ориентировочно 6 августа. Именно этот срок занятия предместья Варшавы Праги устанавливала командующему 1-м Белорусским фронтом директива Ставки от 28 июля. Но срок оказался, как известно, невыполнимым ввиду яростного контрудара немецких танковых дивизий, стянутых с других фронтов.

Несмотря на поражение, понесенное на подступах к Праге, войска 1-го Белорусского фронта готовились к дальнейшим наступательным действиям за освобождение Варшавы. В соответствии с новым оперативным планом, разработанным к 8 августа под руководством Константина Рокоссовского и генерала армии Георгия Захарова, командующих 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, при участии маршала Г. К. Жукова как представителя Ставки, новая операция должна была начаться 25 августа после выхода правого крыла 1-го Белорусского фронта на нижний Нарев. Результатом этих действий должно было стать форсирование Вислы к западу от Модлина и удар с двух плацдармов для окружения и взятия Варшавы. Важная роль в этой операции отводилась 1-й Польской армии, переброшенной на Мангушевский плацдарм, откуда она должна была наступать вдоль шоссе параллельно западному берегу Вислы. Как писал генерал Штеменко, именно ей предназначалась честь овладения Варшавой²⁵.

Но и этот план не представилось возможным реализовать, так как немецкая оборона на подступах к нижнему Нареву оказалась неожиданно сильной: немецкое командование поняло, что плацдармы на Нареве для Красной Армии — важный этап в освобождении Варшавы маневром окружения, равно как и удержание ею Мангушевского плацдарма. Фронтальное же наступление на Варшаву «не соответствовало предыдущим действиям советских войск» — утверждалось в оценке оперативной обстановки на германском Восточном фронте, данной 15 августа отделом разведки «Иностранные армии “Восток”», возглавлявшимся полковником Рейнхардом Геленом²⁶.

Судьба варшавской операции решалась не только на подступах к Праге и Нареву, но и на Варецко-Магнушевском плацдарме. Немецкое командование, поняв это, после сражения за Радзимин и Воломин бросило часть своих сил, включая дивизию «Герман Геринг» и 19-ю танковую дивизию, на 8-ю гвардейскую армию генерал-полковника Василия Чуйкова, усиленную на севере с 9 августа 2-й и 3-й дивизиями и танковой бригадой им. героев Вестерплатте

1-й армии Войска Польского, которые 9—16 августа 1944 года провели свою великую битву под Студзянками. Атаки немцев с целью ликвидировать плацдарм не удалась, но советские и польские части оказались заблокированными и их планируемый удар в направлении Варшавы и Радома пришлось пока отложить²⁷.

* * *

Что было известно о восстании в Варшаве по советскую сторону фронта? Из содержания первой беседы Миколайчика со Сталиным 3 августа 1944 года вытекает, что последний еще не был тогда информирован о начале восстания и его ходе. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский 2 августа получил от своих разведчиков информацию, что в Варшаве, по всей видимости, началось восстание. Позднее он вспоминал: «Это известие сильно нас встревожило... Ведь откровенно говоря, восстание вспыхнуло в наиболее неблагоприятный для этого момент. Требовалось время на пополнение и соответствующую перегруппировку войск, на подтягивание тылов»²⁸. Рокоссовский поручил разведорганам проверить сведения о восстании. Вскоре их подтвердили беженцы из Варшавы²⁹.

Подобные сообщения поступили также в ПКНО и Главное командование Войска Польского. В день выезда делегации ПКНО в Москву, 5 августа, в единственной тогда люблинской газете «Жечпосполита» появилась статья «Героическая Варшава», в которой выражалась солидарность со сражающимися в столице соотечественниками. Газета, однако, не имела точных данных о характере и ходе боев. Автор статьи писал: «Противоречивые, непроверенные вести приходят из нашей столицы. Мы временно воздерживаемся сообщать их. Несомненно одно: сердце страны — наша Варшава обливается кровью. Варшавяне взяли за оружие и нанесли врагу чувствительные удары. С болью в сердце ждем мы дальнейших известий»³⁰.

Поступавшие в Люблин сведения были весьма тревожны. «Жечпосполита» сообщала в последующие дни о массовых убийствах жителей и сожжении города гитлеровцами, о введении в боевые действия все новых танковых сил и авиации. О настроениях поляков, сражавшихся тогда на фронте по линии Вислы и сознававших, что они несут свободу Варшаве, военные корреспонденты писали: «Воины торопятся. Каждый старается выполнить главную задачу, задачу Армии: броском достичь города и взять его штурмом. Этот город — Варшава. Каждая минута опоздания — это десятки человеческих жизней... это еще несколько взорванных зданий... десятки пожаров. Один думает о рабочих домах на Воле, другой о рушащемся Национальном музее, третий о горящих липах в древнем парке Лазенки. Все думают об одном — о Варшаве»³¹.

Задачу освобождения Варшавы однозначно отразил Приказ

№ 6 Главного командования Войска Польского от 13 августа 1944 года: «Наступил момент освобождения нашей столицы. На вас смотрит Варшава, символ пятилетней несгибаемой борьбы польского народа и его страданий... Нам выпала огромная честь — принять участие в боях за освобождение Варшавы, за сокращение мук истребляемых соотечественников»³².

Народная власть, установленная в Люблине, так же как и руководство ППР и АЛ в Варшаве, понимала разницу между политическими устремлениями вожаков сторонников польского эмигрантского правительства в Лондоне, для которых восстание должно было стать средством достижения власти в столице, и патриотическими устремлениями простых варшавян и рядовых бойцов восстания. В Люблине понимали, что единственным шансом предотвратить грозящую столице катастрофу может быть только ее освобождение Красной Армией. Они понимали, что ускорить это освобождение могут оперативные действия 1-й Польской армии на ключевых участках фронта, а также увеличение численности Войска Польского, чтобы оно могло принять как можно более весомое участие в освободительных операциях.

Главное командование Войска Польского стремилось сформировать Польский фронт из 3 армий, 15 дивизий, 3 танковых корпусов, авиационного корпуса и вспомогательных формирований. Это зависело от результатов мобилизации, а особенно укомплектования частей старшими и младшими офицерскими кадрами. Этим целям служил Декрет ПКНО от 15 августа 1944 года о мобилизации. Командование Красной Армии согласилось предоставить необходимое вооружение и снаряжение.

Противодействие усилению Войска Польского было оказано с неожиданной стороны — из ждавшей освобождения Варшавы. Именно оттуда шли по радио всем комендантам округов АК приказы генерала Коморовского «... противодействовать мобилизации по меньшей мере путем уклонения от нее. Те, которых поведут силой, должны протестовать; давать согласие на зачисление в ряды только уступая насилию»³³. И на этот раз делались попытки свергнуть солдат АК в конфликтные ситуации, чреватые трагическими последствиями. Ибо, подчиняясь приказам командования АК, они нарушали законы военного времени, квалифицировавшие отказ как дезертирство, т. е. преступление, жестоко караемое. Избежавшим этой участи приходилось скрываться, некоторые попадали в отряды вооруженного подполья, вступая при этом в еще более острый конфликт с народной властью.

Таким образом, командование АК делало все, чтобы ослабить ряды войск, шедших на помощь Варшаве. О приказе саботировать мобилизацию в Войско Польское командующий АК уведомил Лондон 22 августа, сообщая, что сделал это по согласованию с представителем правительства в стране. Миколайчик позднее радировал своему эмиссару, что эта депеша опубликована в «санационном издании в Лондоне»³⁴. Нетрудно догадаться,

что приказ не мог не повлечь обострения обстановки на освобожденных польских землях. Однако, бесспорно, вопреки ему подавляющее большинство членов АК вступало в ряды народного Войска Польского.

* * *

Тем временем положение столицы быстро ухудшалось, а с ним и настроение осажденных. По мере того, как выявлялось, что восстание не подготовлено соответствующим образом, не скоординировано с союзниками, росло возмущение варшавян действиями сторонников эмигрантского правительства. Об этом говорили донесения служб разведки и пропаганды АК. Вот некоторые из них: *8 августа* — «Снова нарастает недовольство союзниками и польским правительством в Лондоне из-за отсутствия помощи»; *10 августа* — «Усталость так велика, что, несмотря ни на что, имеется опасность радостной встречи советских войск»; *12 августа* — «В настоящее время большинство мечтает о временном соглашении с Советами»; *12 августа* — «Круги, отнюдь не левые, с горечью сетуют на Миколайчика, что он не пошел на соглашение с Хелмским комитетом», т. е. ПКНО³⁵.

А вот более развернутая оценка: «Общественное мнение явно обеспокоено затяжкой восстания и отсутствием планов выхода из создавшегося положения. Вслух произносятся обвинения, что восстание — непродуманная акция, плохо организованная, особенно в плане получения помощи из Лондона. Отсутствие сбросов оружия или хотя бы продовольствия и абсолютная пассивность союзников для общества непостижимы. Некоторые заходят так далеко, что допускают мысль, будто союзники не оказывают нам помощи, не желая восстанавливать против себя Россию, ибо вооруженные поляки могли бы начать борьбу с Советами и т. п. На этом фоне возникают прорусские настроения, появляется недовольство АК...»³⁶

Ввиду такой атмосферы руководство восстанием предприняло пропагандистскую акцию, целью которой было снять с себя обвинения, а вместе с ними и ответственность и переложить их на Красную Армию и польские левые революционные силы. При этом оно прибегло к определенному набору аргументов, кои продолжают использоваться в различных модификациях и по сей день во многих исторических и других публикациях авторов, связанных с аппаратом антикоммунистической и антисоветской пропаганды либо находящихся под ее влиянием.

Во-первых, было заявлено, что восстание вызвано намерением немцев разрушить польскую столицу и расправиться с населением. Однако если бы главной целью выступления в Варшаве и других городах было спасение жителей от истребления, а не захват власти, то заранее и повсеместно предпринимались бы меры самообороны, для чего надлежало вооружить боевые

отряды, а не отправлять куда-то оружие. И, вероятно, удалось бы спасти тысячи и тысячи людей. Утверждение, что именно этот, а не иной срок восстания был назначен вынужденно, ввиду мобилизации гитлеровскими властями 100 тысяч варшавян на фортификационные работы, не подтверждается ни польскими, ни немецкими источниками, как один подчеркивающими слабость и дезорганизацию немецкой администрации, оказавшейся в то время не в состоянии обеспечить исполнение своих распоряжений³⁷. Сам командующий Варшавским округом АК «Монтер» отменил 29 июля объявленную им накануне полную боевую готовность, поскольку уверился, что «немецкая администрация не отважилась пойти на репрессии за игнорирование ее распоряжений о явке на работу»³⁸. Утверждение же, что Варшаве якобы все равно предстояло разрушение, так как «немцы, обороняясь, превратили бы ее в крепость... и учинили бы немецкий Сталинград», опирается на ложное предположение, что Красная Армия должна была брать Варшаву лобовой атакой через Вислу³⁹.

Во вторых, доказывалось, что восстание было поднято вследствие единого стремления жителей столицы к борьбе за свободу и к мести врагу за пятилетние чудовищные преступления оккупантов, что, если бы приказ о восстании не был отдан, оно вспыхнуло бы стихийно и привело бы к еще большим жертвам. Этот аргумент близок к истине, хотя варшавян кроме огромного патриотизма отличало и высокое чувство ответственности и дисциплины.

Впрочем, не каждое восстание должно кончаться столь трагически, но это, вызванное в неблагоприятный момент, было в политическом отношении направлено одновременно не только против врага, но и против союзника. Восстание ведь стало следствием конкретных, ныне хорошо известных, прежде всего политических, решений, следствием стремления к власти любой ценой, а не результатом некоего предначертания судьбы, своеобразного рока⁴⁰.

Ныне есть попытки доказать, что если бы командование АК не призвало к восстанию, то это сделали бы ППР, АЛ либо ПАЛ⁴¹. Противореча себе же, авторы подобных утверждений заявляют о слабости ППР в столице и об отсутствии у нее поддержки среди населения. Как же тогда варшавяне подчинились бы ее призывам? Впрочем, «Бур»-Коморовский и Иранек-Осмецкий не отрицали, что знали об уходе многих коммунистов из Варшавы к партизанам⁴². Но отношение ППР и КРН к вопросу о восстании рассматривалось ранее, и нет необходимости вновь возвращаться к нему.

В-третьих, комплекс фальсифицированных аргументов базируется на утверждении, что восстание якобы было спровоцировано призывами ППР и радиопередач Союза польских патриотов (СПП) из СССР и что главари сторонников правительства в эмиграции проявляли рвение, выполняя указания польских

и советских коммунистов, якобы стремившихся вызвать восстания в Польше, и в частности в Варшаве, и т. п. Сообщения о «боевой готовности» в Армии Людовой и Польской Армии Людовой еще до принятия руководством АК решения о начале восстания стали одним из доводов в оправдание этого шага. Но ни до, ни в первые дни восстания никто не ссылался на содержание польских радиопередач из Советского Союза. Лишь спустя две недели в повстанческой и эмигрантской буржуазной прессе был поднят вопрос о мнимых призывах советской радиопропаганды и прессы ППР — АЛ к вооруженному восстанию в Польше. В ноте эмигрантского правительства от 16 августа 1944 года посол Эдвард Рачиньский уведомил МИД Великобритании, что 29 июля, т. е. за три дня до восстания, московское радио передало воззвание Союза польских патриотов к населению Варшавы немедленно подниматься на борьбу, так как «час действовать настал». К ноте прилагался текст радиопередачи в переводе на английский, опубликованный в бюллетене радиоперехватов Би-би-си от 30 июля⁴³. На то же самое сослался 18 августа и Миколайчик в своих посланиях Сталину и Рузвельту, а затем в интервью для печати⁴⁴.

Примечательно, что об этой радиопередаче варшавское руководство АК не упоминало ни в начале восстания, ни в первой половине августа — ни во внутренних документах с самыми резкими нападка на СССР, ни в открытых газетных публикациях. Отсюда можно заключить, что оно не располагало ее текстом, якобы перехваченным службой радиоперехвата главного штаба АК, в чем несколько лет спустя начал уверять «Бур»-Коморовский⁴⁵. В сущности, этот текст лег в основу антисоветской кампании лишь после получения его из Лондона и служит этим целям поныне⁴⁶.

Однако независимо от оценки подлинности и правдивости текста той радиопередачи нельзя не сказать с гордостью, что призывы к сопротивлению, к бою, к оружию, к партизанским действиям, к восстанию в значении подняться на борьбу, ударить по врагу, помочь союзным армиям являются правом каждого, кто бьется не на жизнь, а на смерть и жаждет получить как можно более широкую поддержку тех, кто жизненно заинтересован в победе над общим врагом. Такую задачу выполняли, в частности, и западные радиостанции, ведя передачи на оккупированные страны Западной Европы, и советские радиопередачи, обращенные ко всем народам, освобождаемым Красной Армией. К взаимодействию с армией, освобождавшей Польшу, к борьбе с оккупантами призывали поляков и радиопередачи Союза польских патриотов в СССР, и радиостанция им. Тадеуша Костюшко. Совершенно ясно, что они не носили характера конкретных «приказов» о начале всенародного восстания без разработанного плана, без выбора соответствующего момента для выступления. Буквальное истолкование этих радиопередач — доходивших до

Польша, между прочим ввиду повсеместного отсутствия у населения радиоприемников, весьма слабо — чуть ли не как боевой приказ для АК, было очевидным пропагандистским маневром⁴⁷. Как это признал один их проживающих в эмиграции исследователей, «следует также добавить, что радиостанция «Свит» («Заря»), которая служила польскому эмигрантскому правительству в Лондоне и контролировалась британской цензурой, точно так же призывала к восстанию».⁴⁸

Подобным образом пытались извратить и смысл призывов к борьбе с оккупантами в подпольной прессе ППР, КРН, АЛ. Призывы к действию, исходившие от организаций, которые с момента своего возникновения развивали активную вооруженную борьбу, являлись существенным элементом их пропагандистско-агитационной деятельности, но отнюдь не были равнозначны призыву к немедленному вооруженному восстанию. Как уже говорилось, стратегия демократических сил предполагала прежде всего максимальное развертывание партизанской борьбы и существенную помощь армиям, освобождавшим Польшу.

Здесь нет необходимости добавлять, это очевидно, что восстание поднимается не общими воззваниями, публикуемыми в печати, а переданными по каналам военных организаций приказами, как это и сделало главнокомандование АК в Варшаве.

И наконец, в-четвертых, наиболее активно разрабатываемое направление аргументации для оправдания виновников варшавской трагедии — обвинение в адрес Советского Союза о намеренном отходе от стен Варшавы и приостановке боевых действий на фронте. Это напрямую связано с попытками руководителей восстания придать проблеме международный резонанс.

Инициаторами клеветнической кампании против СССР, связанной в печати, выступили Янковский и Пужак уже 5 августа 1944 года. В радиোগрамме правительству в Лондон они обвинили Красную Армию в «демонстративно пассивном поведении», что якобы «имеет политический смысл, который стоит обсудить с представителями союзников»⁴⁹. На следующий день эти же акценты были расставлены и в письме генерала Окулицкого к командующему АК, а также в интервью генерала Хрусьцеля, опубликованном в варшавском «Информационном бюллетене»⁵⁰. Идея была сразу же подхвачена в Лондоне и нашла отражение в меморандуме эмигрантского правительства правительству Соединенных Штатов, а также в переговорах с британским правительством⁵¹. Намеки на эту тему появились 8 августа на страницах лондонского «Дзенника Польского и Дзенника Жолнежа», а 10 августа Анджей Помян уже четко сформулировал в газете обвинения в адрес СССР, которые подхватила и перепечатала часть британской прессы. С подачи президента Рачкевича папе Пию XII с подобным же обвинением выступил орган Ватикана «Оссерваторе Романо», который, между прочим, ни разу за всю войну, вплоть до занятия Рима союзниками, не осудил гитле-

ровских преступлений против польского народа. Эти измышления подхватила часть прессы западных государств, причем активно провоцировал шум лондонский «Дзенник Польски и Дзенник Жолнежа»⁵².

Усилились антисоветские выпады и в проправительственной прессе, выходящей в Варшаве. Так, 15 августа орган Делегатуры поместил большую статью, касающуюся польско-советской войны 1920 г.⁵³ Обвинения против Красной Армии повторялись чуть ли не ежедневно. Орган главного штаба АК заявлял, что «никто не намеревался и не намеревается делить ответственность за августовское восстание с Москвой»⁵⁴.

Ложь, будто советское наступление было остановлено с умыслом обречь Варшаву на уничтожение, стала выдаваться за неопровержимый факт, и этой лжи пытались придать международное звучание.

* * *

Вышеперечисленные «аргументы» использовались пропагандой в расчете на массы. Зато в секретных внутренних документах военная обстановка рисовалась гораздо ближе к правде. Например, оценивая ее, 5 сентября 1944 года генерал Коморовский писал: «Полагаю, нам не следует питать никаких иллюзий относительно того, что советские части могут со дня на день занять Варшаву. Немцы стянули достаточно сил, чтобы остановить советское наступление. Русские части значительно оторвались от своего организованного тыла и остановились, у них отсутствуют транспортные средства. Немцы же все это имеют в своем распоряжении... Висла защищает немцев от русских»⁵⁵. Следствием такой оценки могло быть только предложение о капитуляции повстанцев в качестве единственного выхода из трагического положения.

Уже после восстания в штабе генерала Окулицкого в разработке для внутреннего пользования под названием «Варшавская битва» констатировалось: «Причина неудачи сражения за Варшаву лежит в общем срыве советского наступления на Висле в результате переброски сюда в конце июля — начале августа новых немецких дивизий, в основном из Румынии. Немецкие войска, поддержанные этими подкреплениями, блокировали советский плацдарм в районе Варки, отразили попытку советского прорыва к северу от Варшавы, но прежде всего в крупнейшей битве танковых войск 4 и 5 августа под Воломином нанесли решающий удар шедшим на Варшаву советским войскам (немецкая оборона у Варшавского предместья усилена четырьмя свежими дивизиями, которые решили исход боев под Воломином). Таким образом, судьба битвы за Варшаву была предрешена в советско-немецком сражении 4 и 5 августа... Неверно предположение, будто советские войска не заняли Варшаву, потому что желали

гибели оплота польской независимости. Правда состоит в том, что 4 и 5 августа Советы проиграли собственную битву за Варшаву⁵⁶. Здесь следует только напомнить, что контрнаступление немецких дивизий под Воломином началось уже 30 июля.

Руководство восстанием знало, что выдвинутые против СССР обвинения лживы⁵⁷. Однако, стремясь снять с себя тяжкий груз моральной и политической ответственности, оно, а вслед за ним и другие «правдоискатели» полагают, что настойчивое повторение лжи способно затереть исторические факты.

Впрочем, военные и политические выгоды освобождения Варшавы были настолько очевидны, что, если бы не сложилось неблагоприятное соотношение сил на варшавском направлении, советское командование, несомненно, использовало бы все шансы, предоставив решать проблему власти самим полякам. Как уже упоминалось, город должен был быть освобожден силами 1-й армии Войска Польского.

В разгар этой пропагандистской кампании нападкам подвергалось любое проявление объективности. Когда в интервью американской прессе 12 — 13 августа 1944 года командующий польскими воздушными силами за рубежом генерал Матеуш Ижицкий сказал, что восстание началось слишком рано, что авиация не могла помочь Армии Крайовой и что «соображения стратегического плана задержали начало советского наступления на Варшаву, вследствие чего нельзя было установить надлежащую оперативную связь», — то уже 15 августа генерал Соснковский в письме отругал его за «игру на руку советской пропаганде». Ижицкий вынужден был оправдываться, что текст его интервью был якобы искажен в Соединенных Штатах⁵⁸.

Дабы приглушить ширившееся недовольство в Варшаве, а также обмануть всех поляков и международную общественность, утверждалось, что Советский Союз знал о восстании, поддерживал его и даже якобы направил в штаб АК офицера связи. Для пропагандистских махинаций использовали особу случайно оказавшегося в Варшаве бывшего военнопленного, а потом офицера армии Власова — РОА («Русская освободительная армия») капитана Константина Калугина. Его-то и выдавали за «офицера связи» Красной Армии при командовании Армии Крайовой, но к этому вернемся в следующей главе книги.

Кампанию пытались ввести в какие-то разумные рамки некоторые более реально мыслявшие политики. Например, министр эмигрантского правительства Кароль Попель, сообщая руководству Стронництва Працы в Польше об усилиях эмигрантского правительства в Лондоне добиться британской и советской помощи, подчеркнул: «Вы обязаны знать, что ничто так не перечеркивает возможности получения этой помощи, как заявления, в которых наши компетентные круги в столице публично обвиняют Советы в умышленном отказе от сражения за Варшаву⁵⁹». Однако эти увещевания действия не возымели.

Интересный, хотя не совсем точный тезис выдвинул по этому вопросу историк-эмигрант: «Уже в первые дни восстания стало ясно, что овладеть Варшавой если и возможно, то лишь частично, и что вероятность достижения этой цели будет, очевидно, уменьшаться вследствие превосходства сил немцев. Но даже в этой обстановке можно было достичь другой поставленной цели — конфронтации с СССР, если бы советская армия захотела разбить немцев в районе Варшавы и приблизиться к повстанцам. Имея в виду эту цель, а также и то, что надо было спасти гражданское население и сам город, командование АК многократно обращалось к СССР с просьбами о помощи и установлении контактов»⁶⁰.

* * *

Обвинения, выдвинутые стороной, представители которой в это же самое время вели переговоры в Москве по вопросу о взаимопомощи в войне, вызвали резкую реакцию Советского правительства. Она была отражена в заявлении ТАСС от 12 августа 1944 года. Как недоразумение либо клевета в адрес советского командования были охарактеризованы в нем намеки прессы и радио польского эмигрантского правительства на то, что якобы «повстанцы в Варшаве установили контакты с Советским командованием, которое не оказало им помощи». ТАСС был уполномочен заявить, что «со стороны польских кругов в Лондоне, несущих ответственность за события в Варшаве, не было предпринято никаких попыток заранее уведомить Советское командование и согласовать с ним какое-либо выступление в Варшаве»⁶¹.

Такие же констатации содержались и в письмах Сталина Черчиллю и Миколайчику, направленных 16 августа: «... Ознакомившись ближе с варшавским делом, я убедился, что варшавская акция представляет безрассудную, ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт».

Далее Сталин писал: «При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию»⁶².

В ответе на совместное послание Рузвельта и Черчилля от 20 августа, в котором они просили, чтобы Красная Армия осуществила сбросы оружия повстанцам, Сталин подчеркнул, что «с военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков». Далее он заверил, что в условиях немецкого контрнаступления под Варшавой «Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков». Вместе с тем

Сталин констатировал: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы»^{62а}.

К вопросам, связанным с Варшавским восстанием, Сталин возвращался и позже не только в беседах с поляками. Генералу де Голлю он говорил, что, «если бы советское командование спросили, может ли оно оказать военную помощь восстанию, оно заранее ответило бы, что не готово к этому. Речь идет о том, что Красная Армия к тому времени прошла с боями 600 километров от Минска до Варшавы. В то время как Красная Армия приблизилась к Варшаве, ее артиллерия со снарядами отстала на 400 километров. Красная Армия не была готова немедленно наступать на Варшаву. Но ее об этом никто не спросил. Народ знает об этом и возмущен тем, что его втянули в авантюру. Много жертв»⁶³.

Как следует из содержания этих высказываний, резкие слова о «варшавской аванюре», о «кучке преступников» должны были относиться к политическим аспектам восстания и его организаторам. К страданиям населения Сталин относился, как видно, с пониманием, уведомляя, что с советской стороны будут предприняты наиболее целесообразные усилия в виде боевых действий.

Какие факторы могли повлиять на такую драматически острую и жесткую, явно одностороннюю, хотя и несколько видоизмененную в начале сентября оценку восстания?

Принципиальное значение имела здесь враждебная по отношению к СССР политика лидеров правительственных группировок, метившая также в единство антигитлеровской коалиции, отражавшаяся в особенно резких формах на страницах как эмигрантской, так и проправительственной печати в Польше. Она воплотилась также в радиogramмах, распоряжениях и инструкциях эмигрантского правительства для подполья на территории страны, содержание которых, несомненно, не могло оставаться тайной для Советского правительства.

Уже в ходе переговоров в Москве в начале августа 1944 года Сталин обратил внимание Миколайчика на то, что аппарат, подчиненный эмигрантскому правительству, ведет яростную антисоветскую пропаганду, рисуя Советский Союз как нового оккупанта, с которым также предстоит вести борьбу. Он обвинил руководство АК в организации беспорядков, укрывании оружия, в нелегальной мобилизации в тылу советских войск и отправке отрядов в леса, а также в организации покушений на коммунистов и других прогрессивных деятелей. Вместе с тем Сталин в соответствии с сообщением Миколайчика должным образом

оценил значительную численность АК, ее желание бороться с немцами и выраженную готовность установить контакты с Красной Армией, в принципе проявив более позитивное отношение к АК, чем это имело место раньше. Советское правительство прежде всего было заинтересовано в поддержании порядка в тылу своих войск. «Мы не позволим никаких акций за нашей линией», — заявил Сталин Миколайчику⁶⁴.

В этом, собственно, не было ничего нового. Подобную же позицию советская сторона занимала по отношению к любым организациям и формированиям, включая и АК. Руководство проправительственных группировок не изменило, однако, линии своего поведения, направленной на провоцирование польско-советских конфликтов и придание им международного характера.

К разосланным на места еще до восстания в Варшаве приказам генерала Соснковского и генерала Коморовского об организации в тылу Красной Армии новой конспиративной сети добавлялись новые, и это в тот самый момент, когда Варшава ждала помощи Красной Армии для избавления от невыносимых мук. Эти приказы имели целью обострить обстановку и спровоцировать конфликты. 12 августа командующий АК приказал командантам округов и командирам дивизионных группировок «сосредоточить отряды в удобных для обороны местах. Свое местоположение определить в центре группировок». И далее: «Не допускать разоружения дивизионных группировок, в случае применения силы переходить к самообороне»⁶⁵. 14 августа он доложил генералу Соснковскому о подготовке новой сети радиосвязи: «В период оккупации страны большевиками я намерен иметь надежную связь в рамках новой подпольной организации между нею и вами; добиться этого предполагаю прежде всего с помощью вновь организованной сети связи N, объединяющей 24 радиостанции... В новой сети я собираюсь перейти на режим работы русских радиостанций и стараюсь раздобыть его в стране...»⁶⁶

В это время в тылу Красной Армии действовало 20 подпольных радиостанций, связанных с лондонским центром, из них 7 — в Люблинском округе АК, 3 — в Жешувском подокруге АК, 6 — на территории СССР (Вильнюс, Браслав, Новогрудок, Брест, Львов-2)⁶⁷. На случай освобождения Варшавы и других районов Польши командующий АК предусматривал, что непосредственное руководство округами АК примет лондонский штаб главнокомандующего⁶⁸.

Отдававшие эти приказы уже тогда вполне ясно понимали, что Красная Армия, как и любая другая, ведущая боевые действия на фронте, не потерпит в своем тылу ни вооруженных формирований, не связанных с нею союзом, ни нелегальных организаций, ни подпольных радиостанций. Таким образом, по-прежнему имело место сознательное провоцирование конфликта в расчете на превращение его в международный скандал и обострение отношений внутри антигитлеровской коалиции. Этим же целям слу-

жили и упомянутые ранее приказы саботировать мобилизацию в Войско Польское.

Совокупность этих действий, несомненно, повлияла и на негативную политическую оценку Варшавского восстания, выраженную официальными советскими органами. Способствовала этому и двулличная позиция премьера Миколайчика на августовских переговорах в Москве. Демонстрируя стремление к договоренности, он одновременно не желал признать этнографический принцип при демаркации польско-советской границы и прийти к соглашению с ПКНО, что препятствовало разрешению жгучих польских вопросов.

Оценка Сталина резко отличалась, особенно в выводах, от позиции варшавской ППР, которая считала, что советская помощь, хотя бы в виде сбросов с воздуха, будет способствовать формированию у варшавян дружественного отношения, симпатии к СССР, а также убеждать в правильности политической линии партии и КРН. Однако в охваченной восстанием Варшаве не могло быть и речи о какой-либо взаимной консультации, обмене взглядами или хотя бы информацией. Ибо, как показывают исследования, в Варшаве до самой середины сентября не действовала ни одна радиостанция, которая поддерживала бы связь с советскими или польскими штабами на восточной стороне фронта. Можно предположить, что суждение Советского правительства не было бы столь упрощенным и категоричным, если бы и ему, и прежде всего польским властям в Люблине была известна позиция коммунистов Варшавы, их отношение к вопросу о восстании и принятые ими решения.

Одной из давних целей антисоветской кампании было вызвать трения между западными державами и Советским Союзом.

Антисоветская акция, проводимая параллельно в Варшаве и в Лондоне, совпадала в то время с известной напряженностью в советско-британских отношениях. Факт, что вместе с успехами советских освободительных операций росли опасения Черчилля, что сферы британского влияния и капитализма в Европе сузятся. С другой стороны, британский штаб и сам Черчилль, чрезвычайно оптимистически оценивая стратегическую ситуацию, были уверены в возможности одержать победу над Германией даже без участия Советского Союза. «Великолепные и крупные победы, одержанные во Франции, — писал Черчилль Рузвельту, — сильно изменяют обстановку в Европе, и, может быть, победа, одержанная нашими армиями в Нормандии, превзойдет по своим масштабам все, чего когда-либо достигали русские»⁶⁹. Успешные операции западных армий во Франции британский премьер оценивал как шанс на быстрое занятие ими всей Европы и изменение соотношения сил внутри коалиции.

Польские дела представлялись тогда Черчиллю весьма благоприятным поводом для оказания давления на СССР с целью ограничить его влияние в странах, освобождаемых именно

Красной Армией. В британской прессе и радиопередачах стали появляться критические выпады в адрес СССР. Так, 21 августа Би-би-си передала комментарий Э. Монтгомери, полемизирующий с московской «Правдой». В конце августа в «Ньюс кроникл» появилась статья В. Бартлетта, в которой он писал, что «Россия затрудняет помощь Варшаве». Все это немедленно после передачи по лондонскому радио перепечатала проправительственная польская пресса в Лондоне и Варшаве⁷⁰.

Однако фактом было и то, что большая часть британской прессы с симпатией относилась к СССР и его военным усилиям. В связи с этим Черчилль 23 августа 1944 года отдал распоряжение своему министру информации дать в прессе публикацию о мнимом нежелании СССР оказать помощь Варшаве. Это было связано с постановкой британским правительством вопроса о челночных полетах над Польшей, с посадкой на аэродромах в Советском Союзе и с отсутствием ответа на него с советской стороны. По замыслу Черчилля, это должно было избавить англичан от ответственности за рискованные и обременительные поставки оружия, которые можно было переложить на американцев, имевших соглашение с СССР о челночных полетах, и вместе с тем возложить ответственность на Советский Союз за отказ от этих полетов. Именно эти вопросы поднял В. Бартлетт в серии статей на страницах «Ньюс кроникл»⁷¹.

Следует, впрочем, отметить, что вскоре англичане сменили тон по отношению к советскому союзнику. Причиной тому явилось не столько выраженное 10 сентября Советским правительством согласие на возобновление челночных полетов, прерванных 27 июня 1944 года в результате сильного разрушения предоставленных американцам под Полтавой аэродромов после мощных налетов немецких бомбардировщиков, сколько приостановка англо-американского наступления на Западном фронте после немецкого контрудара. Черчилль вновь предпринял попытки снять напряженность в отношениях с советским союзником, а также способствовать новому визиту Миколайчика в Москву.

Лидеры сторонников эмигрантского правительства в Польше, как и сторонники Сосновского в эмиграции, не упускали все же случая торпедировать даже минимальные возможности достигнуть договоренности с СССР. Это нашло выражение, в частности, в их отношении к проекту меморандума эмигрантского правительства, переданного Миколайчиком из Лондона по радио 22 августа 1944 года. В нем он повторил представленную ранее в Москве концепцию допуска ППР в правительство как пятой партии («4+1») и соглашался на переговоры о восточной границе, полагая, что таким способом добьется исключения КРН и ПКНО из дальнейших переговоров⁷². Одновременно Миколайчик сообщил в Варшаву позицию Заграничного Комитета ППС, отвергавшую возможность урегулирования вопроса о границах до окончания войны, равно как и возможность соглашения с ПКНО⁷³.

В руководстве проправительственных группировок в Варшаве разгорелась жаркая дискуссия по этому проекту. Рада Едности Народовой под давлением «людовцев» вначале приняла его с далеко идущими поправками. Крайова Рада Министров в своих замечаниях назвала проект капитуляцией, отвергнув, в частности, возможность «относиться к «Роле» (Жимерскому), Берлингу или прочим наравне с легальным командованием нашей армии». Она дала также своеобразную оценку военной обстановки, являющуюся не столько отражением действительности, сколько надеждой на распад антигитлеровской коалиции и даже на конфликт между СССР и западными державами: «Чаша политических весов явно склоняется на сторону англосаксонских союзников, а не Советов. Этот процесс будет быстро углубляться. Решительный перелом наступит»⁷⁴. Командующий АК охарактеризовал правительственный проект как «всецело капитулянтский», как «уход с платформы независимости», пригрозив при этом: «Если будет необходимо, мы повторим эти аргументы каждому, кто покусится на нашу независимость»⁷⁵.

На позицию вожakov пролондонских группировок в стране определенное влияние оказали демарши генерала Соснковского, который слал пространные депеши командующему АК, а также президента Владислава Рачкевича, который в длиннейшей радиোগрамме, переданной делегату правительства 24 августа через радиостанцию главнокомандования АК, то есть минуя премьера Миколайчика, уговаривал отвергнуть меморандум. Объем этой корреспонденции показывает, насколько больше времени тратили повстанческие радиостанции на нее, чем на вопросы принципиального значения для судеб Варшавы и ее жителей»⁷⁶.

Руководство ППР в восставшей Варшаве узнало о содержании меморандума из проправительственной прессы и подвергло принципиальной критике высказывания о неприкосновенности польской конституции 1935 года. «Эти люди еще не способны сегодня отделить собственную позицию, собственные амбиции от интересов и насущных потребностей народа, — писала газета ППР. — Факт, что эта дискуссия ведется в залитой кровью, осажденной, взывающей о помощи Варшаве, красноречивей слов»⁷⁷.

Меморандум эмигрантского правительства 30 августа был передан правительству СССР, которое направило его ПКНО, признав, что это внутренние дела Польши. ПКНО отверг его как противоречащий интересам Польши, игнорирующий факт существования КРН и ПКНО⁷⁸.

В то самое время, когда Миколайчик предложил Советскому правительству открыть переговоры, он дал интервью британской прессе, в котором выдвинул ряд обвинений в адрес СССР. Сообщив, что Варшавское восстание — результат решения внутри страны, принятого в соответствии с указаниями правительства, о котором союзники были проинформированы, он уверял, что «Москва обещала помощь, которую до сих пор не предоставила». Он утверждал, будто 31 июля в Москве предупреждал Молотова о том, что

ожидает «взрыва в Варшаве»⁷⁹. В действительности же, как он сам подтвердил 2 августа в телеграмме вице-премьеру Квапиньскому, он предлагал лишь «согласование дальнейшей совместной борьбы против немцев», а о восстании «вспомнил» только 3 августа в беседе со Сталиным⁸⁰. Другим доказательством, что Советское правительство якобы было предупреждено о восстании в Варшаве, должны были быть... радиogramмы, отправленные из Варшавы 7 и 8 августа Калугиным и «Монтером», опубликованные в Варшаве 31 августа в бюллетене Бюро информации и пропаганды Армии Крайовой. С тех пор они использовались в антисоветских целях как на территории Польши, так и за границей. В частности, их поместила 12 сентября 1944 года «Таймс» как исходящие «из официальных польских источников»⁸¹.

Антикоммунистическая и антисоветская кампания развертывалась среди жителей Варшавы, и особенно среди повстанцев, по мере нарастания их недовольства против лидеров сторонников правительства. Обозреватель Бюро информации и пропаганды АК считал это недовольство следствием влияния «коммунистической пропаганды», например в северной части Средместья, где раздался голос, что «виновников восстания нужно повесить, создать вне АК народные комитеты, которые бы призвали на помощь советские войска». Заместитель начальника Бюро информации и пропаганды главнокомандования Армии Крайовой майор Тадеуш Вардейн-Загурский настроения в Старом Мясте охарактеризовал так: «Восстание зашло в тупик... Сейчас единственный выход — помощь большевиков, которая уже сегодня ожидается с нетерпением. Главнокомандование АК, чувствуя свою вину за преждевременное восстание и полное бессилие изменить ход событий, опасается, чтобы пропаганда не сделала какого-либо (в их представлении) неверного шага и не обострила вопроса, кто ответствен за неудачу»⁸². Страх перед ответственностью сквозил также в радиogramме Крайовой Рады Министров от 20 августа, в которой отмечалось, что «есть приказ о марше «Роли»-Жимерского для освобождения Варшавы и наказания виновных за пролитую варшавянами кровь вследствие преждевременного восстания»⁸³.

Пропагандистский эффект антисоветской кампании все же оказался значительно меньшим, чем ожидался. «Антисоветская пропаганда, начало которой положил «Шанец», вызывает негативную в адрес ее организаторов реакцию. Ныне общество отгоняет от себя какую бы то ни было мысль о возможности борьбы с Россией», — комментировал ситуацию обозреватель БИП главнокомандования АК⁸⁴. Подобную оценку давала и контрразведка штаба округа АК в своем донесении: «По отношению к Советам часть населения, особенно политически неопытная и довольно легко поддающаяся в этих тяжелых условиях любой демагогической агитации (поиск виновных), занимает позитивную позицию прежде всего потому, что именно Советы способны положить конец преступной акции немцев против Варшавы. Как сторонники со-

трудничества с СССР, так и противники Советов с нетерпением ожидают вступления Красной Армии в Варшаву, что означало бы конец господства немцев в столице. Даже среди противников Советов раздаются голоса, что следует временно согласиться на советские условия, дабы немедленно получить помощь, а политическая развязка наступит позднее, при участии англосаксов»⁸⁵.

Причины малой эффективности пропагандистской акции, развернутой против СССР и ПКНО, были различными. Повлиял и тот факт, что одновременно гитлеровцы также пытались развернуть среди населения Варшавы антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, чтобы внести раскол в ряды сражавшихся. С первых дней восстания немецкие самолеты сбрасывали над районами города, объятymi восстанием, листовки⁸⁶. Помимо ультимативного содержания призывов сдаться, угроз «кровавой кары», разбрасывались листовки провокационного характера. Одна из таких подделок за подписью «Центральный Комитет Польской коммунистической партии» начиналась словами: «Мы требуем Советской Польши!», а далее, среди прочего, гласила: «Польский советский рабочий, который взшел на баррикады, требует Советской Польши, без крупных землевладельцев и бесчеловечно грабящих капиталистов... Да здравствует Сталин! Да здравствует Советская Польша!». Другая листовка того же происхождения имела подпись: «Генерал Берлинг, командующий Польской Армии в России». Листовка, подписанная «Пилсудчики», носила однозначно антисоветский характер и кончалась словами: «Восстание — это услуга Советам!»

Хитрее была составлена листовка за подписью «Главкомандующий Крайовых Сил Збройных “Бур”» с датой 2 августа 1944 года, адресованная солдатам Армии Крайовой. «Как сообщает наше правительство из Лондона, — гласила листовка, — премьер Миколайчик оказался в Москве в таком положении, которое делает невозможным для него свободно принимать решения и свободно высказываться... В связи с этим я предпринял с представителями немецких властей переговоры с целью скоординировать совместные акции против московских предателей. Поэтому приказываю прекратить любые враждебные действия против немецких оккупационных властей и немедленно возвратиться в исходные пункты готовности! Каждый, не выполнивший этот приказ, становится на сторону виновников покушения на нашего премьера и должен быть немедленно расстрелян»⁸⁷. Содержание этой листовки было вскоре дезавуировано в статье органа АК «Бюлетын інформаційны»⁸⁸.

Газета АЛ «Армия Людова» все эти листовки заклеяла как немецкую провокацию и призвала объединить усилия всех польских воинских формирований в столице⁸⁹. Бюро информации и пропаганды главного штаба АК подтвердило: «Население сразу распознало подделки»⁹⁰.

Большинство этих листовок было изготовлено разведотделом немецкой 9-й армии, черпавшим информацию из радиоперехвата. Часть перехваченных и расшифрованных радиogramм включалась

в повседневные донесения абвера, например, обращение лондонского ЦИК Польской социалистической партии (ППС) от 8 августа к британской лейбористской партии, подписанное Зыгмунтом Зарембой («Марцин»)⁹¹.

Добывавшиеся разными путями сведения о направлениях пропаганды среди восставших, о настроениях варшавян и т. п. гитлеровская пропаганда использовала для разжигания антисоветских настроений. Например, в сброшенной 4 сентября листовке-пропуске, призывавшей бойцов АК и население переходить на сторону немцев, было написано: «Россия отказала в поддержке и помощи, желая полного уничтожения польских национальных элементов»⁹².

* * *

Единственной политической силой, которая противостояла дезинформации населения Варшавы и утаиванию от него истинного положения дел и одновременно предлагала реальный выход из сложившейся обстановки, были организации, связанные с Крайовой Радой Народовой и Польским комитетом национального освобождения, а прежде всего с Польской рабочей партией и Рабочей партией польских социалистов (РППС).

Выходившая на Старом Мясте газета варшавского руководства ППР разоблачала позицию лидеров проправительственных группировок: «Общее мнение таково, что момент восстания был выбран неправильно, ошибкой было и отсутствие согласования действий с Красной Армией и с западными союзниками. Оказывается, решающую роль здесь играли не военные, а чисто политические соображения определенных узких эмигрантских кругов... Не сделано главное — не налажено непосредственное взаимодействие с наступающими на Варшаву советскими частями, а в обращениях к мировой общественности продолжают обходить молчанием Советский Союз». В заключение орган ППР требовал: «Во имя интересов Варшавы и Польши, во имя сокращения жертв проводимая до сих пор линия должна быть изменена, а элементарные ошибки исправлены незамедлительно»⁹³.

По мере того как руководство ППР и АЛ все лучше ориентировалось в сложившейся трагической обстановке, у него созревала концепция выхода из нее. Таким выходом было признано установление контакта сражавшихся в Варшаве сил с командованием советских и польских войск и с ПКНО в целях координации действий против немцев и освобождения столицы. Начиная с 5 августа, делегации АЛ многократно предлагали Делегатуре и командованию АК согласиться на это, выражали готовность принять участие в организации этой связи. К сожалению, эти предложения встречали весьма уклончивые ответы, содержавшие ссылку на радиограмму командования АК, переданную 8 августа в Лондон, но адресованную маршалу Рокоссовскому.

Поняв, что командование АК в действительности и не собирает-

ся взаимодействовать с Красной Армией, а только пытается создать видимость готовности к этому, варшавское руководство ППР и АЛ 15 августа предприняло попытку установления непосредственного контакта с ПКНО и Главным командованием Войска Польского в Люблине. Однако при переходе линии фронта погибла при взрыве мины связанная варшавского штаба АЛ Анна Сконецкая, несшая письмо, а оставшаяся в живых Владислава Пясковская из пражского округа АЛ смогла лишь устно пересказать известные ей сведения, что не встретило должной реакции.

Разумно и решительно противостояла антисоветской пропаганде печать ППР. «Глос Варшавы» писал: «Мы являемся свидетелями усиленной антисоветской кампании, развязанной сторонниками правительства. Тон официальной прессы заставляет думать, что установление каких-либо отношений с Советским Союзом отнюдь не является ее целью, напротив, она использует все, чтобы еще более ухудшить эти отношения. Для любого беспристрастного наблюдателя сочетание самых яростных атак на Советы с требованием от них помощи является чем-то абсурдным... Эти две вещи совместить не удастся... Это доказательство тяжелой и неизлечимой болезни, подтачивающей наше политическое руководство»⁹⁴.

Аналогичную оценку дала газета командования АЛ на Жоли-боже: «...все согласны с тем, что единственная сила, способная освободить Варшаву, — это приближающаяся с востока к Варшаве советская армия. Исчезают антипатии и предубеждения. Каждый здравомыслящий житель столицы отдает себе отчет в том, что борьба в городе может быть только дополнением к операциям по изгнанию немцев из Варшавы и что сегодня, раз уж восстание вспыхнуло, его во имя спасения населения следует продолжать, но решающим для освобождения Варшавы может стать только удар с востока, овладение городом частями Красной Армии и Польской Армии, взаимодействующей с советским войском»⁹⁵.

Руководство ППР в Варшаве в то время не имело контакта с Центральным Комитетом партии в Люблине. Несмотря на это, их позиции по принципиальным вопросам были относительно близки. Так, конференция делегатов ППР освобожденных районов, собравшаяся 20 августа 1944 года в Люблине, резко осудила «преступное легкомыслие» организаторов восстания и предложила создать в освобожденных районах комитеты помощи населению столицы. Конференция подчеркнула, что «только самоотверженные усилия всего народа при опоре на героическую вооруженную борьбу Войска Польского и союзнической Красной Армии несут освобождение Варшаве»⁹⁶.

Критикуя правительственные группировки, отвергнувшие конкретные предложения по подлинному налаживанию взаимодействия, орган Армии Людовой 28 августа писал: «Тяжелую ошибку, совершенную инициаторами восстания, не установившими никакого военного взаимодействия с советской армией, не оправдывает ничто... Но как оценить факт, что после четырех недель борьбы

в таких условиях и обстоятельствах ответственные за восстание не поняли, что наладить этот контакт и взаимодействие необходимо?.. Любая борьба должна иметь какую-то перспективу. Перспектива же нашего восстания зависит от планов советского наступления... Поступки ответственных деятелей производят впечатление, что это их не интересует»⁹⁷.

Хотели ли руководители восстания воспользоваться шансом на спасение повстанцев и Варшавы? Ответ на этот вопрос дали не только первые четыре недели, но и дальнейшая судьба восстания.

- ¹ Krannhals H. Op. cit., s. 309; 354.
- ² Zburzenie Warszawy. Warszawa, 1946; Documenta Occupationis Teutonicae. Poznań, 1946, t. II; Bartoszewski W. Prawda o von dem Bachu. Warszawa, 1961; Zbrodnie okupanta w czasie powstania warszawskiego w 1944 roku. Warszawa, 1962, s. 303, 429.
- ³ Documenta Occupationis... Op. cit., t. II, s. 12; Krannhals H. Op. cit., s. 318-319; Ludność cywilna w powstaniu warszawskim, t. I-III, Warszawa, 1974, t. II; s. 46-47.
- ⁴ Krannhals H. Op. cit., s. 118-128; Przygoński A. Powstanie warszawskie w sierpniu 1944. Warszawa, 1980, t. I, s. 88-97, 111, 229; t. II, s. 195-197.
- ⁵ Borkiewicz A. Op. cit., s. 118; Przygoński A. Op. cit., t. I, s. 331; Mazurkiewicz J. 63 dni. — Przekrój, 2.VIII. 1981.
- ⁶ Przygoński A. Op. cit., t. I; s. 265. Боевое донесение «Радослава» от 6.VIII.1944.
- ⁷ СА КС, т.202/1-2, к.76. Воззвание «Солдаты!» от 9.VIII.1944.
- ⁸ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 116.
- ⁹ Przygoński A. Op. cit., t. I, s. 346.
- ¹⁰ Ciechanowski J.M. Stosunek rządu brytyjskiego do powstania warszawskiego. Op. cit., s. 31-34.
- ¹¹ Ibid., s. 39.
- ¹² Mitkiewicz L. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 145-155.
- ¹³ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 61, 62.
- ¹⁴ Ibid., s. 99.
- ¹⁵ Documents... Op. cit., vol. II, s. 342-344.
- ¹⁶ СА КС, т. 203/1-3, к. 34-36; Raczynski E. W sojusznicy Londynie. Londyn, 1960, s. 35-401.
- ¹⁷ СА КС, т. 202/1-8, к. 73, 80; АК w dokumentach. Op. cit., t. IV; s. 130-139.
- ¹⁸ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 32.
- ¹⁹ Ibid., s. 37; Штеменко С. Указ. соч.
- ²⁰ Sprawa polska... Op. cit., s. 553-564; Przygoński A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. I, s. 61, t. II, s. 137.
- ²¹ Feis H. Churchill—Roosevelt—Stalin. Princeton, 1957, s. 375-376.
- ²² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. VIII, с. 191-192.
- ²³ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 96, 97.
- ²⁴ Ibid., s. 72, 77.
- ²⁵ Штеменко С. Указ. соч.; Wołoszyn W. Op. cit., s. 80-92.
- ²⁶ Sawicki T. Op. cit., s. 323-327.
- ²⁷ Wołoszyn W. Op. cit., s. 73-82.
- ²⁸ Рокоссовский К. Указ. соч., 328-329.
- ²⁹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), микрофильм № 1098, док. 89, рапорты разведотдела 1-го Белорусского фронта 9.VIII.1944.
- ³⁰ Rzeczpospolita, № 3, 5.VIII.1944.
- ³¹ Ibid., № 9, 11.VIII.1944.
- ³² Margules J. Boje I armii WP na obszarze Warszawy sierpień-wrzesień 1944, Warszawa, 1967, s. 331-332.
- ³³ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 124, 151, 159, depeze z 16, 19 i 22.VIII.1914;

- AMSW, t. 295/516, k. 30, depesza z 20.VIII.1944.
- ³⁴ SA KC, t. 202/1-4, k. 251-254, радиограмма Миколайчика от 7.IX.1944; *ibid.*, k. 291-293.
- ³⁵ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 32, 85, 103, 109.
- ³⁶ *Ibid.*, s. 108, рапорт Бюро информации и пропаганды (БИП) ГК АК от 12.VIII.1944.
- ³⁷ *Ibid.*, s. 688; SA KC, t. 202/XVIII-I, k. 92-99; Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. Op. cit., t. II, s. 532-535.
- ³⁸ Chruściel A. Op. cit., s. 6.
- ³⁹ Korboński S. Op. cit., s. 182-183; PSZ. Op. cit., t. III, s. 661.
- ⁴⁰ См. полемику по данному вопросу Kirchmayer J. W sprawie podjęcia walki w Warszawie. — WPH, 1958, № 3.
- ⁴¹ Korboński S. Op. cit., s. 178.
- ⁴² Ciechanowski J. M. Op. cit., s. 315, 316.
- ⁴³ Monitoring Service of the BBC, „Daily Digest”, 30.VII.1944; Raczyński E. Op. cit., s. 398-400; Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, № 188, 197, 199 z 20, 21 i 23.VIII.1944.
- ⁴⁴ Documents... Op. cit., vol. II, p. 351-352.
- ⁴⁵ В материалах радиостанции имени Т. Костюшко в Центральном архиве ЦК ПОРП такого текста нет. Разбор текста «воззвания», приведенного в указанной книге Э. Рачиньского, показывает, что он является примитивным переводом из английского подлинника.
- ⁴⁶ Korboński S. Op. cit., s. 178; Chruściel A. Op. cit., s. 6; Zawodny J.K. Nothing but Honour. The Story of the Warsaw Uprising 1944. London, 1978, s. 180; Feis H. Op. cit., s. 380.
- ⁴⁷ Ostaszewski J. Powstanie Warszawskie. Rzym, 1945, s. 45-46; Strzelecki S. Bitwa o Warszawę. Nowy York, s. 18; PSZ. Op. cit., t. III, s. 700.
- ⁴⁸ Siemaszko Z.S. Op. cit., s. 15; Werth A. Russia at War. London, 1964, s. 881.
- ⁴⁹ АК в документах. Op. cit., t. IV, s. 59-60.
- ⁵⁰ Przygoński A. Op. cit., t. I, s. 337; Biuletyn Informacyjny, № 51, 14.VIII.1944.
- ⁵¹ АК в документах. Op. cit., t. IV, s. 60-73, 80-82.
- ⁵² Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, № 188, 10.VIII.1944.
- ⁵³ Rzeczpospolita Polska, № 26, 15.VIII.1944.
- ⁵⁴ Biuletyn Informacyjny, № 51, 14.VIII.1944.
- ⁵⁵ Skarżyński A. Polityczne przyczyny... Op. cit., s. 22.
- ⁵⁶ SA KC, t. 202/XVIII-I, „Bitwa Warszawska; Przygoński A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. I, s. 216, 337; Ciechanowski J. Op. cit., s. 303.
- ⁵⁷ Ciechanowski J. Op. cit., s. 303.
- ⁵⁸ AMSW, t. 295/352, k. 39-41.
- ⁵⁹ АК в документах. Op. cit., t. IV, s. 150, радиограмма от 19.VIII.1944.
- ⁶⁰ Siemaszko Z. S. Op. cit., s. 60.
- ⁶¹ Sprawa polska... Op. cit., s. 567.
- ⁶² Документы и материалы... Т. VIII, с. 195.
- ^{62a} Там же.
- ⁶³ Там же, с. 305-306. Беседа Сталин—де Голь, 05.XII.1944.
- ⁶⁴ АК в документах. Op. cit., t. IV, s. 139-144; Sprawa polska... Op. cit., s. 556-557.
- ⁶⁵ AMSW, t. 295/472-6, k. 5.
- ⁶⁶ AMSW, t. 295/478-20, k. 63.
- ⁶⁷ АК в документах. Op. cit., t. IV, s. XXXVII-XXXVIII.
- ⁶⁸ *Ibid.*, s. 147, depesza z 19.VIII.1944.
- ⁶⁹ Churchill W. The Second World War, vol. VI. Boston, 1953, s. 72, 88, 119.
- ⁷⁰ Rzeczpospolita Polska, № 32, 21.VIII.1944; № 43, 1.IX.1944; Biuletyn Informacyjny, № 67, 40. 4.VIII. 1944; № 68, 31.VIII. 1944; Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, № 205, 30.VIII.1944.
- ⁷¹ Wabiński W. Przyczynki historyczne... Op. cit., s. 423; Kowalski W.T. Wielka koalicja, t. II, Warszawa, 1975, s. 316-319; Ehrman J. Grand Strategy. Русское издание: М., 1958, с. 376, 400—404.
- ^{71a} Никитин Н. В. Челночные операции. — «Военно-исторический журнал», 1975, № 11, с. 41-46.
- ⁷² SA KC, t. 202/1-4, k. 210-217, 222.
- ⁷³ АК в документах, Op. cit., t. IV, s. 167-170.
- ⁷⁴ SA KC, t. 202/1—8 k. 90. Радиограмма премьеру от 29.VIII.1944.

- ⁷⁵ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 214; PSZ. Op. cit., t. III, s. 864—856.
- ⁷⁶ Ak w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 160-162, 165-179, 180-181, 208-209, 213-214, 221-223, 237-238, 240-241, 248-250, 262-264.
- ⁷⁷ Manewry czy porozumienie. — Głos Warszawy, № 168, 29.VIII.1944.
- ⁷⁸ Sprawa polska... Op. cit., s. 577, 579, 603.
- ⁷⁹ Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, № 207, 1.IX.1944.
- ⁸⁰ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 36-37, 139-144.
- ⁸¹ Kilka dokumentów w sprawie pomocy rosyjskiej dla walczącej Warszawy. — Biuletyn Informacyjny, № 68, 31.VIII. 1944; B a b i ń s k i W. Przyczynki historyczne... Op. cit., s. 439.
- ⁸² P r z y g o ń s k i A. Powstanie warszawskie w sierpniu 1944. Op. cit., t. II, s. 119, 159. Рапорты от 17 и 20.VIII.1944.
- ⁸³ СА КС, т. 202/1-8, к. 78; радиограмма от 20.VIII.1944.
- ⁸⁴ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 140. Рапорт от 20.VIII.1944. «Шанец» — газета крайне правого Обоза Народно-Радикального.
- ⁸⁵ Ibid., s. 225. Рапорт от 31.08.1944.
- ⁸⁶ Ibid., t. III, s. 39, 43, 86.
- ⁸⁷ Bundesarchiv, Koblenz, Zsg. 122/59.
- ⁸⁸ Biuletyn Informacyjny (Dodatek nadzwyczajny), № 41, 4.VIII.1944.
- ⁸⁹ Armia Ludowa, № 11, 5.VIII.1944.
- ⁹⁰ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 56. Рапорт БИП от 5.VIII.1944.
- ⁹¹ K p a n n h a l s H. Op. cit., s. 380; AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 74.
- ⁹² Ludność cywilna... Op. cit., t. III, s. 350.
- ⁹³ Głos Warszawy, № 65, 16.08.1944.
- ⁹⁴ Jeszcze w sprawie pomocy. — Głos Warszawy, № 170, 2.IX.1944.
- ⁹⁵ Biuletyn Podokręgu № 2 Armii Ludowej, № 18, 22.VIII.1944 (Dodatek); K l i s z k o Z. Op. cit., s. 249-255.
- ⁹⁶ Archiwum Ruchu Robotniczego. Warszawa, t. I, s. 360-362.
- ⁹⁷ Co dalej? — Armia Ludowa, № 26, 28.VIII.1944.

Глава 7. Мнимый представитель

«Шифрограмма, 5 августа 1944

Москва, Маршалу (товарищу) Сталину.

Установил личную связь с командующим гарнизоном Варшавы, который руководит героической повстанческой борьбой народа с гитлеровскими бандитами. Разобравшись в общей военной обстановке, пришел к убеждению, что, несмотря на героические усилия войск и населения всей Варшавы, имеются следующие потребности, удовлетворение которых позволило бы ускорить победу в борьбе с нашим общим врагом: автоматическое оружие, боеприпасы, гранаты и противотанковые ружья...». Радиограмма заканчивалась словами: «Помогите связаться с маршалом Рокоссовским. Из группы «Черного» капитан Калугин Константин. Варшава 66804». Вышеприведенный текст передал в Лондон командующий АК генерал Коморовский со следующим пояснением: «Передаю донесение капитана советской армии Калугина, который явился к коменданту города и поддерживает с ним постоянную связь, но так как он не имеет собственной связи с Москвой, то просит нашего посредничества в передаче донесения»¹.

Польский штаб в Лондоне расшифровал текст 7 августа и передал его компетентным лицам в эмигрантском правительстве, а те продвинули дело дальше. Фамилия неизвестного до тех пор капитана артиллерии была у всех на устах. Ее произносили в высших эшелонах антигитлеровской коалиции, хотя сам он совершенно не претендовал на ту роль, какую ему приписывали.

Когда началась Великая Отечественная война, 33-летний советский капитан-артиллерист Константин Андреевич Калугин служил в 1131-м полку 6-й армии. В сражении под Харьковом его полк оказался в окружении. Тяжело раненный Калугин 28 мая 1942 года попал в немецкий плен. В сентябре 1942 года после выздоровления его перевели в лагерь для военнопленных ША в Люкенвальде под Берлином, а затем направили на курсы, организованные министерством пропаганды рейха.

Позже в письменном объяснении 1 января 1944 года представителям ППР и АЛ в Варшаве он изложил, как оказался в стане

врага, и оправдывал этот факт тем, что хотел продолжить борьбу с фашизмом иными методами. Это решение он принял-де после разговора с бывшим преподавателем советской военной академии полковником Бушмановым, принадлежавшим к окружению Власова. Этот полковник посоветовал ему завоевать доверие у немцев, чтобы затем успешно им вредить.

По окончании курсов Калугин был направлен на работу среди военнопленных, вначале в лагерь IVB в Саксонии, затем с мая 1943 года в лагерь № 367 в Ченстохове. «Работая в ченстоховском лагере среди военнопленных офицеров, — писал Калугин в конце 1943 года, — я все свои выступления строил так, чтобы они поняли: германский фашизм был и остается самым большим злом для человечества, а генерал Власов — предатель и враг народа и Родины»². Среди пленных, принужденных служить во власовских формированиях, он подбирал надежных людей и поддерживал с ними контакт, настраивая их на то, чтобы они при первой возможности переходили на сторону Красной Армии или партизан. Сам Калугин старался тем временем установить контакт с партизанами или антифашистским подпольем, что ему удалось в конце 1943 года в Ченстохове.

Штаб Ченстоховского округа Гвардии Людовой под политическим руководством окружного комитета ППР вел в то время интенсивную работу по разложению находившихся там власовских (РОА) и им подобных коллаборационистских частей гитлеровской армии. В результате несколько групп вооруженных солдат дезертировали, и их направили в отряд Гвардии Людовой им. генерала Юзефа Бема, действовавшего тогда в районе Ченстохова, Радомска и Пётркува.

В борьбе Гвардии Людовой участвовали также несколько давно поселившихся в Ченстохове русских из младшего поколения эмигрантов во главе с членом ППР, начальником медицинской службы местной Гвардии Людовой дочерью умершего перед войной офицера царской армии Евгенией Оссовецкой (псевдонимы «Женя», «Дзикауска»), официально оформленной на работу в качестве фельдшера ченстоховского арбайтсамта. Она имела возможность посещать помещение так называемого Русского комитета в Ченстохове, куда заходили также офицеры и рядовые армии Власова. По поручению партии Оссовецкая развернула в этом комитете подпольную работу, ей помогал учитель математики одной из ченстоховских школ Сергей Демьянов. Однажды он сообщил тогдашнему секретарю ОК ППР Мечиславу Яниковскому («Сталы») о некоем офицере РОА капитане Константине Калугине, прикомандированном к местному лагерю советских военнопленных, который ищет связи с партизанами, чтобы передать важную информацию.

По договоренности с командующим округа Гвардии Людовой капитаном Владиславом Петрусяком («Тадеком») с соблюдением соответствующих предосторожностей в декабре 1943 года в квартире Оссовецкой на улице Хоене-Вроньского, 28, была назначена встреча с капитаном³. На нее отправился Янковский вместе со мной,

автором этой работы. Я являлся тогда членом окружного комитета ППР и носил подпольный псевдоним «Стефан». Здесь начинаются ссылки на мои личные воспоминания¹.

Калугин явился на встречу в мундире немецкого капитана со знаком РОА на рукаве и пистолетом. На нас это произвело впечатление — ведь в тех условиях разговор с такой личностью был опасен и мог плохо кончиться. Мы хорошо помнили провал, происшедший за несколько дней до того, когда очередная попытка перевести группу власовцев к партизанам закончилась выдачей их в руки гестапо провокаторм «Виктором». Тогда попал в засаду и погиб в перестрелке с агентами гестапо на ул. Огородной командир отряда им. Бема поручик Юзеф Ковальчик («Юзек», «Матушевский»).

«Женя» отрекомендовала нас как представителей партизан, польских коммунистов. Калугин — темноволосый, среднего роста — держался солидно. Он рассказал, кем является и для чего носит этот мундир. Он утверждал, что состоял в патриотической организации в штабе Власова под Берлином, которая провалилась. Полковника Бушманова и других членов этой организации немцы 2 декабря 1943 года расстреляли. Ему самому грозила опасность, как и другим сотрудничавшим с Бушмановым, в том числе подполковнику Сочкарю, работавшему в то время на гитлеровской радиостанции в Кёнигсберге. Калугин хотел уйти к партизанам, драться с оружием в руках.

Когда он понял, что мы ему не вполне верим, он стал убеждать нас верить ему и испытать любым способом. У нас постепенно сложилось впечатление, что он имеет честные намерения. Мы попросили его письменно изложить все о своей деятельности и ожидать решения, которое он получит через «Женю».

Окружные органы ППР и АЛ задумались. Калугин в целом производил неплохое впечатление, хотя его рассказ о широкой антифашистской деятельности, якобы ведшейся им в лагерях советских военнопленных, не выглядел правдоподобным. Даже не беря на веру эту версию, похожую на те, что мы слышали от многих власовцев, желавших перейти на нашу сторону, мы все же склонялись к мысли, что Калугин действительно хочет оправдаться перед своей Родиной и потому готов выполнить любое наше задание. Учитывая большие его возможности для разведки в штабе Власова, мы не спешили передать его в партизанский отряд — предложения на этот счет излагались в письме «Сталого» в ЦК ППР.

С этим письмом и приложенным к нему рапортом Калугина я был послан в Варшаву, где на конспиративной квартире передал это Игнацию Логе-Совиньскому («Игнацу»), который в то время держал связь с Ченстоховским округом от имени центральных органов ППР и АЛ; кроме того, я дал ему дополнительные разъяснения на словах. «Игнац» сказал, что уведомит нас, как поступить далее с Калугиным.

Через несколько дней нам передали решение: привезти его в Варшаву. 30 декабря 1943 года мы сели в поезд. Калугин в немец-

кой форме сел, естественно, в вагон «только для немцев», а я в толпе пассажиров залез в III класс. В Варшаве я сказал, чтобы он шел за мной на расстоянии 20 метров, и так довел его до явки ППР и АЛ — маленькой фабрички суррогата кофе на ул. Цегляной, 6. Владельцем «фирмы» был Эмиль Герц, польский коммунист родом из Радома. Когда мы пришли на явочную квартиру, я на всякий случай отобрал у Калугина оружие и передал его Эмилю.

Вскоре появился «Игнац» и сообщил, что Калугин получит особое задание и поедет обратно в Берлин, а с Ченстоховом будет контактировать только в самом крайнем случае. Вот все, что я тогда знал о нем⁵.

* * *

В Центральном архиве ЦК ПОРП сохранились документы, о которых шла речь выше, в том числе донесение «Сталого», в котором он сообщал, что Калугин направлен в Варшаву, а также письмо, написанное членом окружкома ППР в Ченстохове «Стефаном» (то есть мною), информирующее ЦК ППР, что капитан Александрин (псевдоним Калугина) после трехдневного пребывания в Ченстохове выехал 5 января 1944 года в Берлин и что перед выездом он отправил в Крулевец (Кёнигсберг) телеграмму, в которой звал своего приятеля приехать в Ченстохов⁶. Прибывший вскоре подполковник Семен Иванович Сочкарь («Владимир») также был отправлен в Варшаву в сопровождении связного командования Ченстоховского округа Гвардии Людовой Арсениуша Хирша. Затем Сочкаря послали в Люблинское воеводство, где он был передан в распоряжение советского партизанского командования⁷.

Совершенно случайно (ибо документ этот, пройдя через руки слабо ориентировавшегося в делах архивиста, попал не в тот фонд) обнаружился также рапорт «Игнаца» руководству ППР и Гвардии Людовой на следующий после разговора с Калугиным (31 декабря 1943 года) день: рапорт содержит детали беседы с Калугиным и переданные ему указания. Первое и главное его задание звучало следующим образом: «Вернуться в Берлин для продолжения работы по всем направлениям, и прежде всего направить усилия на добывание ценной информации». С этой целью Калугин должен был восстановить все контакты и связи в штабе Власова и его непосредственном окружении. Были также определены формы связи с Калугиным⁸.

К донесению приложено письмо Калугина, написанное по-русски и озаглавленное: «Отчет о проделанной мной работе в Германии с I.I.1943 по I.I.1944 г.», в котором он давал общее описание обстановки во власовской армии, а также деятельности патриотической организации полковника Бушманова. Калугин упоминал в письме также имена ближайших пособников Власова — генералов Трухина, Малышкина, Благовещенского, Жиленкова и других предателей⁹.

В Варшаве, куда Калугин был опять привезен, его разместили на ул. Познанской, 16 (или 18), на квартире портного, члена ППР. Ожидая дальнейшего решения, Калугин выполнял некоторые задания организации; немало облегчал ему это мундир капитана РОА. Сотрудница главнокомандования АЛ Ирена Цесельска-Стшелецка («Марта») позднее взяла у него форму, которая понадобилась для акций варшавской АЛ.

В июле 1944 года Калугин был направлен в отряды АЛ на Люблинщине. Будучи в штабе округа АЛ у полковника Гжегожа Корчиньского, Калугин встретился с подполковником Иваном Бановым («Черным»), командиром советского партизанского разведывательно-диверсионного соединения, руководимого разведуправлением Генерального штаба Красной Армии. Детали их встречи не известны, известно только, что в конце июля Калугин снова оказался в Варшаве¹⁰.

Начало восстания застало его в квартире на улице Познаньской, где вскоре появились солдаты АК, кем-то, кто видел Калугина в немецкой форме, уведомленные. Он был задержан ими как «белогвардеец». Объясняя на допросе, почему носит немецкий мундир, Калугин, как он позднее утверждал, представился сотрудником разведки и предъявил советское офицерское удостоверение личности, которое якобы сумел сохранить в немецком плену.

Калугин был доставлен в штаб VII района АК (Варшава — уезд), располагавшийся на молочно-яичном комбинате по ул. Хожей, 51, откуда командующий VII округом инженер-полковник Казимеж Кшыжак («Кальвин») в первые дни восстания посылал своих солдат патрулировать район Средместья. Один из таких патрулей и задержал Калугина в доме на Познаньской.

В дневнике повстанческих действий штаба Варшавского округа АК под датой 3 августа имеется следующая запись: «2.VIII. в 18.15 явился советский парашютист капитан Калугин, хочет установить связь с большевистскими отрядами с целью наладить сотрудничество». И далее: «Кальвин... отсылает советского капитана Калугина в штаб округа»¹¹.

В специальном донесении о Калугине, составленном в последние дни восстания по указанию полковника Яна Жепецкого, начальник штаба округа подполковник Станислав Вебер («Хирург») писал: «Капитан советских войск Константин Калугин (офицер советской глубокой разведки) явился в штаб VII округа и попросил направить его к командованию АК. Командование (Главный штаб) вначале потребовало прислать его к ним через штаб округа, но после прибытия 5 августа 1944 года Калугина в штаб округа Главный штаб дал указание не направлять его к ним, а оставить у нас»¹².

Многие офицеры штаба Варшавского округа АК, включая командующего округом полковника Антония Хрусьцеля («Монтер», «Нурт»), беседовали с Калугиным. Именно тогда он и написал цитированную выше радиограмму Сталину, в которой, в частности,

просил оказать помощь повстанцам сбросами оружия, бомбардировкой аэродромов и т. п.

Существенным и открытым остается вопрос, кто же в действительности был автором этой шифрограммы. Сам Калугин после войны утверждал, что, видя героизм варшавян и зверства фашистов, очень хотел помочь измученному населению и повстанцам, тогда-то у него и родилась мысль послать телеграмму Сталину. Он подчеркивал, что никакого нажима на него с этой целью никто не оказывал¹³. Но это противоречит заявлениям, что радиограмма появилась по инициативе БИП, а конкретно полковника Жепецкого¹⁴.

Думается, что правда где-то посредине; то есть Калугин, испытывая чувство понятной солидарности с повстанцами, мог выразить готовность послать телеграмму Сталину и при этом построил элементы текста на основе данных, почерпнутых из разговоров с офицерами АК, данных, которые не мог узнать другим путем, в частности о наличии радиосвязи между восстанием и внешним миром, о потребностях повстанцев, об их дислокации с указанием пунктов для сбрасывания с самолетов оружия, причем указал эти пункты даже в отдаленных районах города, таких, как Плац Инвалидов, Плац Красиньских, о целях для советских бомбардировок (аэродромы Окенче и Беляны, мосты на Висле). Это было весьма близко по содержанию к радиограмме генерала Пелчиньского, являвшейся ответом на донесение о появлении Калугина.

Вместе с тем бесспорно, что командование АК решило использовать появление Калугина и его готовность помочь восстанию в своих политических целях, видя в нем своеобразного курьера для запоздалого завязывания контактов с советским командованием независимо от исхода шедших в Москве политических переговоров. В случае же, если бы контакты установить не удалось, можно было хотя бы создать видимость их наличия или, во всяком случае, видимость готовности командования АК к их установлению. Однако тремя днями позднее, 8 августа, командование АК отказало представителям АЛ, предлагавшим направить командование Красной Армии совместную радиограмму АК и АЛ, аргументируя это тем, что такую радиограмму штаб АК уже отправил¹⁵.

Отдел VI штаба Главнокомандующего в Лондоне немедленно вручил полученную из Варшавы радиограмму генералу Соснковскому, который еще 7 августа переслал ее начальнику британского штаба маршалу Алану Ф. Бруку, а тот — в посольство Великобритании в Москве.

Тем же путем 8 августа генерал Коморовский выслал за подписью полковника Хрусьцеля («Монтера») радиограмму маршалу Рокоссовскому, уведомлявшую: «В моем штабе находится советский офицер капитан Калугин. Прошу передать для него радиоэлементы с целью сделать возможной связь с господином Маршалом и дать этим путем возможность согласования действий»¹⁶. «Бур» известил «Монтера» об отправке радиограммы задним числом, фактически

только 11 августа. Радиограмма, принятая в тот день в штабе Варшавского округа АК, гласила: «Прому-Нурту. От Вашего имени направляю Рокоссовскому телеграмму о помощи и радиоэлементах для Калугина. Содержание сообщу позднее»¹⁷.

Стоит добавить, что в эмигрантских изданиях эта радиограмма почему-то не помещена, в них также замалчивается факт, что действительным автором радиограммы Рокоссовскому был «Бур»-Коморовский, который позднее в своих мемуарах вспоминал: «“Монтер” с моего согласия направил от себя радиограмму Рокоссовскому»¹⁸.

Британское посольство в Москве вручило послание Калугина пребывавшему в столице СССР Миколайчику, а тот в ходе беседы 9 августа передал ее Сталину¹⁹. Как вспоминал Миколайчик, Сталин заявил тогда, что Калугина не знает. 11 августа и Молотов в беседе с послом США Гарриманом подтвердил, что советские руководители не могут понять, кто такой Калугин, и намерены выслать в Варшаву своего офицера²⁰. Об этих сомнениях советской стороны Миколайчик сообщил в Лондон.

Не получив ответа советской стороны на радиограмму Калугина, главнокомандование АК затребовало его на Старое Място. После беседы с ним, в которой участвовал также шеф разведотдела (II) главнокомандования АК полковник Иранек-Осмецкий («Геллер»), в Лондон была направлена радиограмма, где командующий АК запрашивал, была ли радиограмма Калугина передана из Лондона в Москву. Он добивался, чтобы к советскому командованию обратились с требованием «ответа, определяющего цели миссии Калугина у нас»²¹. Вопреки объяснениям самого Калугина и вопреки тому, что в первой радиограмме он был назван капитаном «из группы “Черного”», здесь уже появилось подозрение, что он выполняет некую «миссию».

Заместитель начальника штаба верховного главнокомандующего генерал Станислав Татар 17 августа информировал командующего АК, что, «по мнению нашего премьера, Калугин может и не иметь полного доверия Москвы»²². Это не помешало Миколайчику в письме Сталину от 18 августа вновь сослаться на Калугина²³.

Текст телеграммы Калугина Сталину дошел и до президента Рузвельта, будучи передан 25 августа послом польского эмигрантского правительства в США Яном Чехановским в государственный департамент для президента и госсекретаря со следующим тенденциозным дополнением: «Сам этот факт доказывает, что связь с Варшавой могла бы быть легко установлена советскими военными властями, если бы Советы этого хотели»²⁴.

Можно предположить, что советские власти могли знать о Калугине как офицере из штаба Власова, где, как известно, советская разведка имела своих людей. Поэтому назойливые ссылки Миколайчика на него как на «представителя Красной Армии в Варшаве» и распространение эмигрантским правительством этой фальшивой информации в Англии и Соединенных Штатах могли

лишь углубить осторожность, проявляемую в этом вопросе советскими руководителями.

Как уже говорилось, Калугин составил радиogramму в благородном порыве, предполагая, так же как и многие другие, что восстание имеет целью оказать содействие Красной Армии в освобождении Варшавы. Он не знал об истинных политических намерениях руководителей восстания и не ожидал, что его шаг будет использован в антисоветских целях. Однако независимо от этого избранный им способ обращения к своему главному командованию не соответствовал правилам армейской субординации. Позднее в АЛ ему было поставлено в упрек то, что он недостаточно активно протестовал против попыток приписать ему роль, которую он никогда не выполнял и не мог выполнять. Кроме того, до середины августа он не имел контакта с руководством ППР и АЛ.

8—10 августа Калугин писал листовку-воззвание к воевавшим против повстанцев солдатам коллаборационистских формирований, в которой подчеркивалось, что Красная Армия вскоре разобьет гитлеровские войска. Калугин призывал власовцев, если они хотят «спастись от тяжелой и заслуженной кары» и вернуться на Родину, переходить на сторону польских повстанцев. Эта листовка, датированная 11 августа 1944 года, была напечатана на русском языке в типографии № 2 по улице Варецкой, 15, под личным наблюдением Калугина и разбросана на участках, где против повстанцев наступали власовцы и другие коллаборационисты. Подпись под воззванием звучала следующим образом: «Находящийся при польском командовании восставшего народа капитан РККА Калугин»²⁵.

Листовка с подписью Калугина не убедила власовцев перейти на польскую сторону: слишком много преступлений уже было на их совести. Вместе с тем она создавала у варшавян иллюзию, что при командовании восстания находится офицер Красной Армии, а значит, несомненно, ее представитель, и это сглаживало повсеместное недовольство командованием АК по поводу несогласованности восстания с советским руководством.

С тех пор фамилия «Калугин» сделалась известной. Этот капитан артиллерии тогда и не подозревал, что еще долгие годы будет объектом бесцеремонных махинаций виновников варшавской трагедии и их политических сторонников.

Генерал Тадеуш «Бур»-Коморовский в своих мемуарах, вышедших под заголовком «Непобежденные», изданных в 1946 году, писал: «5 августа случилось происшествие, которое, как нам показалось, будет первым шагом к установлению связи с Красной Армией. Иностранец, задержанный два дня назад и допрошенный нашей разведкой, заявил, что он капитан Константин Калугин из штаба маршала Рокоссовского. Он не имел никаких документов, кроме удостоверения личности, из которого следовало, что он является... офицером, связником группы «Черного» — советской диверсионной единицы в тылу германского фронта. Он рассказал, что он и его товарищ были сброшены на парашютах к юго-востоку

от Варшавы 15 июля. В его задачу входило установление связи с руководителем организации, готовящей восстание в Варшаве. Прибыв 1 августа в Варшаву, они во время боя АК потеряли друг друга. Поскольку радиопередатчик и шифр пропали вместе с товарищем, он оказался лишенным всякой возможности связаться со своим командованием. Он просил разрешения воспользоваться нашей радиостанцией, чтобы доложить о себе в штаб маршала Рокоссовского... предложил, чтобы полковник «Монтер» позволил выслать радиogramму прямо Сталину. Так как я не имел ни малейших сомнений в том, что премьер Миколайчик в Москве исчерпывающим образом информировал маршала Сталина о ходе боев в Варшаве, я оценил значение подтверждения ситуации советским офицером»²⁶.

Позднее, в 1952 году, «Бур»-Коморовский давал уже иную версию событий: «Наши солдаты на Средместье задержали некоего человека, который упорно выспрашивал, где находится польский командующий. Он был отведен в штаб «Монтера», где его немедленно допросил офицер разведки... Калугин вынул зашитое в угол красного носового платка, который достал из кармана, микроудостоверение личности. Через увеличительное стекло можно было прочесть, что он, капитан Калугин, офицер советской разведки из группы «Черного»»²⁷.

Таким образом, «иностранец, задержанный в центре города и допрашиваемый нашей разведкой», через шесть лет превратился в «человека, который настойчиво выспрашивал, где находится польский командующий».

В другом лондонском издании утверждалось, что «4 августа к командующему округа явился офицер советской разведки, который предъявил удостоверение на имя капитана Красной Армии Константина Калугина»²⁸.

Эмигрантский историк даже написал, что Калугин был «задержан 3 августа при невыясненных обстоятельствах на Средместье, доставлен в штаб Хрущеля, поверхностно там допрошен (имел удостоверение, но не располагал «полномочиями») — и так умело повел беседу, что скоро сумел убедить согласиться на его дружеское посредничество»²⁹.

Наиболее, казалось бы, информированный штабист, начальник II отдела главнокомандования АК полковник Казимеж Иранек-Осмецкий с большим апломбом, но неправдиво заявил, что Калугин выдал себя в штабе «Монтера» за парашютиста, сброшенного под Варшавой, и «действительно являлся официальным посланцем и должен был выполнить определенные задачи»³⁰.

Как объяснить эти противоречия? Ясно только, почему был задержан Калугин. Возможно, что после первого допроса, выяснившего, что он советский офицер, было решено представить его пребывание в штабе АК как «добровольную явку». Таким образом, Калугин вскоре получил возможность передвигаться по ближайшим окрестностям в сопровождении, впрочем, офицера разведки АК.

Труднее понять, однако, для чего понадобилось столько противоречивых версий, распространявшихся «Буром»-Коморовским и его ближайшими сотрудниками: что Калугин якобы «представитель маршала Рокоссовского», «офицер-связник группы “Черного”», «парашютист», задачей которого было «установление связи с руководителем организации, готовящей восстание в Варшаве». В соответствии с последней версией Москва уже до 15 июля знала о восстании, которое должно было быть поднято в Варшаве, — то есть тогда, когда о нем не знал никто, даже его организаторы.

Возможно, Калугин рассказал офицерам АК о своем пребывании в советском отряде “Черного” в районе Люблина. Можно даже предположить, что, опасаясь, как бы его не приняли за немецкого шпиона, Калугин мог сказать, что сотрудничает с отрядом полковника «Черного». Но все другое, включая попытки выдать его за представителя маршала Рокоссовского, — очевидная мистификация, придуманная уже после восстания. Ни один документ АК периода восстания, сообщающий о Калугине, такой информации не содержит. Кроме того, невероятно, чтобы он имел удостоверение офицера разведки из группы «Черного»³¹.

Ввиду того, что Калугин штабом восстания был «признан» в качестве советского офицера связи, т. е. нечто вроде «военного атташе», ему была предоставлена относительная свобода передвижения. Для сопровождения ему выделили офицера АК инженер-капитана Станислава Богуславского («Кораба») ³². Они отправились на упомянутую уже квартиру ППР на ул. Марианьской, где Калугин узнал, что штаб АК находится на Старом Мясте.

Затем по распоряжению «Бур»-Коморовского Калугин по сети подземной канализации был переправлен со Средместья на Старое Място. Сохранилась радиограмма «Бур» «Монтеру», переданная 14 августа в 19.10: «Выслан ли к нам Калугин? Если нет, доложите, дайте описание»³³.

В ответ полковник Хрусьцель 15 августа подтвердил: «Калугин ушел вчера в 14.00... После первых дней сомнения я начинаю ему доверять»³⁴. Действительно, капитан вызывал доверие своей открытостью, даже какой-то прямолинейностью (в том числе и у пишущего эти строки).

На этом переходе Калугина вел проводник службы связных АК «Подземный», а также связная главного штаба АК «Хильда», наблюдавшая за поведением Калугина.

По прибытии на Старое Място Калугин попросил в главном штабе АК проводить его в штаб Армии Людовой. Юзеф Сенк-Малэцкий, исполнявший тогда обязанности начальника главного штаба АК, располагавшегося на ул. Фрета, 16, вспоминал, что Калугина привели утром 16 августа. «Он представился нам в качестве капитана Калугина, офицера советской армии, посланного для установления контакта с командованием восстания. На наш вопрос, какие задачи поставлены перед ним, мы получили не слишком вразумительное объяснение, что он был послан еще до восстания,

а не в связи с восстанием. ...Руководство ППР и командование АЛ решило перебросить на Средместье группу людей для командования тамошними отрядами АЛ, а также выяснения подробностей по делу капитана Калугина»³⁵. Впрочем, недоверчивость майора Малэцкого можно понять, тем более, что перед восстанием он возглавлял отдел снабжения при главнокомандовании АЛ и мог быть не в курсе контактов Калугина с другими ячейками ГЛ и АЛ. Несмотря на это, командование АЛ пришло тогда к убеждению, что командование АК не имеет связи с советской стороной, но делает вид, что имеет, используя фиктивного представителя, который в свою очередь отрицает, что имеет такую связь.

В этот же день командование АЛ обратилось к командиру АК на Старувке полковнику Каролю Земскому («Вахновскому») с просьбой пропустить группу АЛ по подземным канализационным ходам на Средместье. Полковник Земский поставил это в зависимость от согласия главного штаба АК. Наконец, несмотря на различные трудности, 16 августа вечером каналами на Средместье отправились майор «Сенк», Ирена Цесельская-Стшелецкая-«Марта», поручик Анджей Вебер, Тадеуш Гонсёровский, а также капитан Калугин.

Всю ночь, пока они шли по каналам со Старого Мяста, за Калугиним бдительно следили глаза и уши «Хильды». Позднее она докладывала: «Во время многочасового ожидания разрешения на спуск в каналы я заметила, что Калугин:

- 1) вел пропаганду среди лиц из АК, расхваливая советские порядки (доступность просвещения, высшего образования, высокий уровень науки);

- 2) называл имена и адреса женщин, занимавших его разговором, среди прочих — связной АЛ «Марты» (которую Калугин называл Ира) и женщины, работающей на улице Даниловичевской (по фамилии Пшчулковская, мать у нее русская).

- 3) расспрашивал об отношениях в Польше»³⁶.

Еще перед выходом группы, 15 августа, полковнику «Монтеру» были высланы инструкции генерала «Бура».

«Пром — Нурту. С капитаном Калугиним на Средместье отправляется делегация АЛ. Возможно, они будут оказывать на вас давление, чтобы вы передали в Россию радиограмму с просьбой оказать помощь Варшаве. Объясните им, что 8.VIII вы уже направили такую депешу маршалу Рокоссовскому от себя и от имени всех сражающихся. Содержание этой депеши вам известно, мы переслали ее вам для сведения»³⁷.

На следующий день к «Монтеру» пришла уже иная инструкция о капитане Калугине, подписанная «Робаком» — генералом Пелчиньским, начальником штаба главнокомандования АК, в которой предписывалось, в частности: «Не допустите, чтобы он ускользнул от Вас, если же захочет передвигаться по городу, дайте офицера сопровождения. Не допускайте никаких его контактов с посторонними людьми, даже с теми, которых он привел с собой со

Старого Мьяста. 15.VIII. Обращайтесь с ним очень вежливо»³⁸.

Автором этой инструкции фактически был полковник Иранек-Осмецкий-«Геллер», начальник II отдела главнокомандования АК; в одном из донесений АК имеется упоминание, что «Геллер» поручил II отделу «Нурта» (Варшавского округа АК) следить за ним (Калугиным), так как он хитрец, причем опасный»³⁹.

Штаб округа быстро исполнил вышеупомянутые директивы. Через час после возвращения Калугина со Старого Мьяста ему было вручено следующее письмо командующего Варшавским округом АК полковника Антония Хрусьцеля («Монтера»): «Господин капитан Красной Армии Калугин:

1) ввиду того что по прошествии 10 дней со времени отправки Вашего сообщения в Москву на него нет никакого ответа и Ваша официальная миссия при моем штабе ни Москвой, ни маршалом Рокоссовским не подтверждена, я перестаю рассматривать Вас в качестве официального представителя Красной Армии вплоть до подтверждения этого;

2) в связи с этим до момента выяснения я ограничиваю свободу Вашего передвижения и действий в районе боев, которым командую, следующим образом:

а) Вы будете находиться при моем штабе и покидать его можете только с моего согласия;

б) со своей стороны я буду требовать выяснения Вашей миссии»⁴⁰.

В тот же день Калугин письменно ответил коменданту Варшавского округа АК. Сохранился оригинальный рукописный экземпляр этого письма, написанного по-русски:

«На Ваше отношение от 17.VIII.44., 6.00, считаю нужным ответить следующее: я не считал себя и не считаю официальным представителем при командовании АК в г. Варшаве, так как на это я не имел никаких полномочий или указаний ни от Советского правительства, ни от Генерального штаба РККА. Вторично ставлю Вас в известность, что я являюсь разведчиком глубокого тыла противника одной из частей РККА. По ряду причин, не зависящих от меня, я вынужден был задержаться в г. Варшаве...»⁴¹

Ввиду ухудшавшегося положения восстания 22 августа к полковнику Хрусьцелю направилась делегация ППР и АЛ в лице Юзефа Малэцкого и Рышарда Стшелецкого. Они настаивали, что «установление непосредственного контакта со сражающейся за Вислой Красной Армией является необходимостью и решающим фактором для судеб восстания и Варшавы... Из этого ясно следует, что уже сегодня надлежит немедленно сделать все для установления непосредственного контакта с командованием Красной Армии за Вислой. Мы готовы в любую минуту направить совместно с АК делегацию, которая бы установила такой контакт... Я изложил ему наш взгляд на роль Калугина, подчеркнув, что мы не согласны с разыгрываемой им ролью связного штаба Рокоссовского, как его представил населению главный штаб АК и как это повсеместно

было воспринято повстанцами... Выдавать Калугина за представителя Красной Армии — пагубный шаг, поскольку он сеет, вопреки очевидным фактам, иллюзии, что связь установлена. Тем самым штаб АК способствует изоляции восстания». Полковник «Монтер» признал, что относительно Калугина он тоже имеет определенные сомнения, а вопрос о посылке делегации для установления контакта с Красной Армией должны решить высшие власти⁴².

В это время усилились антисоветские выпады в органах печати пролондонской ориентации. Калугин, глубоко задетый этим, 24 августа направил командующему округом АК письмо, в котором резко протестовал против несправедливых обвинений в адрес СССР о якобы враждебных намерениях по отношению к Польше: «В настоящее время вблизи Варшавы сотни тысяч бойцов и командиров Красной Армии ведут ожесточенные бои против немцев, чтобы поскорее оказать помощь героическому народу Варшавы, который мужественно и храбро сражается с гитлеровскими поработителями... Прошу Вас, господин командант, повлиять своим авторитетом на ответственных работников вашей прессы, чтобы таковые в дальнейшей своей работе способствовали укреплению развивающейся дружбы между польским народом и народами СССР»⁴³.

Как и объяснительная записка Калугина от 17 августа, это его заявление было оставлено без внимания, однако 31 августа «Бюлетьн информацийны» под крупным заголовком «Несколько документов по вопросу российской помощи борющейся Варшаве» опубликовал ряд депеш, которые должны были свидетельствовать о доброй воле лидеров эмиграции и восстания. В числе прочих там был помещен и текст телеграммы Калугина Сталину⁴⁴. Таким образом, руководители восстания сознательно вводили общественность в заблуждение, в том числе и относительно личности Калугина. Та же самая лживая аргументация приводилась и в различных публичных заявлениях эмигрантского польского правительства на Западе⁴⁵.

Там до сего дня не отказались от сознательной циничной дезинформации относительно личности Калугина. Ян Новак-Езераньский (бывший шеф польской секции радио «Свободная Европа») пишет о нем как об офицере «глубокой разведки Красной Армии, который был за две недели до своего появления сброшен в немецком тылу с радиостанцией и радистом»⁴⁶.

Профессор одного из калифорнийских университетов в работе, предназначенной для англосаксонского читателя и рекомендованной для всех библиотек США, также утверждает, что «с начала восстания при руководстве восстанием находился русский офицер капитан Калугин». И далее он без комментария приводит текст радиограммы «Бура»-Коморовского от 14 августа, причем с ошибочной датой 14 сентября 1944 года⁴⁷.

На основе разных эмигрантских публикаций версию о «посланце», подхватив, приняли на веру многие западные авторы, пишущие о восстании⁴⁸.

* * *

В первые дни сентября Калугин прервал контакты со штабом округа АК и перебрался в штаб-квартиру АЛ на улице Вспульной, 9, а позднее на улице Вильчей, 8. Тем самым он перестал быть предметом интереса и опеки работников контрразведки АК, которой они окружали его в соответствии с инструкциями генерала Пелчиньского и полковника Иранека-Осмецкого. До этого им занимался разведывательный отдел штаба округа. Шеф контрразведки Винценты Квечиныйский («Д-3») 23 августа доложил начальнику II отдела штаба округа, что «в результате наблюдения, слежки и подслушивания лично за Калугиным и его людьми с 15.VIII по 23.VIII.44 следует со всей определенностью заключить, что К. является советским агентом в районе всех действий АК». По мнению Квечиныйского, Калугин якобы имел задание взять под «контроль все планы штаба АК, стратегическую и тактическую обстановку». ⁴⁹

«Д-3» далее раскритиковал штаб округа АК за создание Калугину «возможности свободного передвижения по расположению главного штаба и территории Варшавы без каких-либо ограничений. Это создает видимость, что К. является военным атташе при штабе АК... Подозреваю, что К. может иметь еще и контакты с немецкой разведкой, во всяком случае с немецкими коммунистами».

Эти и другие обвинения не были подкреплены никакими конкретными фактами.

Работники контрразведки АК «вскрыли», например, что официальный организационный пункт АЛ по ул. Марианьской, 5, несомненно, является «явкой, назначенной К. (Калугину) его властями», «главным пунктом, центром, куда он собирает своих людей из других пунктов, давая им директивы, указания, и получает информацию... В квартире по улице Марианьской он имеет в своем распоряжении типографию».

По сути дела говоря, во второй половине августа там официально функционировала типография газеты АЛ «Армия Людова».

«Детективы» из контрразведки «открыли» и то, что Калугин контактирует также с майором «Сенком» из АЛ и другими людьми из ППР, АЛ, ПАЛ, а также офицерами АК. В числе подозреваемых в том, что вместе с Калугиным готовят проскрипционный список «лиц, враждебно относящихся к коммунизму», оказались даже «Адам II», начальник лагерей военнопленных АК, по мнению контрразведчиков, лицо «с весьма демократичными убеждениями», офицер главного штаба АК Зыгмунт Зеньч и группа АК им. Килиньского, причем была обнаружена «сильная инфильтрация коммуны в эту группу» ⁵⁰.

Рапорт, обширный и детальный, снабженный шестью приложениями, свидетельствует о том, что в слежке за Калугиным и контактирующими с ним людьми нашел занятие весьма большой штат работников контрразведки АК — и это в то время, когда повстанцы вели кровопролитные бои на баррикадах. Что еще более красноречиво может свидетельствовать о политической атмосфере, господствовавшей в этом аппарате?

Необходимо, однако, признать, что командование Варшавского округа АК не слишком-то задумывалось над подобными «открытиями», доставляемыми «двойкой» — отделом II. В штабе лучше понимали политические выгоды появления на улицах Средместья так называемого советского представителя при штабе АК. В итоговом рапорте на тему Калугина полковник Вебер («Хирург») проигнорировал «заклучения» контрразведки. Он только отметил, что «между 15 и 30 августа активность Калугина снизилась. На его предложение выслать еще одну депешу комендант округа не согласился. 1 сентября Калугин ушел с места нашей дислокации в ПКО и перебрался южнее аллеи Сикорского в штаб АЛ. Только при подходе большевиков к предместью Прага он обратился к «Славбору», что хотел бы перейти на другую сторону, чтобы доложить советскому командованию нашу ситуацию. После инструктажа у коменданта округа 15.IX.44 он отправился через Мокотув с нашим офицером связи на восточную сторону. Первое сообщение о том, что они дошли, мы получили 20.IX.1944»⁵¹.

В общих чертах это соответствовало действительности. Во всяком случае, стоит подчеркнуть, что в этом донесении нет таких домыслов, какие распространялись потом руководителями главного штаба АК.

Переброска Калугина на пражский берег была произведена через Мокотув, а затем Чернякув, в группе офицеров АК и АЛ под руководством шефа оперативного отдела штаба V района АК капитана доктора наук Альфреда Пачковского («Вани»). В ночь на 20 сентября они переправились на плоскодонной лодке на Саскую Кемпу⁵², через несколько часов оказавшись в штабе 1-й армии Войска Польского. В списке офицеров, которые «пересекли линию фронта в ночь с 19 на 20.IX.1944 года с целью установления связи со штабом маршала Рокоссовского», однако, отсутствует фамилия Калугина, что позволяет предположить, что он как офицер Красной Армии был сразу же передан советским военным властям⁵³.

Дальнейшая судьба Калугина оставалась много лет неизвестной. Вокруг его личности строились разные версии, распространявшиеся эмигрантскими авторами, а также опиравшимися на них публикациями западных авторов. Стоит процитировать содержащийся в работе западногерманского автора интересный, хотя и не соответствующий истине фрагмент донесения офицера разведки (IC) немецкой 9-й армии от 17 октября 1944 года, который, ссылаясь на данные, поступившие от агентов, утверждал, что 12 октября отряд АЛ численностью до роты под командованием «советского офицера-связника капитана Калугина, одетого в гражданское, выбрался из Варшавы, достиг района Мцонова и направился в сторону Гур Свентокшижских»⁵⁴.

В публикациях внутри страны преобладали более близкие к правде версии, за исключением опубликованной в эмигрантской «Газете людовой» информации о Калугине как «посланце маршала Рокоссовского», «парашютисте, сброшенном 15 июля под Варша-

вой», схожей с видеоизмененной версией «Бура»-Коморовского от 1946 года⁵⁵. Автор данной книги выступил с открытым письмом по этому вопросу⁵⁶.

Некоторые мемуаристы, а также журналисты полагали, что Калугин по прибытии на пражский берег был немедленно расстрелян «за предательство и сотрудничество с немцами»⁵⁷.

Правда о судьбе Калугина известна от него самого. По прибытии на Прагу он был доставлен в штаб 1-й армии Войска Польского, где с ним беседовал генерал Берлинг. Затем его отвезли машиной в Люблин. Там он рассказал о своей деятельности генералу Николаю Булганину, бывшему тогда представителем Советского правительства при ПКНО. Затем им занялась контрразведка. Его доставили в Москву и отдали под трибунал, он был осужден на 10 лет заключения, вероятно, за службу в армии Власова⁵⁸. После смерти Сталина он был реабилитирован в какой-то мере благодаря показаниям польских граждан, допрошенных в 1966 году по просьбе Генеральной Прокуратуры СССР⁵⁹. Он вернулся в родной Донбасс к своей профессии инженера-строителя.

В марте 1968 года во время визита в Москву Игнация Логи-Совиньского, тогда председателя Центрального Совета профсоюзов ПНР, Калугин с ним встретился, узнав о его приезде из публикаций в советской печати. Ему было уже за 50 лет, но выглядел он молодо для своего возраста. В беседах с ним участвовал также Ян Птасиньский. То, что рассказал им Калугин, позволило подтвердить и уточнить многие факты, о которых здесь шла речь⁶⁰.

¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 72, 73.

² SA KC PZPR, t. 203/III-73. Отчет о проделанной мной работе в Германии за период с 1.I.1943 по 1.I.1944.

³ J a n i k o w s k i M. Próba tamtych dni. Warszawa, 1964, s. 241-246.

⁴ Centralne Archiwum Wojskowe, t. 62/53/188.

⁵ Там же.

⁶ SA KC PZPR, t. 191/III-2, s. 55, рапорт № 11 от 1.I.1944 (дата неточна, поставлена позднее. Должно быть 27 или 28.XII.1943); т. 390/1-6, к. 15, 16; дополнительный рапорт ОК ППР Ченстохова (около 5.I.1944), подпись: «Стефан» (Рышард Назаревич).

⁷ SA KC PZPR, t. 190/1-6, s. 31-35, письмо «Владимира» к «Игнацу» (Игнацу Логе-Совиньскому).

⁸ SA KC PZPR, t. 203/III-79, к. 42-44, рапорт от 31.XII.1943, подпись: «Игнац».

⁹ Ibid., к. 43, 44. Об этих же приближенных Власова см.: В а с и л ь е в А. В час дня, Ваше превосходительство...

¹⁰ Запись беседы Яна Птасиньского с Калугиным, состоявшейся 4.III.1968 г. в Москве. Запрос автора у ген. Банова не принес результатов.

¹¹ P r z y g o Ń s k i A. Z problematyki... Op. cit., s. 215, 216.

¹² WIH, т. III/40/40, к. 19; Meldunki sytuacyjne «Montera». Op. cit., s. 108, 109.

¹³ Запись беседы Яна Птасиньского.

¹⁴ P r z y g o Ń s k i A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. I, s. 392-395; tegoż. Armia Ludowa w powstaniu warszawskim na Starym Mieście, WPH, 1965, № 3, s. 135; polemizował с ним. R z e p e c k i K. WPH, 1966, № 1, s. 428.

¹⁵ P r z y g o Ń s k i A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. I, s. 388.

¹⁶ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 77.

¹⁷ WIH, т. III/40/41, к. 2.

- ¹⁴ B ó r-K o m o r o w s k i T. Op. cit., s. 261.
- ¹⁹ Протокол переговоров в Москве 9.VIII.1944, см. Sprawa polska... Op. cit., s. 562.
- ²⁰ S i e m a s z k o Z.S. Op. cit., s. 18-19; B a b i Ń s k i W. Przyczynki his oryczne. Op. cit., s. 392.
- ²¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 119.
- ²² Ibid., s. 177.
- ²³ Dokuments... Op. cit., vol. II, s. 352.
- ²⁴ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 198.
- ²⁵ WIH, t. III/40/41, k. 16-18, wspomnienia M. Rutkowskiej-Mejeewskiej; Ludność suwilna... Op. cit., t. I, s. 139.
- ²⁶ K i r c h m a y e r J. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 274.
- ²⁷ B ó r-K o m o r o w s k i T. Op. cit., s. 259.
- ²⁸ PSZ, Op. cit., t. III, p. 831.
- ²⁹ Pobóg-Malinowski W. Op. cit., s. 692.
- ³⁰ «Orzeł Biały», Londyn, 1959, № 916. Подобную же версию выдвигал Т. Пелчинский, Op. cit., s. 14.
- ³¹ Западногерманский историк (K r a n n h a l s H. Op. cit., s. 170) считает Калугина офицером советской разведки при коммунистической ПАЛ («Чарный»). Он, видимо, читал где-то, что командующим ПАЛ был «Чарный» — инженер Генрик Боруцкий и спутал его с «Черным», а заодно и делает из ПАЛ коммунистическую организацию.
- ³² Zeszyty Historyczne, Paryż, 1970, z. 17, s. 236.
- ³³ WIH, t. III/40/41, k. 3.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ S ę k-M a ł e c k i J. Armia Ludowa w powstaniu warszawskim. Warszawa, 1962, s. 92-93.
- ³⁶ WIH, t. III/40/41, k. 12, секретный рапорт «Hildy» z «Rebeki 49».
- ³⁷ Ibid., k. 9.
- ³⁸ Ibid., k. 8.
- ³⁹ K i r c h m a y e r J. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 275.
- ⁴⁰ WIH, t. III/40/41, k. 14.
- ⁴¹ Ibid., k. 21.
- ⁴² S ę k-M a ł e c k i J. Op. cit., s. 100-101.
- ⁴³ WIH, t. III/40/41, k. 2. В газете «Армия Людова» № 28 от 30.VIII.1944 была опубликована статья Калугина аналогичного содержания.
- ⁴⁴ Biuletyn Informacyjny, № 68, 31.VIII.1944.
- ⁴⁵ В т.ч. в лондонской «Times» 12.IX.1944 со ссылкой на «польские правительственные круги»; B a b i Ń s k i W. Przyczynki historyczne... Op. cit., s. 439.
- ⁴⁶ N o w a k J. Op. cit., s. 332, 421.
- ⁴⁷ Z a w o d n y J. K. Op. cit., s. 188, 237.
- ⁴⁸ A t h o l l K. The Tragedy of Warsaw and its Documentation. London, 1945, s. 14-15; B r u c e G. The Warsaw Uprising. London, 1972, s. 133-134.
- ⁴⁹ WIH, t. III/40/41, k. 20, 24-27, рапорт «D-3» (por. Wincenty Kwieciński) do «D-I» (mjr Henryk Trojańczyk) z 23.VIII.1944; письмо Квечиньского. — Polityka, 1974, № 31.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ WIH, t. III/40/41, k. 19.
- ⁵² B a r t e l s k i L. Mokotów 1944. Warszawa, 1972, s. 508-510; P a c z k o w s k i A. Lekarz nie przyjmuje. Warszawa, 1981, s. 259-260.
- ⁵³ M a r g u l e s J. Op. cit., s. 238, 365.
- ⁵⁴ K r a n n h a l s H. Op. cit., s. 169-172.
- ⁵⁵ Gazeta Ludowa, 5.VIII.1946.
- ⁵⁶ N a z a r e w i c z R. Prawda o kpt. Kaługinie. — Głos Ludu, № 218, 10.VII.1946; Rzeczpospolita, № 217, 9.VII.1946; Polska Zbrojna, № 189, 10.VII.1946; tego że, Mechanizm fałszywej legendy. — Polityka, № 31 i 32, 3 i 10.VIII.1974.
- ⁵⁷ P a c z k o w s k i A. Op. cit., s. 259.
- ⁵⁸ Запись беседы с Калугиним Яна Птасиньского.
- ⁵⁹ Акта Generalnej Prokatury PRL, № 269/66.
- ⁶⁰ Донесения Logi-Sowińskiego, J.Ciesielskiej-Strzeleckiej, J.Ptasińskiego, A.Webera и др.

Часть III

ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 8. Кризис восстания

В конце августа — начале сентября сражавшаяся Варшава оказалась в критической ситуации.

Овладев городскими районами Воля и Охота, гитлеровцы 2 сентября окончательно заняли Старое Место, ломая упорное сопротивление его защитников. Гарнизон защитников Старого Места, насчитывающий около 7200 бойцов, благодаря огромному мужеству и стойкости терпящих страдания варшавян отбивал атаки почти двукратно превосходящего по численности корпуса фон дем Баха, поддерживаемого танками, артиллерией и бомбардировочной авиацией. Подземными канализационными ходами удалось вывести в район Средместья 1500 вооруженных и около 3 тыс. невооруженных солдат АК и АЛ; в район Жолибожа — около 800. В неравном бою полегло около 3 тыс. повстанцев. Всего же в результате боевых действий и варварских бомбардировок, а также массовых расстрелов погибло около 40 тыс. жителей Старого Места¹.

В результате ожесточенной атаки гитлеровцев после полудня 2 сентября на район Садыба повстанцы были вытеснены в район Чернякува. 6 сентября немцы овладели районом Повисле до линии улицы Новый Свят. Таким образом, был почти исполнен план немцев — отсечь восставших от Вислы, самим получить свободный доступ к ней. Освободившиеся после захвата этих районов силы неприятель мог бросить на ликвидацию оставшихся очагов восстания: Средместья, Жолибожа, Мокотува и Чернякува, и прежде всего на отсечение их от Вислы. В результате пополнения численность немецких сил, участвующих в боях с повстанцами, несмотря на серьезные потери, возросла до 24 тыс. человек. Они получили приказ ускорить и активизировать действия по подавлению восстания в связи с осложнением ситуации на фронте, вызванным прежде всего возрастающим натиском правого крыла 1-го Белорусского фронта на подступах к Праге.

Несмотря на сильное сопротивление фашистов, советские войска 26 и 27 августа форсировали Буг и наступали в направлении низовьев Нарева; 30 августа они вновь овладели Радзимином и подошли к Воломину. Угроза взятия ими предместья Прага стано-

вилась все более реальной, и немецкое командование понимало это. В дневнике действий 9-й армии вермахта подчеркивалось, что 1 и 2 сентября «противник продолжает массированное наступление по обе стороны шоссе Радзимин — Варшава. Уничтожено 47 танков противника. Противник не отказался от планов прорваться к Варшаве, (...) До того как удастся полностью подавить восстание в Варшаве, этот прорыв следует предотвратить любой ценой, в противном случае противник может захватить плацдарм на западном берегу Вислы. Упорные попытки противника прорвать фронт около Радзимины, несомненно, имеют связь с обстановкой в Варшаве. Поэтому наша оборона восточнее города должна устоять, пока весь левый берег Вислы не будет в наших руках»².

Военные операции гитлеровцев сопровождалась попытками склонить повстанцев к капитуляции. Командующий войсками, участвующими в подавлении восстания, группенфюрер СС и генерал полиции Эрих фон дем Бах, а также командование 9-й армии вермахта убедились, что используемые до сих пор способы сломить сопротивление Варшавы путем полного разрушения города и истребления населения в соответствии с приказом Гитлера достигли обратного результата, укрепив решимость поляков и усилив их отпор. Исходя из этого, фон дем Бах, ответственный перед высшими властями «третьего рейха» за подавление восстания, признал целесообразным сократить количество расстрелов, ограничив массовое уничтожение женщин, детей, других мирных граждан — их начали вывозить в концентрационные лагеря. Однако расстреливались и дальше захваченные повстанцы как «бандиты». Эта практика была утверждена приказом шефа Главного управления безопасности рейха Эрнста Кальтенбруннера от 26 августа³.

В соответствии с планом ликвидации восстания путем вынуждения восставших капитулировать фон дем Бах направил 18 августа письмо «К командующему польскими повстанцами» с предложением сложить оружие, прекратить сопротивление и предотвратить «напрасное кровопролитие ни в чем не повинных детей и женщин», заверяя, что после капитуляции в соответствии с Женевской конвенцией повстанцы будут рассматриваться как военнопленные. Все население должно быть удалено из города⁴.

Письмо осталось без ответа.

Параллельно с атаками и бомбардировками немецкое командование вновь и вновь возобновляло предложения о капитуляции, склоняя к посредничеству в этом вопросе варшавского архиепископа, поляков—представителей Рады Глувной Опекунчей (РГО) и Польского Красного Креста, а также командующего 2-м венгерским корпусом генерала Витеза Ваттай⁵.

После овладения Старым Мясом администрация генерал-губернаторства была почти уверена в победе. На заседании у губернатора Ганса Франка в Кракове 4 сентября 1944 года обсуждалось предложение «близких РГО кругов», хлопочущих о том, чтобы пленны повстанцы приравнивались к военнопленным, и о

прекращении разрушения города и уничтожения населения. Фашистские власти, однако, потребовали капитуляции, угрожая, что в противном случае «остальные повстанцы будут ликвидированы в течение 8 дней». Франк подчеркнул, что, «если даже в Варшаве возникла бы необходимость расстрела всех повстанцев», это не считалось бы «актом мести». Одновременно он считал необходимым провести ряд демаршей, например преобразовать РГО в Польский Национальный комитет, который бы был призван «декларировать свою антибольшевистскую ориентацию»⁶.

Главное, что заставляло немцев обещать «хорошее обращение» со сдавшимися, были соображения отнюдь не гуманистические: массовые злодеяния вопреки обещаниям не прекратились — это были нестигаемая сила сопротивления восставших и все усиливавшийся натиск Красной Армии к востоку от Праги и связанная с ним возможность прорыва к Варшаве. «Поляки сражаются фантастически, — признал фон дем Бах, — пленные абсолютно уверены в победе, с убежденностью ожидают быстрого прорыва русских и усиленной помощи союзников с воздуха»⁷.

Те же самые факторы обусловили готовность немцев признать варшавских повстанцев комбатантами, прежде чем Великобритания и Соединенные Штаты (29 августа) официально признали АК союзнической армией, одновременно угрожая немцам карами в случае невыполнения ими международных военных норм обращения с пленными⁸. Это подтвердил через несколько дней представитель немецкого МИД, а 7 сентября Гитлер приказал призвать повстанцев к капитуляции «в ультимативной форме», пообещав, что они будут считаться военнопленными. Но 8 сентября Гиммлер в телеграмме фон дем Баху приказал направлять пленных в концентрационные лагеря, а сдавших женщин и детей отправлять на принудительные работы в Германию⁹.

Независимо от декларирующей гуманность обещаний и распоряжений с гражданским населением и повстанцами обращались зверски. После взятия Старого Мьяста гитлеровские формирования расправились с ранеными повстанцами, оставленными в подвалах госпиталей, а также с больными, стариками и другими гражданскими лицами, не годными по состоянию здоровья к транспортировке в концентрационные лагеря.

В то же время немецкое командование в листовках, разбрасываемых с самолетов, заверяло варшавян, что они останутся живы в случае капитуляции или перехода на немецкую сторону с белыми платками в руках. Руководители восставших не возражали, чтобы гражданское население покинуло районы восстания, но предупреждали его о риске. Под покровительством Польского Красного Креста в то время Варшаву покинуло около 25 тыс. человек¹⁰.

Положение восставшей Варшавы после падения Старого Мьяста главнокомандующий АК генерал Коморовский оценил так: «Дух солдат боевой, население страдает от нехватки продуктов питания,

воды, одежды и от антисанитарии. Настроение его падает и зависит от степени надежды на скорое окончание борьбы или увеличение помощи». Он подчеркнул, что «решил оборонять Варшаву до границ возможного»¹¹.

Горькую решимость повстанцев выражало в то время потрясающее стихотворение поэта Збигнева Ясиньского, заключавшееся словами «Требуем боеприпасов», опубликованное в последние дни августа¹².

Положение гнездившихся в подвалах варшавян, измученных бомбардировками, обстрелами, отсутствием воды и электричества, стало невыносимым. 6 сентября главнокомандующий АК докладывал в Лондон, что «ситуация близка к кульминации. Гражданское население переживает кризис, который может оказать решающее влияние на сражающихся (...). Если к вышесказанному добавить, что боеприпасы почти исчерпаны, получится полная картина становящейся с каждым днем и часом все тяжелее нашей борьбы»¹³. Не менее драматичной была оценка коменданта Варшавского округа АК генерала Альбина Скорчиньского («Лаша»): «Уничтожаемое гражданское население, героически помогавшее нам в первые недели восстания, не видя конца своим мучениям, утратило веру в целесообразность нашей акции и находится на пределе терпения. С его стороны наблюдаются проявления враждебности по отношению к бойцам и руководству, как военному, так и гражданскому». Подчеркивая, что такие настроения передаются и солдатам, о чем свидетельствуют случаи дезертирства, генерал Скорчиньский подчеркивал, что «существует серьезное опасение, как бы в течение ближайших дней дальнейший ход боев и их окончание не произошли против воли командиров»¹⁴.

Обозреватель БИП сетовал, что жители Средместья скептически относятся к оптимистическим прогнозам представителей властей и выражают пожелание «скорейшего окончания восстания, связывая это с надеждой на быстрое овладение Варшавой советскими войсками»¹⁵.

Отрицательно сказывались на настроениях населения злоупотребления ряда лиц из раздутого административного аппарата Делегатуры эмигрантского правительства и его полиции — ПКБ (Паньствовы Корпус Беспеченьства).

Они стали пристанищем разных личностей, уклоняющихся от участия в боях, перекладывающих трудные и опасные обязанности на плечи других, особенно повстанцев. Как утверждалось в донесении штаба округа АК, гражданские власти «не нашли должного подхода к общественности... особенно было подорвано доверие к гражданским властям деятельностью ПКБ»¹⁶. Командующий восстанием дал аналогичную оценку и деятельности жандармерии АК, которая «стиль поведения и обращения с населением унаследовала от немецкой жандармерии. Сеяли возмущение, допускали кражи именно те, кто был обязан заботиться о порядке!»¹⁷. Конечно, в докладах приводились также и положительные факты деятель-

ности администрации и разного рода служб, самоотверженно выполнявших свои обязанности. Однако прежде всего массовый героизм повстанцев, а также беспримерное самопожертвование населения сделали возможным дальнейшее сопротивление, не смотря на превосходство врага.

Анализ обстановки в период кризиса восстания показывает, что в то время существовала возможность трех решений:

1. Пытаться выжить, продолжая восстание, в надежде на обеспечение с воздуха оружием, боеприпасами и продуктами, вплоть до краха и капитуляции Германии.

2. Капитуляция восстания: плен для солдат, сдача гражданского населения на произвол врага.

3. Активное взаимодействие с Советской Армией и народным Войском Польским с целью быстрее освобождения столицы.

Надежда на **первый** вариант поддерживалась ободрениями эмигрантских властей, действующих в тесном контакте с британским правительством. Последнее обещало помощь Варшаве с воздуха, ставя ее в зависимость от технических и погодных условий, а также от согласия СССР на проведение челночных операций, то есть связанных с посадками самолетов на советских аэродромах. В начале сентября в связи с быстрым продвижением англо-американских войск на Западном фронте британская разведка, а также генеральный штаб и «Форин оффис» сочли, что конец «третьего рейха» очень близок. Сообщая об этом мнению в Варшаву, генерал Соснковский радовал, что «достигнутые к настоящему времени военные успехи союзников настолько стремительны, что следует считаться с возможностью окончания организованного военного сопротивления немцев на этой линии (Зигфрида) через несколько недель»¹⁸. Эмигрантское правительство и руководство восстанием рассчитывали на скорую капитуляцию Германии на западе, при одновременном удержании немецкой армией Восточного фронта. В таком случае Варшава была бы освобождена армиями западных союзников. Эти надежды перечеркнуло ожесточенное сопротивление немцев на Западном фронте с середины сентября.

Вторая возможность исходила из частичного изменения тактики гитлеровского командования по отношению к восстанию, о чем уже упоминалось. 6 сентября командующий АК и представитель правительства в радиোগрамме в Лондон поставили вопрос о капитуляции сразу во всем городе или по районам по очереди, в зависимости от способности отрядов и населения к продолжению сопротивления, от наличия боеприпасов и продуктов питания. Однако они предупреждали, что это может иметь серьезные политические последствия, поскольку очевидно, что после поражения восстания в Варшаве власть перейдет в руки коммунистов, и это будет по всей стране. Они призывали оказать немедленную помощь с Запада «посредством бомбардировок и снабжения», что «может поднять настроение и несколько отдалить кризис». Одновременно они не исключали возможности борьбы до конца, после предвари-

тельной эвакуации гражданского населения¹⁹.

7 сентября Рада Едности Народовой постановила начать на эту тему переговоры с немцами. Решение было принято после того, как командующий АК прояснил ситуацию, выразив сомнение в быстром приходе Красной Армии и в скором крахе «третьего рейха», а прорыв восставших из Варшавы назвал абсолютно нерезальным²⁰.

В тот же день Крайова Рада Министров направила премьеру Миколайчику следующую радиграмму: «Катастрофическое уменьшение нашей территории, отсутствие продуктов питания, воды и освещения, а также крайнее истощение населения при отсутствии немедленной эффективной помощи ставят на повестку дня вопрос об отказе от дальнейшей борьбы в Варшаве»²¹. Эмигрантское правительство ответило, что «любое решение, которые вы примете ... мы отстоим перед миром», — так радировал Миколайчик своему эмиссару в Польше и командующему АК²². Подобное же «добро» дал и генерал Соснковский в радиограмме, подписанной, кроме него, еще девятью генералами, в том числе Андерсом, Копаньским и Кукелем²³.

В этот же день после полудня делегация Польского Красного Креста во главе с заместителем председателя правления графиней Марией Гарновской направилась на переговоры по вопросу выхода из района боев части гражданского населения. Делегация была доставлена в штаб фон дем Баха, расположившийся в студенческом общежитии на площади Нарутовича. Фон дем Бах высоко оценил боевые качества повстанцев и выразил сожаление, что они не могут принять участия в «последней битве с большевиками», которые являлись, по его мнению, «общим врагом поляков и немцев». Он выразил готовность прийти к соглашению с командованием восстания²⁴. Предвидя нежелание повстанцев иметь дело с представителем СС, фон дем Бах назначил для ведения дальнейших переговоров подчиненного ему командующего южным участком армейского генерала Гюнтера Рора.

В переговорах с генералом Рором приняли уже участие представители АК. Он потребовал капитуляции, заверив, что повстанцы будут рассматриваться как военнопленные, охраняемые вермахтом. Эту информацию командующий АК передал Крайовой Раде Министров, которая 9 сентября приняла решение о капитуляции, одновременно распорядившись «обеспечить безопасность гражданского населения, а также работавших на нашей территории гражданских властей». На очередном заседании был согласован текст обращения к народу по поводу капитуляции²⁵. КРМ одновременно прикинула, на кого следует переложить ответственность за этот акт, указав, что «в пропагандистской работе на территории Польши следует подчеркивать масштабы политического капитала, который принесло восстание польскому делу, а ответственность за его поражение следует возложить главным образом на Россию, у которой были возможности помочь, а также на ПКНО. В про-

паганде на зарубеж обвинять Россию, а также западных союзников»²⁶.

* * *

Третий путь выхода из трагической ситуации предлагало варшавское руководство ППР. Основой такого решения могло быть хоть и запоздалое, но все еще возможное установление командованием АК оперативного взаимодействия с Войском Польским и Красной Армией.

«Сражение за Варшаву является лишь участком фронта, проходящего через нашу землю, — писал в то время орган Армии Людовой. — Все стратегические действия на этом участке должны быть подчинены общему плану... Нравится это кому-то или нет, за окончательное освобождение как столица, так и вся Польша будут благодарны Красной Армии. Речь идет только о том, чтобы наше участие в нем было как можно бóльшим».

Были выдвинуты конкретные предложения: «Военное соглашение с командованием советской армии является требованием не дней, а часов. Героические отряды, обороняющие столицу, должны быть тактически подчинены советскому командованию, ибо только тогда наши усилия могут иметь какое-либо военное значение, могут стать целесообразными и успешными. Вздором, не заслуживающим внимания, является требование, чтобы советское командование приспособляло свои действия к планам инициаторов и руководителей восстания»²⁷.

Дополнительным аргументом в пользу позиции ППР и АЛ стало победоносное восстание в Париже, скоординированное с действиями союзнических армий. Их командующему генералу Эйзенхауэру подчинились все французские формирования. «Вопрос помощи Варшаве с советской стороны, — подчеркивал «Глос Варшавы», — это не вопрос о нескольких сбросах оружия, а принципиальный вопрос о взаимодействии польских отрядов с советскими и польскими частями, сражающимися у ворот Варшавы, это вопрос их подчинения советскому и польскому командованию, руководящему операциями на польских землях. Польские силы, борющиеся в тылу Восточного фронта, должны стать интегральной частью союзнических и польских сил, ведущих бои на наших землях. Пример Франции является здесь достаточно поучительным»²⁸.

Взгляды ППР по основным вопросам относительно перспектив восстания разделяли также деятели РППС и других партий, связанные с КРН и АЛ.

Близкую к ним позицию занимали и группировки, связанные с ЦКЛ, которые совместно с находящимися в столице членами Крайовой Рады Народовой обратились к Раде Едности Народовой «как к организации, формально и фактически несущей политическую ответственность за восстание в Варшаве», с предложением о совместном обращении к трем великим державам, и прежде всего

к СССР. В обращении предлагалось декларировать «взаимодействие с Войском Польским и тактическое подчинение действующих отрядов АК, АЛ и ПАЛ командованию Красной Армии»²⁹. Очевидно, однако, что реализация задуманного стала бы возможной только при условии принятия ее командованием восстания.

Тем временем командование АК вообще не принимало во внимание вероятность такого развития событий. В уже упоминавшейся радиোগрамме Коморовского и Янковского, переданной 6 сентября в Лондон, возможными вариантами развязки признавались только борьба до конца, полная капитуляция или капитуляция по очереди районами города³⁰.

Принятие решения, предлагавшегося польскими левыми силами, требовало бы отказа, по крайней мере частичного и временного, от планов захвата власти в Польше и посему исключалось из рассмотрения.

* * *

Требования, близкие к позиции левых сил, выдвигали различные группы, организации и круги общественности. Конечно, их требования не всегда были однозначны и последовательны. Как информировала разведка АК, среди них были призывы к немедленному установлению связи и подчинению повстанческих войск Главному командованию Войска Польского, что, как предполагалось, ускорит освобождение столицы. «Раздаются громкие голоса, настаивающие, чтобы «Монтер» непосредственно договорился с маршалом Рокоссовским, обратившись к нему с предложением о взаимодействии в борьбе за Варшаву. Подобные требования становятся уже столь многочисленными, что явно выражают общественное мнение».

5 сентября БИП также сообщал, что «даже в кругах, до сих пор безусловно лояльных по отношению к правительству, выдвигается проект создания Гражданского комитета, который, минуя правительственные органы, непосредственно обратился бы за помощью к России»³¹. Информаторы Делегатуры доносили о точке зрения, которую, по их мнению, разделяло 75% населения, что «восстание развязала клика «Бура» по собственному почину, чтобы в свое время дорваться до власти... Настроения в войсках все хуже»³².

«Население Чернякува в высшей степени коммунизировано, — писалось в другом донесении Делегатуры. — Люди громко и открыто обвиняют солдат АК, что они самовольно подняли восстание... Ныне такие настроения необыкновенно усилились. Это особенно важно ввиду того, что советские войска занимают весь берег Вислы и может стать возможным непосредственный контакт с советскими солдатами. Об этом же идут разговоры и среди бойцов... Большая часть АК ждет только призыва, чтобы перейти в АЛ»³³.

Выдвигались различные предложения. Например, группа офицеров АК, сплотившихся вокруг майора Станислава Славиньского («Литвина»), выступила 7 сентября с обращением к генералам Коморовскому и Хрусьцелю, в котором после констатации, что восстание утратило всякий политический и военный смысл и превратилось в «бойню» для повстанцев и населения, потребовала порвать с эмигрантским правительством и установить контакты с генералом Жимерским, «объявив о переходе в его подчинение вместе с отрядами Армии Крайовой». Командующий АК приказал предать авторов этого обращения военному трибуналу. Их спас только переход в ряды ПАЛ. Другая группа офицеров АК, КБ и ПАЛ, выступившая как Комитет Обороны Варшавы, намеревалась принудить «Бура»-Коморовского уйти с поста и назначить на его место Хрусьцеля как мыслящего более прогрессивно. Она выработала текст обращения по радио к Москве и Люблину о помощи Варшаве³⁴.

* * *

В это время подходили к концу переговоры представителей левых и демократических организаций, начатые еще перед восстанием. В результате достигнутого 12 сентября соглашения наступило объединение действовавших до сих пор отдельно военных организаций АЛ, ПАЛ и КБ, которые признали себя составной частью народного Войска Польского. Тогда же было создано командование Объединенных вооруженных сил АЛ, ПАЛ и КБ во главе с генералом Юлианом Скоковским из ПАЛ³⁵. Его заместителями стали майор Юзеф Малэцкий («Сенк»), член Главного штаба АЛ, и полковник Леон Кожевникьянц («Долива») из КБ. Им подчинялось только в Средместье 1446 вооруженных солдат³⁶.

Процесс консолидации левых повстанческих сил проходил без помех, обусловленных изменениями в политической ситуации и колебаниями отдельных групп. Переговоры представителей КРН и АЛ с ЦКЛ и ПАЛ привели к существенному сближению позиций еще в июле 1944 года, что нашло тогда выражение в совместном воззвании Рабочей секции КРН, а также Рабочего отдела ЦКЛ, призывавшем к саботированию намеченной немцами эвакуации промышленных предприятий и предотвращению их грабежа. Командование ПАЛ тогда согласилось заключить соглашение с АЛ о совместных действиях, но одновременно другой председатель ПАЛ в Варшаве подписал 30 июля соглашение с командованием АК о подчинении отрядов ПАЛ Армии Крайовой в связи с готовящимся восстанием. Однако все это, по существу, так и не дошло до отрядов ПАЛ, которые были захвачены врасплох началом восстания и позже предприняли самостоятельные действия при тактическом подчинении руководству восстанием³⁷.

Подобным образом складывались отношения и в политической плоскости. Перед самым восстанием ЦКЛ объявил о пред-

варительном признании КРН в результате переговоров председателей КРН и ЦКЛ Болеслава Берута и Ромуальда Миллера. Это решение поддержали входившие в состав ЦКЛ Стронництво Польске Демократычне, ППС-левица (часть РППС), ПЛАН и некоторые другие организации. Возражала главным образом одна из синдикалистских организаций; ЦКЛ, однако, далее стремился прийти к соглашению с руководством Стронництва Людового, несмотря на поддержку им Миколайчика и явно негативное отношение к КРН и ПКНО. В середине августа ЦКЛ установил контакт с Казимежем Багиньским, избранным в Средместье авторитетными деятелями СЛ — ввиду отсутствия других членов руководства — председателем партии. Багиньский, в то время директор департамента внутренних дел Делегатуры эмигрантского правительства, а также Бень, Межва и другие деятели СЛ предлагали тогда представителям ЦКЛ войти в состав Рады Едности Народовой, стремясь тем самым, в частности, не допустить соглашения между ЦКЛ и КРН. Несмотря на подозрения, подогреваемые эмиссаром правительства Янковским, что Багиньский-де «гребет влево», намереваясь произвести «переворот» в Делегатуре, пойдя на соглашение с ПКНО, отношение его к КРН оставалось решительно негативным, и переговоров с ней он не начал³⁸. ЦКЛ, не отказываясь от дальнейших переговоров с руководством СЛ, принял 21 августа 1944 года решение об установлении сотрудничества с ПКНО³⁹.

Переговоры представителей АЛ и КРН с руководством КБ и его политической надстройкой Радой Оброны Народу (РОН) привели еще 25 июля 1944 года к подписанию соглашения в Варшаве. Его следствием было признание со стороны КБ Крайовой Рады Народовой и Главного командования Войска Польского. Однако выполнение соглашения не было доведено до конца, так как комендант КБ полковник Анджей Петрыковский («Тарнава») отправился 30 июля в Люблин и встал там под начало непосредственно генерала Жимерского⁴⁰. Оставшиеся в Варшаве отряды КБ подчинились командованию восстания, т. е. АК, но большинство из них вошло позже в состав Объединенных вооруженных сил.

Важное значение для консолидации сил польской левицы имело сообщение по радио о прошедшем в Люблине 10—11 сентября XXV Конгрессе ППС, который избрал руководство возрожденной ППС. Председателем ее Главного совета стал Болеслав Дробнер, а ЦИК — Эдвард Осубка-Моравский. В поддержку решений конгресса выпустили совместное воззвание варшавские комитеты РППС и ППС-левицы от 21 сентября, призвавшее также членов ВРН порвать с правым руководством этой партии⁴¹. Выражением же политического сотрудничества левых и демократических организаций было создание 25 сентября — при большом личном вкладе в это члена ЦК ППР Александра Ковальского — Повстанческого демократического соглашения (ПДС), в которое вошли находящиеся в Варшаве представители КРН, а также ЦКЛ и РОН и которое признало ПКНО «исполнительной властью народа»⁴².

Оно объявило себя единственным представителем «широких масс трудящихся столицы», отвергая претензии на это «реакционных органов». Одновременно было подчеркнуто, что командование Объединенных вооруженных сил остается и впредь подчиненным командованию восстанием в тактическом отношении и «эту единую борьбу, плечом к плечу на баррикадах, будет и дальше продолжать, вплоть до победы восстания»⁴³.

Отряды Объединенных вооруженных сил в течение всего времени восстания сражались плечом к плечу со своими товарищами из АК и неоднократно отличались в боях. В одном из ежедневных воззваний-приказов, носившем название «Дорогие мои солдаты» и призывавшем к стойкости, командующий восстанием полковник Хрусьцель подчеркнул, что «рядом стоят мужественные, хотя и не слишком сильные, отряды АЛ и ПАЛ, полные решимости сражаться до прихода помощи»⁴⁴. 20 августа по предложению командующего АК группы «Север» (района Жолибож) полковника Земского («Вахновского») были награждены боевыми крестами несколько солдат АЛ — защитников Старого Мяста. 12 сентября генерал Коморовский наградил крестами Виртути Милитари V класса командиров отрядов АЛ, оборонявших подступы к площади Трех Крестов со стороны Повисля: поручика Эдвина Розлюбирского («Густава») и поручика Яна Шелюбского («Лешека»). Со своей стороны командование АЛ предложило командованию АК представить группу солдат АК к награждению Крестом Грюнвальда⁴⁵.

* * *

Необходимо подчеркнуть, что варшавское руководство ППР и АЛ, остро критикуя политику сторонников эмигрантского правительства, отнюдь не предпринимало со своей стороны никаких действий, направленных на раскол и снижение боевого духа повстанцев, в том числе и отрядов АК, считая, что единство — неперемное условие успешного отпора фашистам. Но одновременно решительно отвергало любые поползновения свалить ответственность за восстание на левые силы. Предпринимались также дальнейшие попытки склонить командование АК к установлению контакта с советским и польским командованием. В соответствии с решениями упоминавшегося совещания актива ППР и АЛ, а также РППС и «Воли Люду» — левой группировки Стронництва Людового, — которое состоялось 5 сентября под председательством Александра Ковальского, делегация АЛ направилась в этот же день к генералу Хрусьцелю. Обрисовав тяжелое положение восстания, «Монтер» заявил, что он лично против капитуляции, а в главном вопросе — об установлении взаимодействия с Красной Армией — сослался на отсутствие у него полномочий, что, мол, решающее слово — за главнокомандующим в Лондоне.

Посему руководство ППР приняло 7 сентября решение о направлении через линию фронта своих представителей в Люблин.

Член КРН Хелена Яворская («Янта») и деятельница Союза борьбы молодых (СБМ) Янина Бальцежак («Ева») добрались до Чернякува, переплыли на лодке через Вислу и в ночь с 12 на 13 сентября оказались на Саской Кемпе. Их переправа совпала с наступлением советских и польских войск на предместье Прага. Двигаясь в сторону фронта, они дошли до Грохува, где встретились с передовыми частями 47-й армии⁴⁵, им помогли добраться до Люблина. В ночь с 13 на 14 сентября переплыли Вислу также Алиция Духинская из АЛ и Ева Плоская из АК⁴⁶.

Параллельные усилия в установлении связи с Главным командованием Войска Польского и польскими властями в Люблине предпринимало командование АЛ на Жолибоже. Отсюда были делегированы трое: секретарь Варшавского комитета ППР Изольда Ковальская («Кристина»), а также деятельницы СБМ Зофья Яворская и Ганна Моравская. Они переправились на лодке через Вислу и 10 сентября добрались до Таргувка, Яворская осталась там, Ковальская и Моравская, двигаясь в направлении фронта, дошли до Утраты, где встретили патруль 1-й дивизии Войска Польского. Командование 1-й армии Войска Польского немедленно направило их в Люблин⁴⁷.

Вслед за этим Яворская выехала вместе с генералом Жимерским в штаб маршала Рокоссовского в Конколеwnицы и детально проинформировала собравшихся там руководителей о ситуации в Варшаве. Изольду Ковальскую и Ганну Моравскую также выслушали в штабе 1-й армии Войска Польского и в советском штабе, где они представили обстановку на Жолибоже. Как утверждал начальник Оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Сергей Штеменко, «от них советское и польское военное командование впервые узнало подробности о характере восстания, расположении и состоянии повстанческих сил»⁴⁸.

Через четыре дня после разговора с делегацией АЛ, непосредственно после принятия постановлений варшавской Рады Едности Народовой и Крайовой Рады Министров, где выразалась единодушная готовность к капитуляции, полковник Хрусьцель написал генералу Коморовскому: «Осмеливаюсь предложить призвать на помощь Жимерского, пообещав ему лояльное сотрудничество. Изменяются условия нашей борьбы — так будем же более гибкими. Каждый, кто окажет нам помощь, заслужит благодарность. Все-остальное как-нибудь образуется... Нам более к лицу сотрудничество с Жимерским, чем капитуляция».

В ответ на это мужественное и свидетельствующее о высоком чувстве ответственности предложение командующего восстанием командующий АК заявил, что «обращение к Жимерскому является предательством», и подтвердил свою позицию о необходимости переговоров с немцами о капитуляции⁴⁹.

Предложение полковника Хрусьцеля и другие, упоминавшиеся выше, предполагали, что изменение отношения АК к вопросу о сотрудничестве с советским и польским командованием может

само по себе ускорить освобождение Варшавы. Однако они не принимали в расчет тот факт, что сопротивление немецкой армии на Висле продолжало играть немаловажную роль, препятствуя началу крупной операции советских войск, для успеха которой требовалась соответствующая подготовка. Наибольшие возможности, естественно, создавали операции стратегического размаха, но и действия оперативного масштаба также давали определенные шансы.

Командующий АК, хотя и дал себя убедить «политикам» из Рады Едности Народовой и Крайовой Рады Министров в необходимости капитуляции, все же оттягивал окончательное решение по данному вопросу. На это влияли известия об успехах советских войск на восточном берегу Вислы, и особенно мощный гул орудий, все более отчетливо слышимый с утра 10 сентября, а также радиограмма Миколайчика, полученная в тот же день, где сообщалось, что Советское правительство дало Англии согласие на совместные действия по оказанию помощи Варшаве, в частности на челночные полеты американских самолетов, вылетающих с аэродромов Великобритании через Варшаву, на аэродромы в СССР⁵⁰. Сообщая 9 сентября о своем согласии, Советское правительство одновременно выразило Британскому правительству неодобрение по поводу того, что оно не предупредило его о готовившемся в Варшаве восстании, подчеркнув, что не берет на себя и далее какую-либо ответственность за происходящее в Варшаве⁵¹.

В новой обстановке генерал Коморовский 11 сентября на заседании КРМ выступил против капитуляции, признав, что «на данный момент против капитуляции выступило бы около 50% личного состава войск»⁵².

В ответ на письмо генерала Рора, доставленное 10 сентября, в котором тот уверял, что члены АК получают полные права комбатантов, а гражданское население будет эвакуировано «из зоны боев на запад», генерал Коморовский направил в тот же день длинное письмо, в котором выразил недоверие немецким заверениям и потребовал письменных гарантий командующего группы армий «Центр» генерал-полковника Ганса Рейнхарда, а также оглашения их по немецкому радио. Немцы в ответ назначили последний срок капитуляции — 11 сентября в 1.00. Когда срок миновал, они разбросали листовки за подписью генерала фон дем Баха, где объявлялось, что, поскольку «беспрецедентные в мировой истории немецкие заверения» отвергнуты, немцы теперь «будут, не оглядываясь ни на что, стремиться закончить эту борьбу»⁵³. Заявлению сопутствовали жестокие бомбардировки и усиление атак немецких войск, направленных прежде всего на районы вдоль берега Вислы.

Несмотря на это, настроение населения и повстанцев заметно улучшилось. «Большое влияние на них оказали слышимые с утра взрывы на восточном берегу Вислы, воздушные бои, ослабление немецких бомбардировок и, конечно, сбросы советской авиации. Как всегда, при повороте стрелки барометра настроений к лучшему

распространяется большое количество различных оптимистических, но неподтвержденных слухов», — говорилось в донесении II отдела штаба Варшавского округа АК от 11 сентября⁵⁴. Оптимистические настроения охватили также пропагандистский аппарат Делегатуры. Среди «лозунгов дня» для населения Варшавы 10 сентября были: «Главный приказ Варшаве: держаться и выдержать, обстановка может радикально измениться в любой час, в любую минуту Варшава может стать свободной. Все усиливающийся артиллерийский гул, доносящийся с советско-германского фронта, — это сигнал гибели немецких войск в самой Варшаве и вокруг нее»⁵⁵.

Глубокий кризис восстания и упадок духа населения польской столицы уступали место надежде на освобождение с востока.

⁵⁴ Borkiewicz A. Op. cit., s. 248; Przygoński A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. II, s. 505-508; Ludność cywilna... Op. cit., t. III, s. 468.

⁵⁵ Dziennik działań niemieckiej 9 armii. Op. cit., s. 103-104.

⁵⁶ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 184.

⁵⁷ Przygoński A. Powstanie warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. II, s. 201-202.

⁵⁸ Krannhals H. Op. cit., s. 203-204. РГО — Главный совет опеки — официально существующая благотворительная организация.

⁵⁹ Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. Warszawa, 1970, t. II, s. 547-553.

⁶⁰ Margules J. Op. cit., s. 479, рапорт фон дем Баха командованию группы армий «Центр» от 29.VIII. 1944.

⁶¹ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 225-228.

⁶² Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, № 210, 5.IX.1944, сообщение Германского информационного бюро; Krannhals H. Op. cit., s. 388-389.

⁶³ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 376; t. III, s. 349-351, 364-367, 371-373.

⁶⁴ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 259, радиogramма от 2.IX.1944.

⁶⁵ Wolna Polska (Śródmieście północne), № 116, 30.VIII.1944.

⁶⁶ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 284-285.

⁶⁷ Skarżyński A. Powstańca Warszawa... Op. cit., s. 44-45; Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 251-252, 272-275.

⁶⁸ СА КС, т. 203/X-25, к. 56, рапорт БИП АК района I от 3.IX.1944.

⁶⁹ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 374, рапорт отдела II КО АК ОТ 12.IX.1944.

⁷⁰ Chruścieł A. Op. cit., s. 15.

⁷¹ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 299-300, радиogramма ген. Сосновского от 9.IX.1944; Ehrman J. Op. cit., s. 19, 107.

⁷² АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 282-283.

⁷³ Płoski S. Dokumenty do kapitulacji powstania warszawskiego. — Najnowsze Dzieje Polski, 1960, t. IV, s. 105, протокол заседания РЕН от 7.IX.1944, w: Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 312.

⁷⁴ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 289.

⁷⁵ Ibid., s. 294, радиogramма премьера от 8.IX.1944.

⁷⁶ Zeszyty Historyczne, Paryż, 1973, z. 26, s. 146-147.

⁷⁷ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 313-316.

⁷⁸ СА КС, т. 429/I, к. 4-9, протоколы заседаний КРМ 7-10.IX.1944.

⁷⁹ Ibid., k. 5.

⁸⁰ Armia Ludowa, № 26, 23.VIII.1944.

⁸¹ Jeszcze w sprawie pomocy. — Głos Warszawy, № 170, 2.IX.1944.

⁸² СА КС, т. 199/3, к. 2, 3.

⁸³ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 283.

⁸⁴ Рапорты от 3. 5. 8.IX.1944, w: Ludność cywilna... Op. cit., s. 274, 298, 325.

⁸⁵ СА КС, т. 202/II-44, к. 27, секретный рапорт Делегатуры 25.IX.1944.

⁸⁶ СА КС, т. 202/II-44, к. 22, секретный рапорт № 11 от 3.IX.1944 отдела пропаганды Делегатуры.

- ³⁴ СА КС, т. 228/25-1, к. 71-86, дело майора «Литвина» и капитана «Гураля»; разведсводка АК от 11.IX.1944; *Ludność cywilna...* Op. cit., т. II, s. 360.
- ³⁵ *Sęk-Małecki F.* Op. cit., s. 127. *Przygoński A. Udział PPR i AL...* Op. cit., s. 189-190, приказы генерала Скоковского от 12 и 15.IX.1944.
- ³⁶ *Przygoński A. Udział PPR i AL...* Op. cit., s. 78, отмечает, что численность войск АЛ, ПАЛ и КБ в целой Варшаве составляла более чем 5 тыс. человек.
- ³⁷ СА КС, т. 203/X-17, к. 1-2, приказ № 14 KOW АК z 11.VIII.1944.
- ³⁸ СА КС, т. 203/VII-5, к. 66, рапорт БИП от 23.VIII.1944; т. 202/1-9, к. 66, радиограмма от 6/7.IX.1944.
- ³⁹ *Przygoński A. Udział PPR i AL...* Op. cit., s. 138-139.
- ⁴⁰ *Ibid.*, s. 119; *Sęk-Małecki J.* Op. cit., s. 44-46.
- ⁴¹ *Przygoński A. Udział PPR i AL...* Op. cit., s. 211-213.
- ⁴² *Głos Warszawy*, № 177, 26.IX.1944.
- ⁴³ *Barykada Wolności*, № 154, 29.IX.1944.
- ⁴⁴ *Ludność cywilna...* Op. cit., т. III, s. 474.
- ⁴⁵ *Rzeczpospolita, Lublin*, № 46, 17.IX.1944; *Przygoński A. Udział PPR i AL...* Op. cit., s. 64, 65, 130, 133.
- ^{45a} Согласно донесению члена Военсовета 47-й армии генерал-майора Ивана Королева от 16.IX.1944, «две девушки — Бальцежак и Яворская — перешли на нашу сторону 11 сентября». — ЦПА ИМЛ, микрофильм № 1098, док. 92.
- ⁴⁶ *Rzeczpospolita*, № 43, 14.IX.1944; *Margules J.* Op. cit., s. 50, отчет Хелены Яворской и Янины Бальцежак.
- ⁴⁷ *Biuletyn Podokręgu* № 2 AL, № 43, 16.IX.1944; *Kliszko Z.* Op. cit., s. 184, воспоминания Изольды Ковальской и Ганны Моравской.
- ⁴⁸ *Штеменко С. М.* Указ. соч., с. 96.
- ⁴⁹ *WiN*, т. III/42, 3, к. 99, 101, III/40/14, к. 36, 37, письма «Монтера» от 9.IX, «Бура» от 10.IX.1944.
- ⁵⁰ *AK w dokumentach*, Op. cit., т. IV, s. 305.
- ⁵¹ *Feis H.* Op. cit., s. 388.
- ⁵² СА КС, т. 429/I, к. 10, протокол заседания КРМ от 11.IX.1944.
- ⁵³ *Ludność cywilna...* Op. cit., т. II, s. 33-334, 335-342, 381; *Kranhals H.* Op. cit., s. 206-207, 389-392; *Workiewicz A.* Op. cit., s. 400-403; СА КС, т. 203/1-6, к. 36, немецкая листовка от 11.IX.1944.
- ⁵⁴ *Ludność cywilna...*, Op. cit., т. II, s. 361, s. 374, *AK w dokumentach*. Op. cit., т. IV, s. 313, радиограмма командующего АК от 12.IX.1944.
- ⁵⁵ *Ludność cywilna...* Op. cit., т. II, s. 247.

Глава 9. Неиспользованный шанс

Именно гул артиллерийских орудий, возвестивший о наступлении на предместье Прага двух армий 1-го Белорусского фронта 70-й и 47-й — при участии 1-й дивизии Войска Польского им. Т. Костюшко был отчетливо слышен в Варшаве в воскресенье, 10 сентября 1944 года. Именно он поднял настроение населения, сделал возможным выход восстания из кризиса, склонил командование АК отказаться от переговоров с немцами о капитуляции.

Эта операция стала возможной в результате успехов частей правого фланга 1-го Белорусского фронта, которые в тяжелых и кровопролитных августовских боях 1944 года форсировали Буг в нижнем течении и в начале сентября захватили плацдарм на Нареве в районе Пултуска и Ружана. 30 августа вновь был освобожден Радзимин, а 5 сентября — Воломин. Войска 2-го Белорусского фронта в это же время освободили Остроленку и очистили от врага восточный берег реки Нарев.

Планом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского предусматривалось ударом 47-й армии генерала Николая Гусева из района Междулесья и 70-й армии генерала Василия Попова из района Радзимины выйти на рубеж Вислы и Буго — Нарева на участке Варшава — Модлин; концентрическим наступлением обеих армий ликвидировать немецкий плацдарм и овладеть Прагой, а также создать собственный плацдарм в районе населенных пунктов Млоцин, Новый Двур и Зегже¹.

Таким образом, предполагалось довести до конца реализацию планов освобождения Варшавы охватывающим маневром, возможность чего обеспечивал магнушевский плацдарм, удерживаемый 8-й гвардейской армией и 1-й армией Войска Польского, несмотря на яростные удары немецких войск, направленные на его ликвидацию².

Освобождение предместья Прага в планах советского командования планировалось как операция местного значения. В связи с тем, что наступательные возможности советских войск в летней кампании были исчерпаны, все советские фронты от Восточной Пруссии до Карпат 29 августа 1944 года получили приказ перейти

к обороне. Единственным исключением являлся варшавский участок³.

Стратегические резервы советского Главного командования, уже раньше вовлеченные в Яско-Кишиневскую операцию, а затем брошенные на поддержку наступлений 2-го и 3-го Украинских фронтов, успешное окончание которых привело к выходу из фашистского блока Румынии и Болгарии и вступлению их в войну с Германией, освобождению значительной части Югославии, вступлению частей Красной Армии в Венгрию и Словакию, в которой также вспыхнуло восстание против оккупантов, истощились. Войска 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов в это же время освобождали Литву, Латвию и Эстонию, сражались на подступах к Восточной Пруссии.

Части 1-го Белорусского фронта, уже тогда серьезно измотанные боями, которые они вели непрерывно с 24 июня 1944 года, пройдя 600 км, не смогли еще полностью подтянуть тылы и восполнить потери.

В ходе подготовки к операции по овладению Прагой генерал Жимерский предложил, чтобы в ней приняли участие и польские части⁴. Советское командование дало согласие, признав, что в сражении за освобождение столицы Польши (в первую очередь ее правобережной части) польские солдаты должны принять участие. Уже 31 августа 1-й дивизии им. Т. Костюшко было приказано оставить свой участок фронта на Висле между устьем Вильги и Карчевом на попечение советской 17-й гвардейской кавалерийской дивизии. После чего 1-я дивизия двинулась в северном направлении. 5 сентября она была передана в оперативное подчинение командующему 47-й армией, а в ночь на 9 сентября она стала на исходные позиции под Междулесьем в составе 125-го пехотного корпуса генерал-майора Ивана Кузьмина. Штаб командира 1-й дивизии генерала бригады Войцеха Бевзюка расположился в населенном пункте Радость.

В 8.10 утра 10 сентября началась артиллерийская подготовка, после чего советские и польские войска пошли в атаку. К концу дня части 1-й дивизии продвинулись в направлении Грохува на 6 км. В течение следующего дня ее 1-й и 3-й пехотные полки атаковали населенные пункты Кавенчин и Утрата. Но 12 сентября вступили в бой спешно переброшенные с фронта на среднем течении Вислы (район Гарбатки) подкрепления — части 19-й немецкой дивизии генерала Ганса Келлнера, которые усилили отступающую 73-ю немецкую дивизию. Когда эти контратаки были отбиты, немцы отступили в глубь предместья Прага. На следующий день 1-я дивизия овладела районом Восточного вокзала и улицы Тарговой, преодолела (2-й польский пехотный полк) железнодорожную насыпь около станции Прага и приблизилась (1-й польский пехотный полк) к пражскому порту.

Стремясь захватить мосты через Вислу прежде, чем их взорвет противник, советские и польские части наступали очень быстрыми

темпами. В упорном бою 1-й пехотный полк утром 14 сентября прорвался к Висле в районе уже взорванного, как оказалось, моста Кербедзя. 2-й и 3-й полки овладели берегом Вислы севернее этого моста. Кварталом Саска Кемпа, расположенным вдоль Вислы, овладела советская 143-я стрелковая дивизия. Наступление 70-й армии развивалось медленнее, так как противник силами 4-го танкового корпуса СС генерала Гилле оказывал упорное сопротивление на люблинском направлении и удерживал позиции в районе населенных пунктов Аннополь, Бялоленка и у Королевского канала.

С целью занять силами польских войск варшавский правый берег Вислы, командование 1-го Белорусского фронта решило перебросить туда с магнушевского плацдарма все силы 1-й армии Войска Польского. В ночь с 11 на 12 сентября она передала свои позиции на плацдарме 8-й гвардейской армии генерала Василия Чуйкова, а 13 сентября сосредоточилась на правом берегу Вислы под Гарволином, где к ней присоединилась и 4-я польская пехотная дивизия. Часть танковых подразделений 1-й армии была немедленно направлена в район Прага для оказания поддержки дивизии им. Т. Костюшко. Они вступили в бой на рассвете 14 сентября, и на следующий день вся Прага была освобождена. Районы города, которыми овладели советские войска, были переданы частям 1-й армии Войска Польского. Участки вдоль пражского берега Вислы заняли 2-я пехотная дивизия (у Саска Кемпа), 1-я кавалерийская бригада (район моста Карбедзя) и 3-я пехотная дивизия (Пельцовизна).

Храбрость польских солдат в боях за освобождение предместья Варшавы Прага получила признание советского командования. 12 сентября Военный совет 1-го Белорусского фронта направил командующему 1-й армии Войска Польского генералу Берлингу поздравительную телеграмму, в которой подчеркнул «образцовую боеспособность и мужество» солдат 1-й дивизии им. Т. Костюшко⁵. Благодарность солдатам Войска Польского, освободителям Праги, была также объявлена 15 сентября в приказе № 25 Главного командования Войска Польского⁶.

В ходе пятидневных тяжелых боев за освобождение Праги 1-я пехотная дивизия потеряла 1900 человек, в том числе 355 убитыми. Потери 47-й и 70-й армий составили около 6000 убитыми и ранеными; потери противника составили 8500 человек, в том числе 400 пленными. 118 из них взяла в плен 1-я пехотная дивизия. В приказе советского Верховного Главнокомандующего от 14 сентября были особенно отмечены воины 1-й армии Войска Польского под командованием генерала Зыгмунта Берлинга, 1-й пехотной дивизии под командованием генерала Войцеха Бевзюка и 1-й танковой бригады генерала Яна Межицана.

15 сентября 47-я и 70-я армии продолжали ожесточенные бои. Около 4.00 наступление советских войск возобновилось, в результате чего они овладели населенными пунктами Рыня, Бялобжеги, Вишнево, Аннополь, железнодорожной станцией Варшава-Прага.

Однако дальнейшее наступление советских войск в направлении населенных пунктов Легионово и Яблонна сильной контратакой 4-го танкового корпуса СС было приостановлено. Выполнить приказ маршала Рокоссовского от 15 сентября о форсировании Вислы и захвате плацдарма в районе населенных пунктов Келпин, Ломянки и Млоцин не удалось⁷.

* * *

Хотя план операции по освобождению Праги до конца не был выполнен, а немецкий плацдарм к северу от Праги все еще представлял угрозу, возможность для оказания помощи сражающейся Варшаве появилась. Именно такое решение и приняли советское и польское главнокомандования.

Для оказания помощи повстанцам и населению Варшавы, запертым в узких очагах сопротивления на территории города, необходимо было детально изучить обстановку, в особенности линию боев, проходившую по улицам Варшавы. Данных об этом не имели ни польское, ни советское командование. Об отсутствии радиопередатчиков у варшавских организаций ППР и АЛ уже говорилось; из содержания документов и протоколов заседаний ПКНО следует, что польские власти в Люблине не ориентировались в обстановке в Варшаве. Еще меньше знало о ней советское руководство. Правда, в районе Жолибожа в распоряжение командования АЛ отдал себя капитан Кароль Венцковский, заброшенный советской разведкой в немецкий тыл еще в сентябре 1943 года и позже прибывший в Варшаву, но его радиостанция не действовала в связи с отсутствием питания. Когда же жолибожский штаб АК разрешил ему использовать штабную радиостанцию, радиосвязь ему установить не удалось⁸.

Только после прибытия первых посланцев АЛ польское и советское руководство смогло сориентироваться не только в конфигурации позиций повстанцев, но и понять, что восстание носит повсюду антифашистскую направленность, понять масштабы вершившейся трагедии. Сообщение агентства печати ПКНО о переходе линии фронта офицерами АЛ Хеленой Яворской и Яниной Бальцежак с просьбой о помощи борющейся Варшаве заканчивалось словами: «Помощь будет оказана»⁹.

Одновременно люблинское радио передало обращение ПКНО «К борющейся Варшаве», в котором содержался призыв выстоять, сообщалось, что «на Висле идет решающий бой. Помощь близка». В этом обращении была дана и политическая оценка восстания. Взывая «Ко всем воинам Варшавы», их заверяли, что, «каковы бы ни были намерения подстрекателей, которые раньше времени и без согласования с Красной Армией подняли восстание, — сердцем мы с вами». Это обращение было распространено также прессой АЛ в восставшей Варшаве¹⁰.

В тот же день, 13 сентября, заместитель начальника Гене-

рального штаба Вооруженных Сил СССР генерал Алексей Антонов и генерал Сергей Штеменко передали информацию об обстановке в Варшаве Сталину, который распорядился сделать все возможное для оказания помощи варшавским повстанцам, включая доставку вооружения, боеприпасов и прочего по воздуху¹¹. Это указание было передано командованию 1-го Белорусского фронта, а также Военно-воздушным силам Красной Армии. Вечером 13 сентября самолеты советской 16-й воздушной армии, а также 1-й смешанной авиационной дивизии Войска Польского начали сбрасывать оружие, боеприпасы и продовольствие в местах, указанных посланцами АЛ. В сброшенных на парашютах записках говорилось, что «Красная Армия шлет боевой привет героическим бойцам Варшавы. Подойдя к стенам Варшавы, мы получили возможность оказать вам братскую помощь». В них также указывалось, что посланницы сумели добраться до расположения освободителей¹².

В ночь с 13 на 14 сентября на территорию, удерживаемую повстанцами, было сброшено с 85 самолетов более 29 тонн продовольствия, боеприпасов, гранат, а следующей ночью — 45 тонн продовольствия, 497 автоматов, 60 минометов, около миллиона штук патронов. С этого времени сбросы производились каждую ночь: в течение 15 дней было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 1478 автоматов, 1189 винтовок, около 94 тыс. мин и гранат, 3 млн. патронов, 120 тонн продовольствия, 515 кг медикаментов и санитарных средств. В воздушной операции в небе Варшавы участвовало 589 советских и польских самолетов. Советская авиация выполнила 2243 самолето-вылета, польская — 553¹³. Одновременно советские (позже и польские) артиллерия и авиация активизировали подавление немецких позиций, укреплений и аэродромов, что значительно облегчило положение повстанцев и населения окруженной Варшавы. Несколькими днями позднее для лучшей координации действий артиллерии и авиации были заброшены в варшавские районы Жолибож, Средместье и Мокотув советские офицеры-наблюдатели с радиостанциями.

* * *

Решение Советского правительства об оказании помощи борющейся Варшаве было принято, несмотря на отсутствие контактов и договоренности с руководством восстания еще до прибытия первых посланниц АЛ. Это было результатом переговоров как с ПКНО и Главным командованием Войска Польского, так и новой оценки восстания советским руководством, отличающейся от высказанной в августовских письмах Сталина Черчиллю. Мнение советского руководства о том, что освобождение Варшавы возможно только при успешном осуществлении операции в масштабах фронта, не изменилось. Оно по-прежнему считало, что помощь

оружием, которую западные союзники считали самой важной, не может заменить такую операцию¹⁴. Однако оно признало, что доставка оружия и продовольствия воздушным путем облегчит жителям и повстанцам Варшавы их трагическое положение. Невзирая на антисоветскую кампанию, развязанную польскими эмигрантскими политиками, на их попытке отравить атмосферу внутри антигитлеровской коалиции и организованную ими подрывную разведывательно-диверсионную и террористическую деятельность в тылу Красной Армии на польских землях, советское руководство признало возможным поддержать восстание, спровоцированное этими же политиками. 10 сентября Советское правительство передало через Лондон командованию АК в Варшаве шифры и способ связи, необходимые для установления контактов с радиостанцией маршала Рокоссовского¹⁵.

Это сообщение, несомненно, разминулось с направленной 11 сентября радиограммой генерала Коморовского, которая только на следующий день была расшифрована в Лондоне. В ней командующий АК обращался через Лондон к маршалу Рокоссовскому с просьбой «оказать помощь и согласовать с нами свои усилия» путем подавления немецкой артиллерии и бомбардировочной авиации, а также сбросами оружия. В переданном в Лондоне тексте содержалась следующая знаменательная фраза: «От моего имени и от лица солдат АК прошу Вас, Господин Маршал, поздравить приближающуюся к воротам Варшавы советскую армию и находящиеся в ее составе польские войска»¹⁶. Генерал Соснковский высказался за то, чтобы вычеркнуть эти слова из текста телеграммы. Премьер Миколайчик их сохранил и при посредничестве англичан передал полный текст в Москву¹⁷.

Когда телеграмма дошла до адресата, неизвестно. Но в любом случае — с большим опозданием, так как маршал Рокоссовский еще 17 сентября разъяснил генералу Жимерскому, что прозвучавшая в эфире в тот день информация британского радио о его тесном контакте с генералом «Буром» не соответствует действительности¹⁸. По сути, только 15 сентября штаб главнокомандующего в Лондоне передал советской миссии позывные и шифры связи с радиостанцией АК¹⁹. В тот же день генерал Коморовский принял решение о направлении в предместье Прага офицеров-связистов для установления радиосвязи. Эти офицеры, в числе которых был и поручик Чеслав Пеняк («Мак») — командир роты радиосвязи штаба Варшавского округа АК, — пробравшись по подземным канализационным ходам Средместья через Мокотув и Чернякув до Вислы и переплыв ее, оказались на Праге в ночь с 19 на 20 сентября. Однако непосредственную связь между генералом Хрусьцелем и генералом Берлингом удалось установить только 24 сентября 1944 года²⁰.

Несколько ранее командованию АК и АЛ на Жолибоже удалось установить контакт с 1-й армией Войска Польского. В ночь на 17 сентября Вислу в районе городского квартала Пельцовизна

переплыли капитан Кароль Венцковский из АЛ и связистка АК Хелена Моцарская («Струга») с письмом от подполковника Мечислава Недзельского («Живицеля»), командующего АК на Жолибоже, которое имело заглавие: «Защитники Жолибожа — победоносной Красной Армии»²¹. В письме выражалась благодарность за сбросы с воздуха и защиту от немецких налетов, а также указывались некоторые цели для бомбардировок. Посланцы были доставлены в штаб 1-й армии Войска Польского, и с ними беседовал начальник штаба армии полковник Владислав Стражевский. Оттуда Венцковский был доставлен в штаб 2-й польской пехотной дивизии в населенном пункте Утрата. В ходе переправы 6-го польского пехотного полка в ночь с 19 на 20 сентября на противоположный берег Вислы капитан Венцковский вернулся на Жолибож вместе с подпоручиком Сварабовичем из штаба 2-й польской пехотной дивизии, двумя солдатами и радиостанцией. В письме, адресованном подполковнику «Живицелю», командование 2-й польской пехотной дивизии подчеркнуло, что сделает все, чтобы помочь повстанцам и освободить Варшаву совместными силами²². С этого времени радиосвязь между Жолибожем и 2-й польской пехотной дивизией действовала постоянно. Кроме того, связь со своим штабом поддерживали 2 советских офицера, заброшенные в район Жолибожа в ночь на 18 сентября. Они оставались в контакте только с командованием АК, но от предлагаемой им связи также с АЛ по неизвестным причинам они отказались. Конкретных данных о них нет, одного из них звали как будто бы лейтенант Вурдель²³.

В ночь на 21 сентября высадился в Средместье для установления контактов с АК и АЛ посланный штабом 1-го Белорусского фронта капитан Иван Колос вместе с радистом сержантом Дмитрием Стенько, который был ранен при приземлении на парашюте, а позже погиб от осколка. В это же время начала работу радистка Хелена Саламонович (Виктория Незабытовска), рядовой 1-й дивизии им. Т. Костюшко, сброшенная на парашюте весной 1944 года в районе Отвоцка. При приземлении она потеряла радиопередатчик и осталась в Варшаве без связи. С ее помощью Колос смог установить радиосвязь со штабом 1-го Белорусского фронта²⁴. «Сегодня установлена связь с радиостанцией маршала Рокоссовского», — радировал 23 сентября в Лондон генерал Коморовский²⁵.

На Мокотуве также 21 сентября оказались майор Александр Чернухин, бывший партизан АЛ отряда «Кубы» Станислав Гаця с радистом²⁶.

Эти офицеры обеспечивали связь между тремя главными очагами восстания и штабом 1-го Белорусского фронта, координацию сбросов и корректировку огня артиллерии. К сожалению, координации оперативных действий между руководством восстания и Красной Армией не существовало, хотя непосредственная радиосвязь была налажена 24 сентября. Именно такая коорди-

нация была в то время условием, которое позволило бы спасти то, что еще можно было спасти. Однако, кроме этого, необходимо было еще и желание вести совместные действия.

* * *

Операция по освобождению предместья Прага стала важным этапом освобождения Варшавы. Согласно всем предыдущим замыслам советского командования, выполнить эту задачу можно было только окружающим маневром, начатым с созданных на Висле к северу и югу от Варшавы плацдармов. Но к этому времени создать северный плацдарм еще не удалось. Фронтальный штурм левобережной Варшавы вообще не брался в расчет ввиду очевидных огромных потерь, которые он бы повлек, и необходимости для него огромных сил, которых в то время не имелось.

После выхода советских и польских войск на правый берег Вислы появился шанс на освобождение Варшавы и спасение повстанцев и населения, который ранее не предвидели. Однако условием успеха этой операции была координация действий командования восстанием и регулярных войск. Речь шла о нанесении совместного удара: повстанческих сил в направлении берега Вислы и регулярной армии с целью форсировать реку и укрепить позиции, защищаемые повстанцами. Успех такой операции давал шанс деблокировать занятую повстанцами часть города. При этом советские и польские войска могли бы овладеть очень ценным плацдармом, удобным для дальнейшего наступления на Берлин и Восточную Пруссию.

Доступные источники позволяют утверждать, что советское командование признало это возможным 13 сентября. Соответствующие решения были приняты в ходе телефонных разговоров Сталина с Жуковым и Рокоссовским, а также обсуждения в штабе маршала Рокоссовского, где 13 и 14 сентября находились генерал Жимерский и генерал Булганин, представитель Советского правительства при ПКНО.

Как записал генерал Штеменко, 13 сентября Сталин в следующих словах приказал своему заместителю маршалу Жукову выехать в штаб 1-го Белорусского фронта: «Разберитесь с Варшавой на месте и предпринимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войскам Берлинга? ... Задачу полякам поставьте лично... Вместе с Рокоссовским и сами помогите им организовать дело»²⁷. Сталин также связался с Рокоссовским и задал вопрос, в состоянии ли войска фронта немедленно провести операцию по освобождению Варшавы. «Получив от меня отрицательный ответ, — пишет Рокоссовский, — он попросил оказать повстанцам возможную помощь, облегчить их положение»²⁸.

В этот день в штабе маршала Рокоссовского находился генерал Михал Жимерский. «Я обсудил там целый ряд вопросов,

между прочим вопрос о переброске 1-й армии на Варшаву», — докладывал М. Жимерский 15 сентября на заседании ПКНО. Он представил Рокоссовскому мнение ПКНО, что овладение столицей должно быть делом Войска Польского²⁹. Это мнение разделяло и советское руководство.

С этой целью, как уже указывалось, все силы 1-й армии Войска Польского были переброшены с магнусhevского плацдарма в район Праги, а впоследствии ей было поручено занять участок фронта вдоль Вислы от Пельцовизны до села Ляс³⁰. В течение 15 сентября войска 1-й армии Войска Польского занимали отведенные им позиции и готовились к форсированию Вислы в соответствии с приказом командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского, который, в частности, приказал: «...главными силами выйти на восточный берег р. Висла на отрезке: Пельцовизна, Прага, Саска Кемпа, Ляс, Збытки. Одновременно приступить к разведке р. Висла на указанном отрезке, к выбору места для десантной, паромной и мостовой переправы, сооружению паромов, а также подготовиться к форсированию реки и захвату плацдарма на западном берегу в районе Варшавы»³¹.

Еще в тот же день маршал Рокоссовский передал в распоряжение командующего 1-й армией Войска Польского генерала Берлинга советские части и подразделения, которым была поставлена задача поддержать десантные действия польских войск. Этими подразделениями, в частности, были: 274-й отдельный механизированный батальон специального назначения (амфибии), 4-й механизированный понтонно-мостовой полк, 24-я зенитно-артиллерийская дивизия, 75-й полк гвардейских минометов-«Катюш», а также 100 десантно-штурмовых лодок. Действия 1-й армии Войска Польского должны были также поддерживать три советские артиллерийские бригады и другие соединения и части из резерва Главного командования; несколько инженерно-саперных батальонов, задачей которых было строительство мостов через Вислу; четыре батальона химических войск (для постановки дымовых завес), а также — и прежде всего — самолеты 16-й воздушной армии генерал-полковника Сергея Руденко³².

Главное командование Войска Польского, в соответствии с решением ЦК ППР и ПКНО, отдало 15 сентября польским солдатам, ведущим бои за Варшаву, приказ «напрячь все силы для ее освобождения». Отметив, что «на руинах Варшавы, на баррикадах сражается цвет вооруженных сил польского народа, героические офицеры, подофицеры и солдаты подпольной Польши», оно выразило свою солидарность с повстанцами АЛ, АК и других организаций. Оно также указало на лишения, которые принесли народу инициаторы восстания. Было подчеркнуто, что, «если бы восстание началось теперь, при согласовании с командованием Красной Армии и Войска Польского, можно было бы сохранить мосты, быстро освободить Варшаву, сохранить жизнь сотням тысяч людей»³³.

Подобную оценку шансам восстания дал командующий 1-м

Белорусским фронтом: «Вот когда настало наиболее подходящее время для восстания в польской столице! Если бы удалось осуществить совместный удар войск фронта с востока, а повстанцев из самой Варшавы (с захватом мостов), то можно было бы в этот момент рассчитывать на освобождение Варшавы и удержание ее. На большее, пожалуй, даже при самых благоприятных обстоятельствах войска фронта не были бы способны»³⁴.

Однако немцы смогли 13 сентября взорвать все мосты через Вислу. Практически весь левый берег Вислы, кроме узкой полоски в районе чернякувского Повисля, уже отрезанного от Средне-местья, удерживался гитлеровскими войсками.

В этой обстановке оставался единственный выход — как можно стремительнее форсировать реку, решение о чем приняла командование 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского, главные силы которой — 2-я и 3-я пехотные дивизии и 1-я кавалерийская бригада — принимали от 125-го корпуса Красной Армии в течение 15 сентября и в ночь на 16 сентября позиции на пражском берегу Вислы, прямо напротив сражавшейся уже седьмую неделю Варшавы. Отданные в тот день приказы генерала Берлинга предусматривали немедленное, с марша, изучение обстановки на западном берегу Вислы и подготовку к ночным действиям по форсированию реки и созданию плацдарма на ее левом берегу. Одновременно 1-я саперная бригада Войска Польского получила приказ подготовить и подвезти к концу дня 16 сентября материалы для строительства мостов через Вислу. Инженерные войска 1-й армии Войска Польского имели в своем распоряжении всего 75 понтонов и 246 различных лодок³⁵.

Приказы командующего 1-й армией Войска Польского, отданные поздно вечером 15 сентября, ставили уже конкретные задачи 9-му пехотному полку 3-й дивизии, который на рассвете 16 сентября должен был тремя эшелонами «форсировать р. Вислу, соединиться с отрядами повстанцев в районе южной части г. Варшавы (квадрат 8802) и совместно с ними осуществлять акцию по овладению южной частью г. Варшавы с целью создания обширного плацдарма на западном берегу р. Вислы»³⁶.

* * *

Итак, решение о форсировании Вислы и соединении с повстанцами в районе чернякувского Повисля генерал Берлинг принял вечером 15 сентября. Являясь в то время заместителем главнокомандующего, он действовал в соответствии с директивами и приказами Главного командования Войска Польского и командования 1-го Белорусского фронта Красной Армии. Совершенно очевидно, что он действовал не по собственному замыслу или вопреки планам командования 1-го Белорусского фронта, которое якобы не хотело поддержать действия 1-й армии Войска Польского на левом берегу Вислы, как утверждают некоторые эмигрантские

историки и публицисты³⁷. Берлинг принимал решения, находящиеся в компетенции командующего армией. Прежде всего, он старался сократить до минимума период подготовки к переправе, чтобы успеть оказать помощь еще державшимся очагам восстания, пока они окончательно не были отрезаны от Вислы и уничтожены немцами.

Выбор места десантирования войск и захвата плацдармов также входил в компетенцию командующего армией. Это прежде всего зависело от результатов разведки, которая должна была установить, в чьих руках находятся те или иные участки противоположного берега Вислы; имело значение и наличие тех или иных технических средств переправы, поскольку имевшиеся на Висле отмели не позволяли причалить тяжелогруженные лодки.

Отдельные сведения доставили в числе других посланцы АЛ и АК, прибывавшие на левый берег, а также высланные на левый берег разведчики. Из доступных на сегодняшний день источников следует, что первые попытки определения обстановки на западном берегу Вислы предприняли советские разведчики 143-й дивизии после ее выхода на пражский берег в соответствии с приказом командира 125-го корпуса генерала Кузьмина от 14 сентября, в котором ставилась также задача установить контакт с повстанцами. Две первые попытки советских разведгрупп переправиться закончились неудачей, детали остаются неизвестными. Только третьей группе в составе 15 бойцов разведроты 1-й польской пехотной дивизии, которая тогда еще входила в состав 125-го корпуса, удалось на резиновых лодках достичь берега в районе Чернякува и утром 15 сентября добраться до штаба подполковника Яна Мазуркевича («Радослава»). В ходе переправы под сильным огнем противника четверо из группы погибли, трое были ранены. 15 сентября вечером пять разведчиков возвратились на правый берег в район Саска Кемпа вместе с тремя повстанцами, в числе которых был майор Виктор Штомпка («Кмита»), и письмом от подполковника «Радослава», адресованным «командующему советскими войсками на Праге». Письмо было доставлено в штаб 125-го корпуса, а оттуда в штаб 1-й армии Войска Польского. С майором «Кмитой» беседовал генерал Берлинг³⁸.

В письме подполковника «Радослава», обрисовавшем необычайно тяжелое положение повстанцев, содержался план расположения их позиций с информацией, что связь с районом Средместья прервана, а также просьба накрыть огнем позиции немецкой артиллерии, обстреливавшей повстанцев, и сбросить боеприпасы и автоматическое оружие.

Параллельно с Чернякува приплыл в район Саска Кемпа и добрался до командира 9-го пехотного полка 3-й пехотной дивизии, которая приняла этот участок от советских войск, патруль АК из трех человек во главе с подхорунжим Станиславом Коморницким («Налэнчем»). Подполковник «Радослав» 15 сентября докладывал о них: «Сегодня ночью я выслал боевой до-

зор на советскую сторону с просьбой открыть артиллерийский огонь по районам Сейма, стадиона, Фраскати, а также о присылке оружия и боеприпасов. Ответа до сих пор нет. Со мной установил контакт боевой дозор в составе 5 человек из дивизии им. Т. Костюшко, который интересовался обстановкой. 15.IX. в 22.00 отправил этот дозор плюс штабного офицера с просьбой об оружии, боеприпасах, а также о высадке на моем берегу по крайней мере батальона»³⁹. Некоторые повстанцы переплывали Вислу самостоятельно.

На основе полученных данных командующий 1-й армией Войска Польского генерал Берлинг сделал вывод, что обороняемый повстанцами район чернякувского Повисля подходящее место для высадки десанта. В ночь на 16 сентября туда была послана разведгруппа, а перед рассветом батальон 9-го пехотного полка. Было принято решение перенести время высадки десанта на 24 часа ранее запланированного. Существенную роль в принятии такого решения сыграло желание командования 1-й армии Войска Польского оказать помощь находящимся в трагической ситуации повстанческим отрядам в районе Чернякува⁴⁰. Оно, несомненно, имело основания опасаться, что отсрочка может привести к тому, что весь варшавский берег окажется в руках немцев прежде, чем польские солдаты высадятся на него. Поэтому ждать подвоза всех необходимых для переправы средств не стали, не стали даже ждать доставки боеприпасов для артиллерийских орудий, а также, что самое главное, не дождалось согласования действий с руководством восстания. Приходилось действовать со значительной долей импровизации.

Выработанный в штабе 1-й армии Войска Польского «План тактико-оперативных действий по овладению г. Варшавой» предусматривал, что в течение трех дней и четырех ночей при поддержке советских артиллерии, авиации, инженерных и химических войск можно будет овладеть двумя обширными плацдармами в районах Чернякув и Жолибож, соединиться с повстанцами, переправить 1-ю армию Войска Польского на левый берег и начать освобождение Варшавы. Предусматривалось, что танки и артиллерийские орудия будут переброшены парами. Одновременно польские саперы построят два понтонных моста через Вислу⁴¹.

Для оказания помощи в проведении десантной операции и координации с действиями советских войск командованию 1-й армии Войска Польского была придана группа советских офицеров во главе с генерал-майором Молотковым. Ежедневные донесения о ходе боев за Варшаву получал Сталин. Утром 16 сентября маршалы Жуков и Рокоссовский прибыли в штаб 1-й армии Войска Польского в деревню Зеленая. Генерал Берлинг проинформировал их о намеченном в эту ночь десантировании второго эшелона 9-го пехотного полка. На следующий день два батальона пехоты численностью около 1000 бойцов, шесть 45-мм артиллерийских орудий, 17 минометов, 28 станковых пулеметов, 32 проти-

вотанковых ружья уже были на противоположном берегу Вислы¹². Командование десантными силами принял начальник штаба 9-го пехотного полка майор Станислав Латышонок. Они поддерживали оборонявшуюся из последних сил группу повстанцев АК и АЛ, насчитывавшую 400 человек. Удержание и расширение плацдарма, при одновременном ударе со стороны Средместья повстанческих сил, знавших территорию и тактику ведения боев в условиях большого города, могло открыть путь к соединению регулярных войск с пражского берега с повстанцами.

О сложившейся обстановке маршал Жуков информировал Ставку Верховного Главнокомандования вечером 16 сентября. «Главные силы Берлинга, — докладывал он Сталину, — на ближайшее время будут иметь задачу захвата южной части Варшавы, ориентировочно от Аллеи 3 мая, Аллей Иерозолимских до района Генрикув, и, закрепившись, повести в дальнейшем операцию на север, предположительно охватывая город с юго-запада... Кроме того, если нам удастся войти в боевой контакт с повстанческой группой, занимающей северную часть города, то навстречу южному удару организуем удар с севера, охватывая город с северо-запада». Он также предусматривал создание плацдарма к северу от Варшавы силами усиленного корпуса пехоты из 47-й советской армии. Были также конкретизированы задачи для артиллерии и авиации¹³.

В соответствии с этими замыслами командование 1-й армии Войска Польского решило в ночь с 18 на 19 сентября высадить на жוליбожском берегу десант 6-го пехотного полка 2-й дивизии с задачей «установить связь с повстанцами и овладеть районами Жолибож и Маримонт»¹⁴. В течение двух ночей (на 19 и на 20 сентября) там высадили два батальона 6-го пехотного полка 2-й дивизии. Однако под сильным огнем они не смогли преодолеть «висляный вал» — кручу берега над Вислой. Кроме того, днем 19 сентября под прикрытием дымовой завесы начали форсирование Вислы между мостом Понятовского и железнодорожным мостом два батальона 8-го пехотного полка силой до 1000 бойцов, при 6 артиллерийских орудиях, 9 минометах и т. п.

Несмотря на удачные (хотя и с осложнениями) переправы на западный берег Вислы, положение десантированных ранее войск ухудшалось. Немцы в эти дни значительно ослабили атаки на районы города, удерживаемые восставшими, и сконцентрировали свои силы на уничтожении плацдармов, отрезая их от пражского берега сплошной огневой завесой. Главный удар был направлен на плацдарм у Чернякува, где повстанческие войска АК и АЛ соединились с десантом Войска Польского.

Именно такого развития событий больше всего боялось немецкое командование. Предвидя эту опасность, оно еще раньше стремилось отеснить повстанцев от берега Вислы и захватить его.

Поэтому немцы поочередно наносили удары на районы Старое Място и Повисле, Садыба и Сельце, а впоследствии на Жолибож и Чернякув. «Как неизбежная необходимость, встала передо мной важнейшая цель наступления — захват всего западного берега Вислы, — писал фон дем Бах в донесении «Опасность соединения русских с повстанцами в Варшаве» — поэтому мой письменно утвержденный план битвы предусматривал двусторонний охват с севера и с юга вдоль Вислы, чтобы в любой момент иметь возможность создать фронт против русских»⁴⁵.

После упорных боев в районе ул. Ксёнженца 13 сентября была прервана связь между районами Чернякув и Средместье и сужена до очень небольшого участка территория, обороняемая отрядами АК под командованием подполковника «Радослава» и майора Зыгмунта Нетзера («Крыски»), а также отрядами АЛ подпоручика Збигнева Пашковского («Стаха»).

Овладение Прагой сделало реальной ситуацию, которой опасались немцы — соединение повстанческих сил с советскими и польскими войсками. Западногерманский историк определил это как начало кризиса немецкой обороны. «Произошло то, чего опасались еще с 1 августа: русские и поляки действовали совместно. Во всяком случае, так это оценивало немецкое командование»⁴⁶. Об этом свидетельствует, в частности, запись в дневнике фон дем Баха. Он сетовал, что теперь, кроме повстанцев, ему противостоит польская армия в составе трех дивизий, «которые стоят на другом берегу Вислы и всеми средствами добиваются установления взаимодействия с повстанцами»⁴⁷. Гитлеровские войска блокировали плацдармы, отрезая их от Вислы сильным огнем, которым были уничтожены почти все имевшиеся в распоряжении 1-й армии Войска Польского переправочные средства, что сделало невозможной доставку на левый берег боеприпасов, питания, а особенно артиллерийских орудий и танков, необходимых для того, чтобы вести борьбу в городских условиях.

О трудностях, с которыми встретились войска, сражавшиеся на плацдармах, говорил генерал Жимерский на заседании ПКНО 18 сентября. Он подчеркнул, что силы советских 47-й и 70-й армий, а также часть сил 1-й армии Войска Польского сдерживали контратаки немецких бронетанковых войск на северных окраинах Праги и над Наревом и прикрывали главные силы форсирующих реку дивизий от возможного удара с севера по их флангам и тылам. Он считал, что фронтальные атаки через Вислу способны облегчить положение повстанцев, но освобождение Варшаве может принести только операция по окружению города. Однако возможность создания советского плацдарма к северу от Варшавы, что являлось условием успеха этой операции, уменьшилась как в связи с измотанностью войск, так и по причине усиления 4-го немецкого танкового корпуса, оборонявшего плацдарм у слияния Вислы, Буга и Нарева переброшенной с магнусшевского плацдарма танковой дивизией «Герман Геринг»⁴⁸.

Немецкое командование реорганизовало структуры 9-й армии и ее варшавского участка. Ее командующего генерала Форманна, обвиненного в сдаче Праги, сменил 21 сентября генерал Смило фон Люттвитц. На оборону линии Вислы в Варшаве 18 сентября был переброшен из-под Нарева 47-й танковый корпус 2-й немецкой армии, в подчинение которого была передана часть сил корпусной группы генерала фон Баха⁴⁹.

Под ударами немцев быстро таяли силы десанта на варшавских плацдармах. После отчаянного сопротивления 20 и 21 сентября прекратили борьбу изолированные плацдармы 8-го пехотного полка в районе моста Понятовского и 6-го пехотного полка на Жолибоже. Только остаткам их удалось перебраться на правый берег. После неудачных попыток переправиться через Вислу в других местах — 7-м пехотным полком в районе Кемпы Чернякувской и острова, 1-й кавалерийской бригадой в районе моста Карбедзя и 1-й дивизией из Кемпы Гоцлавской — оставался еще отчаянно оборонявшийся чернякувский плацдарм. С целью помочь ему маршал Рокоссовский отдал 20 сентября в 13.30 приказ командующему 8-й гвардейской армией генералу Чуйкову отвести с мангушевского плацдарма и передать в распоряжение генерала Берлинга хорошо укомплектованный полк, имеющий опыт ведения уличных боев в Сталинграде. Однако 226-й гвардейский полк, спешно прибывший в Милосну, не смог принять участие в боях, так как оборона на Ченякуве уже была сломлена⁵⁰.

Ведший бои в необычайно трудных условиях, отрезанный чернякувский плацдарм пал 22 сентября. Двумя днями ранее тоннелями городской канализации в район Мокотува пробралась группа подполковника «Радослава». Часть солдат 9-го пехотного полка, а также АК и АЛ во главе с майором Зыгмунтом Нетзером («Крыской») сумели переправиться через Вислу на Саскую Кемпу. Группа во главе с майором Латышонком и капитаном Рышардом Бялоусом («Ежи»), командиром батальона АК «Зоська» приняли решение пробиваться в Средместье. Это удалось только нескольким, в том числе и «Ежи». Остальные погибли или попали в плен. Вопреки заверениям фон дем Баха в листовках и через парламентариев немцы зверски расправились с пленными повстанцами. Как и на других участках, на Старом Мясте были замучены все тяжелораненые повстанцы, а 30 человек пленных, в их числе и нескольких санитарок, повесили в районе Сольца⁵¹.

Потери 1-й армии Войска Польского в битве за плацдармы были огромными. Из 2614 бойцов, переправившихся на левый берег Вислы, потери убитыми и ранеными составили 2276 человек (87%), а убитыми и пропавшими без вести — 1987 человек (76%). В это же время (16 — 23 сентября) на правом берегу Вислы погибло 310 человек, ранено было 1178 бойцов. Общие потери 1-й армии Войска Польского за эти дни составили 3764, а советских 47-й и 70-й армий — около 5000 человек. Наибольшие потери — 25% личного состава — понесла 3-я польская пехотная дивизия

им. Траугутта, выполнявшая главную задачу — удар на Чернякув. С учетом пражской операции польские войска в районе Варшавы потеряли 6500 человек, советские — более 10 тыс. Немецкие потери на том же участке фронта за этот же период составили 18 тыс. человек, в том числе 3500 в непосредственных столкновениях с польскими подразделениями, без учета потерь в сражениях с повстанцами⁵².

Ввиду таких тяжелых потерь командование 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского вынуждено было прекратить попытки форсирования Вислы и «принять решение об отводе всех подразделений на восточный берег Вислы в районы, занимаемые подразделениями армии... Действия противника в р-не Варшавы характеризуются возрастающим натиском. Атаки против частей 1-й армии Войска Польского не прекращаются»⁵³. 23 сентября Сталин проинформировал об этом американского посла Гарримана. Главной причиной неудачи операции он назвал отсутствие возможности переправить танки, без которых не могло быть и речи о штурме доминирующих на возвышенностях позиций немцев, откуда легко было подавить огнем места переправы⁵⁴.

* * *

Как после любого поражения, а особенно после этой, по определению Збигнева Залуского⁵⁵, самой трагической битвы и единственного поражения в истории народного Войска Польского, ищут тех, на кого можно взвалить вину, раскапывают субъективные причины. Несомненно, что на разных уровнях командования допускались какие-то ошибки в разведке, подготовке и руководстве операцией. На них, в конце концов, указывалось в «Боевом донесении командующего 1-й армией Войска Польского командующему 1-м Белорусским фронтом о результатах боев за создание плацдармов и оказание помощи повстанцам Варшавы»⁵⁶. Их называют и анализируют военные историки, и поэтому мы отсылаем читателя к этим детальным и документально подтвержденным работам⁵⁷.

Однако не подлежит сомнению, что на неудачу этой операции главным образом повлияли объективные причины, не зависящие от воли тех, кто ее планировал и исполнял. Прежде всего это было существенное численное и огневое превосходство противника на участках высадки десантов польских войск. Немцы имели возможность перебрасывать силы других участков фронта и районов Варшавы, использовать танки и артиллерию для подавления десантов, имевших только стрелковое оружие. Немцы вели огонь с высокого берега Вислы, господствующего над пражским берегом, зеркалом реки и пляжами. Они обладали огромным опытом ведения боев на городских улицах, в том числе и в Варшаве, в отличие от большинства солдат 1-й армии Войска Польского, которые были в основном деревенского происхождения и еще не участвовали в боях такого рода. Под плотным немецким огнем, который сделал практически

невозможным организовать переправы, не могло быть и речи о наведении понтонного моста, по которому должны были пройти танки и артиллерия, а прибрежные отмели исключали использование тяжелых плавучих средств.

В этой войне почти никогда более не предпринималось попыток фронтального форсирования мощной водной преграды непосредственно перед городом, в котором укрепился противник. Но эта в какой-то степени импровизированная операция возникла из необходимости оказать помощь столице Польши и ее жителям, оказавшимся на краю гибели, а значит, была продиктована соображениями не только политическими, но и моральными, стоящими выше военных. И, хотя это покажется парадоксом, принесла определенную пользу и облегчение Варшаве. Она на много дней отвлекла часть немецких сил, ранее занятых исключительно подавлением восстания; вынудила немцев обещать гуманное обращение с населением и повстанцами, чтобы склонить последних к капитуляции.

К сожалению, события, которые немецкое командование рассматривало как согласованные советско-польские действия, на самом деле были действиями нескоординированными и невзаимосвязанными⁵⁸.

Именно поэтому не был использован критический момент в положении немецкой армии—ее поражение в районе Праги 12 сентября. Как доказал Ежи Кирхмайер, «повстанцам удалось бы удержать Повисле, если бы Чернякув не был только небольшим очагом сопротивления, если бы оборона Жолибожа охватила берег Вислы: вполне возможно тогда, что немцы не смогли бы создать фронт обороны на западном берегу, и соединение сил повстанцев с войсками 47-й армии стало бы реальным». Но поскольку основные силы повстанцев были сконцентрированы в центральной части районов Средместье, Жолибож и Мокотув, «...немцы получили возможность создать фронт обороны на западном берегу Вислы, отрезать повстанцев от 47-й армии, создать на самой реке мощные огневые заслоны, чрезвычайно осложнить форсирование Вислы со стороны Праги и в итоге подавить восстание, которое так и не смогло ни на минуту преодолеть своей изоляции»⁵⁹.

Появление на пражском берегу 1-й армии Войска Польского никак не изменило тактику командования АК. Его стремление удержаться в центре столицы было продиктовано прежде всего желанием показать себя хозяином перед вступающими в столицу войсками, что, несомненно, снижало его заинтересованность в совместных действиях с советскими и польскими войсками.

Только политическими мотивами можно объяснить отсутствие усилий по овладению хотя бы одним мостом, что бросило на произвол судьбы восставших на Праге, а позже привело к утрате доступа к Висле. Эта тактика привела в недоумение даже западногерманского историка: «Польский гарнизон района Повисле был удивительно слаб и плохо вооружен. После падения Старого Мяста здесь остались только самые немногочисленные и разбитые отряды.

Не была укреплена и оборона этого участка. Если настолько рассчитывали на советскую помощь, которая могла прийти только со стороны Вислы, что даже отказались от капитуляции в надежде на нее, то почему же одновременно не сделали ничего для удержания выдвинутых позиций, которые могли бы поддержать попытки переправки Рора, встретив упорное сопротивление со стороны Средместья, была вынуждена отражать яростные контратаки, здесь в это время позволили себе утратить наиболее важный для оказания помощи восстанию берег Вислы»⁶⁰.

Тактика командования АК, его пассивность в отношении высаживавшихся польских войск не только способствовали провалу этой операции, целью которой была помощь повстанцам, но и принесли огромный урон самому восстанию. А ведь было совершенно ясно, что после ликвидации плацдармов немецкое командование могло бросить и бросило освободившиеся силы против еще тлеющих очагов восстания в районах Мокотув, Жолибож и Средместье.

* * *

Чем же руководствовалось в то время командование восстанием? Оно оказалось подверженным случайному стечению разных, часто противоречивых факторов. С одной стороны, будучи поляками, варшавянами, наконец, просто людьми, чувствующими ответственность за то, что случилось и что может случиться, они стремились положить конец трагедии и освободить столицу. С другой стороны, как политики, ведущие борьбу за власть, они гнали прочь даже мысль о столице, освобожденной Красной Армией, а особенно народным Войском Польским. Они рассчитывали на изгнание немцев из города советскими войсками, но только при таких обстоятельствах, которые делали бы возможным удержание ими власти в столице Польши.

Если бы командование АК согласилось вступить в совместную с Красной Армией и Войском Польским борьбу с врагом, это, очевидно, затруднило бы реализацию политических целей восстания, хотя в то же время ускорило бы освобождение Варшавы и спасение ее населения. Однако перевес взяло желание руководителей восстания существенно облегчить советским и польским войскам их продвижение вперед.

В новых условиях, после изгнания немцев из Праги, освобождение столицы Красной Армией, а особенно народным Войском Польским, не могло уже осуществиться по задуманному сценарию. Наоборот, варшавяне и большинство повстанцев приветствовали бы их как освободителей, и стало бы трудно найти людей, которые согласились бы участвовать в замышлявшейся военно-политической конфронтации. Отношение жителей Праги к освободившим их войскам было доказательством того, что опасения руководителей «лондонского лагеря» не были необоснованны. Достаточно привести как пример фрагмент донесения члена Военного Совета 47-й

армии генерал-майора Ивана Королева члену ВС 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту Константину Телегину от 16 сентября 1944 года об отношении населения предместья Прага к Красной Армии и 1-й армии Войска Польского. «Все очевидцы событий подтверждают, что войска, вошедшие в Прагу, были встречены населением с исключительной радостью и энтузиазмом. Проходящие части, танки и автомашины забрасывались цветами, непрерывно слышались приветственные возгласы. Население предлагало солдатам папиросы и конфеты, стремилось всячески услужить...»^{60а}.

Командование АК надеялось использовать военную и материальную помощь советских и польских войск в угоду далеко идущим политическим планам эмигрантского польского правительства вопреки интересам ПКНО и Советского Союза. Напомним, что речь шла прежде всего о том, чтобы вынудить Советское правительство, побудив западные державы и мировое общественное мнение оказать на СССР давление, признать претензии эмигрантского правительства на власть в Польше и восточные земли, отказавшись от поддержки КРН и ПКНО. Отсюда и позиция, создающая видимость готовности к контактам, соглашению, сотрудничеству, выраженная, в частности, в цитированной телеграмме командующего АК от 11 сентября.

В статье «Восстание и Красная Армия» орган главного штаба АК в связи с освобождением Праги утверждал, что «военное значение восстания для советского командования значительно возросло... мы создаем Красной Армии возможность относительно легкого захвата левого берега Вислы... Советское командование отдает себе отчет, что помощь эта полностью себя окупает. Армия Крайова готова... вместе с советскими войсками бить немцев до полной победы»⁶¹.

Воззвание генерала «Бура» к солдатам АК от 20 сентября, подчеркивавшее, что как польское правительство в Лондоне, так и командование АК сделали все, чтобы установить взаимодействие и связь с Красной Армией и что такая связь уже существует, призывало к выдержке в ожидании «момента вступления в столицу победоносной Красной Армии»⁶².

Руководство АК и далее декларировало готовность к взаимодействию и заботилось, чтобы эту легенду широко распространяла официальная пропаганда, так как она способствовала улучшению настроения бойцов и гражданского населения. Командующий АК в одной из радиogramм в Лондон назвал это «волей к борьбе и коллективным оптимистическим психозом»⁶³. Бюро информации и пропаганды главнокомандования АК охарактеризовало ситуацию следующим образом: «Капитулянтские лозунги по отношению к немцам сегодня выглядят предательством. Всякие антисоветские акценты в проправительственной прессе вызывают неудовольствие и опасения ухудшения отношений с Россией». Воцарившиеся в Варшаве настроения расценивались как «благоприятные для ПКНО»⁶⁴.

В этой обстановке главнокомандующий АК разрешил коман-

дующему восстанием Хрущелю установить непосредственный тактический контакт с ближайшим советским командованием, однако ограничил его только техническими вопросами, а позднее приказал представлять ему на согласование все проекты радиogramм. 15 сентября «Монтер» послал письмо «Командующему Красной Армией под Варшавой» и направил на другой берег Вислы офицерский патруль, снабженный средствами связи и шифрами, во главе с поручиком Чеславом Пеняком («Маком»). Патруль перебрался через реку 20 сентября. Радиосвязь между штабами 1-й армии Войска Польского и варшавского округа АК была установлена 24 сентября, т. е. когда на левом берегу Вислы уже не осталось ни одного плацдарма^{61a}. О направлении офицеров-связистов генерал Коморовский уведомил маршала Рокоссовского 15 сентября через Лондон, подчеркнув: «Благодарим за прикрытие авиацией, сбросы оружия, боеприпасов и продовольствия»⁶⁵.

Между тем конкретные шаги предпринимались в ином направлении. Во время самых упорных боев на плацдармах командование восстания ничего не сделало для хотя бы частичного снятия блокады, не пыталось нанести отвлекающие удары по тылам немецких войск, ликвидировавших плацдармы. «Тем временем обстановка на всем чернякувском участке становилась все более драматичной, — заключил командующий борющихся там отрядов АК подполковник Ян Мазуркевич («Радослав»), — немцы быстро поняли, чем грозит им прибытие к нам подкреплений из-за Вислы. Они увеличили силу огня тяжелой артиллерии и авиации по этому многострадальному участку. Командование АК со странным упорством не вспоминало о гибнущей группе. Я не получил из Средместья никакой помощи — ни людьми, ни боеприпасами»⁶⁶.

Командование АК не приняло также конкретных предложений, которые 17 сентября были изложены генералу Хрущелю делегацией АЛ и ПАЛ в лице генерала Скоковского и майора «Сенка»-Малэцкого. Этот план предусматривал перенос главных усилий повстанческих отрядов к берегу Вислы, даже ценой потери некоторых кварталов в западной части Средместья. Атака на немецкие позиции, преграждавшие доступ повстанцам к Висле, и соединение этим путем с советскими и польскими частями могли бы радикально изменить положение повстанцев и даже в случае неудачи создать возможность для их переправы вместе с частью населения через Вислу на Прагу⁶⁷.

Совпадение этого предложения с представленными выше оперативными замыслами командования 1-го Белорусского фронта и планом действий 1-й армии Войска Польского, там и здесь проявлявшееся стремление выйти навстречу друг другу и объединить усилия повстанцев и регулярных войск поразительно, если припомнить, что до этой поры между ними не было никакой связи, а значит, не могло быть никаких договоренностей.

Стремлений этих, однако, не разделяло руководство АК. Повстанцев, ведущих бои на чернякувском плацдарме, даже не пробо-

вали отблокировать ни силами Средместья, ни других районов. С горечью писали об этом подполковник Мазуркевич («Радослав»), боец восстания Леслав Бартельский: «Ни один солдат не был выделен из этих отрядов в помощь истекавшим кровью повстанцам Чернякува... Последний шанс оперативного и тактического взаимодействия был безвозвратно утрачен»⁶⁸.

А ведь это был первый и единственный раз, когда плечом к плечу сражались с врагом поляки, стоящие под разными знаменами: солдаты народного Войска Польского, Армии Крайовой, а также Армии Людовой; отряды перемешались друг с другом в боях, совместно выдвигали командиров, вместе гибли. Тем временем после недельных боев генерал Коморовский радировал из Средместья в Лондон: «Один батальон из войск Берлинга уже несколько дней дерется на Чернякуве. Никакого взаимодействия его с нашими отрядами нет, так как берлинговские командиры относятся к нам очень плохо». О польских солдатах 6-го пехотного полка, которые форсировали Вислу, чтобы соединиться с повстанцами, он в этой же радиограмме писал, что «батальон Красной Армии, который переправился через Вислу на Жолибож, был отброшен противником»⁶⁹.

Командование АК на Жолибоже также не поддержало отчаянных усилий бойцов 6-го пехотного полка, которые форсировали там Вислу. Одна из групп на отрезке ул. Промыка приблизилась к позициям повстанцев на короткое расстояние. Но те не прорывались, чтобы соединиться с ними, так как не было приказа. Донесения, которые они направляли своему командованию, остались без ответа. Командование АК отвергло предложение командира отрядов АЛ капитана Яна Шанявского («Шведа») дать возможность хотя бы отрядам АЛ занять позиции по соседству с плацдармом для ведения совместных действий с десантом⁷⁰.

Следует подчеркнуть, что варшавское руководство ППР и АЛ старалось разъяснить людям роковые последствия упущенных шансов на взаимодействие повстанцев с советскими и польскими войсками. В повстанческой прессе тех дней с огромной тревогой сообщалось, что «создалась странная, непонятная ситуация. Ответственное руководство восстания ведет себя так, будто борьба, ведущаяся на пражском берегу, не имеет ничего общего с нашей борьбой». Через несколько дней печать АЛ констатировала, что «не технические трудности являются препятствием. Командование АК, которое имеет возможность поддерживать постоянную связь с Лондоном, могло бы договориться и с Прагой, если бы этому не мешали политические мотивы, те самые, которые лежали у истоков Варшавского восстания»⁷¹.

22 сентября командование восстания передало через радиостанцию капитана Колоса сообщение маршалу Рокоссовскому, согласованное с главнокомандованием АК, в котором выражалась готовность к совместным действиям — «в случае принятия представленного нами плана». Этот план предусматривал, что советские войска совершат быстрый окружающий маневр, клещи которого

должны были пройти почти по всем окраинам Варшавы, то есть на севере через Пушу Кампиноскую, а на юге — через Лес Кабацкий, при одновременном фронтальном ударе на Жолибож и Повисле. Однако предложение нанести удар через леса исключало применение танков и предусматривало форсирование Вислы во многих местах. При этом командование АК заверяло, что «при наступлении на Варшаву можем обеспечить взаимодействие наших отрядов (из районов) Жолибожа, Средместья и Мокотува ударами в направлении берега Вислы, где вы будете ее форсировать»⁷².

Напомним, что 22 сентября был ликвидирован последний — чернякувский — плацдарм, причем командование АК не поддержало его борьбу. Именно тогда, когда попытки форсирования Вислы окончились неудачей, когда в данной днем раньше главнокомандованием АК оценке обстановки утверждалось, что овладение Варшавой путем фронтальной акции через Вислу не представляется в ближайшее время возможным, — именно тогда советским и польским войскам было предложено вновь форсировать реку и высадить десант на высоком берегу, полностью захваченном немцами⁷³.

Совершенно ясно, что такое предложение было настолько запоздалым и очевидно нереальным, что могло лишь возбудить серьезные подозрения адресата в отношении истинных намерений авторов этого плана.

Не могла вызвать никаких сомнений в намерениях авторов и радиограмма маршалу Рокоссовскому от 20 сентября, в которой делегат эмигрантского правительства Янковский и командующий АК Коморовский по поводу заявления советских военных властей, что единственной властью на освобожденной территории, которой предоставлено право вести мобилизацию, является ПКНО, лукаво утверждали, что это якобы противоречит международному праву и что в их понимании это якобы немецкая провокация, преследующая цель посеять раздоры между союзниками. Ясно, что как отношение Советского правительства к ПКНО, так и декрет ПКНО от 15 сентября 1944 года о мобилизации были хорошо известны авторам этой радиограммы из опубликованных соглашений и деклараций. Провокационная попытка развернуть полемику на эту тему перед лицом истекающей кровью Варшавы свидетельствовала о том, что эти политики больше были заинтересованы продемонстрировать свои притязания на власть, чем во взаимодействии ради спасения Варшавы⁷⁴.

Изображая готовность к взаимодействию с Красной Армией, командование АК одновременно готовилось к своеобразной встрече ее в столице. Изданная 12 сентября, когда еще шли бои за Прагу, совершенно секретная директива «Бура»-Коморовского предписывала повстанческим отрядам АК в случае освобождения Варшавы «немедленно овладеть городом. ...Очистить главные магистрали от баррикад, рвы засыпать... Баррикады и укрепления, замыкающие контролируемые АК районы, не разбирать до полного выяснения советско-польских отношений». Устанавливалось, что любое пере-

движение советских или польских сил через эти районы могло происходить только с разрешения командования АК, возобновляемого в каждом отдельном случае. Отряды АК, дислоцировавшиеся в лесу, из окрестностей Варшавы должны были как можно быстрее перебраться в городские районы Жолибож и Мокотув. Одновременно намечалось захватить такие важные объекты, как Цитадель и Гданьский вокзал, используя оперативную пустоту, которая должна была образоваться после ухода немцев перед приходом Красной Армии⁷⁵.

На основании директивы командующего АК полковник Хрусьцель на следующий день отдал соответствующий приказ командирам отдельных округов, который предполагал овладение Варшавой советскими войсками широким маневром, а фронтальные действия считал наименее вероятными. В случае освобождения Варшавы обходным маневром было приказано «захватить силами АК как можно большую территорию города... На занятой территории создать оборону, оставляя в распоряжении русских войск очищенные нами главные коммуникационные артерии... Реорганизовать резервы, подполье». В случае фронтального наступления через Вислу полковник Хрусьцель приказывал «приступить, по согласованию с советским командованием, к изгнанию немцев из Варшавы... Прочно удерживать занимаемую до того времени территорию»⁷⁶.

Реализация этих инструкций должна была привести к созданию в узловом пункте фронта, а впоследствии в тылу Красной Армии своего рода укрепленного лагеря, территориального анклава, остающегося под властью центра, не признаваемого СССР. Хотя заранее можно было предвидеть, что армия, ведущая войну с беспощадным и все еще грозным врагом, не согласится на какое-либо ограничение свободы ее передвижения.

Аналогичную концепцию еще раньше выдвигал директор департамента информации и прессы Делегатуры правительства Станислав Каузик («Долэнга»). Его проект предусматривал сосредоточение отрядов АК, а прежде всего командования АК и Делегатуры (КРМ) в центре города, который предварительно предстояло опоясать заграждениями из колючей проволоки и создать там закрытую для советских войск и войск ПКНО территорию⁷⁷. Как видим, этот проект отличался от приказа командующего АК только формой «приветствия» польских и советских войск: не баррикадами, а заграждениями из колючей проволоки.

С этим были согласны также Крайова Рада Министров и Рада Едности Народовой. В случае вступления в Варшаву Красной Армии они намеревались поименно представиться ее командованию, как информировал 22 сентября премьера Миколайчика инженер Янковский. И тут же подчеркивал: «Мы рассчитываем продержаться вместе под прикрытием войск в течение нескольких дней. Не вижу возможности, чтобы мы сами смогли распутать эту ситуацию. Поэтому считаем необходимым Ваш немедленный приезд после вступления Советов в Варшаву, но полагаем, что это должно про-

изойти при одновременном прибытии представителей английского и американского правительств, наделенных соответствующими полномочиями»⁷³.

Пока эта радиограмма дошла до Лондона, данные вопросы обсудило эмигрантское правительство. Его постановление от 22 сентября предусматривало, что если советские войска овладеют Варшавой, то Делегатура правительства и командование АК должны представиться и начать переговоры с советским командованием «в духе августовского меморандума», выдвинув следующие требования:

— восстановление на освобожденных территориях «легальной власти Правительства Республики», то есть эмигрантского правительства;

— признание АК самостоятельной армией и соединение всех ее отрядов под командованием генерала «Бура». При этом не определять отношения к народному Войску Польскому, именовавшемуся в документе «армией Жимерского», оставив это для дальнейших решений эмигрантского правительства;

— в случае удовлетворения этих требований обещать «взаимодействие в тылу врага»;

— в случае отказа их удовлетворить провести демобилизацию обнаруживших себя сил АК⁷⁴.

Содержание этого постановления свидетельствует о продолжении старой политической линии, включая использование методов провоцирования конфликтов. Передавая его содержание командирующему АК, генерал Соснковский дополнил ее комментарием, рекомендуя оставить АК в подполье и после освобождения, а также «сохранить связь и организационные ячейки, хотя бы для сбора информации о ситуации при советской оккупации»⁸¹. Такого рода деятельность, как видно и в условиях продолжавшейся войны, не могла быть одобрена и неизбежно вызвала бы ответные меры.

Несмотря на разницу в тональности документов и рекомендуемых методах действий, вожаки соперничавших между собой группировок эмиграции гнули одну и ту же линию на создание конфликтной ситуации, жертвой которой пали бы те, кто им верил и подчинялся.

В свою очередь, готовясь к освобождению Варшавы, гражданские представители эмигрантского правительства в стране 22 сентября решили разделить подведомственный им аппарат на три группы:

а) те, кто остается и действует вполне легально;

б) те, кто остается, но действует нелегально;

в) те, кто скомпрометировал себя по отношению к большинству, должны укрыться в провинции или за границей⁸¹.

Таким образом, после освобождения решено было уйти в новое подполье, что, по существу, соответствовало линии, которую определил для Армии Крайовой генерал Соснковский.

* * *

Совершенно ясно, какие роковые последствия для решения польского вопроса и для сплоченности антигитлеровской коалиции могли иметь такие действия. «Разгром немцев в Варшаве был только поводом к конфронтации между освобожденной и сплотившейся столицей и советскими властями» — так коротко охарактеризовал суть этой концепции эмигрантский историк⁸².

Как уже упоминалось, командование Красной Армии было осведомлено о намерениях буржуазных кругов в Польше и совершенно очевидно стремилось уклониться от каких-либо вооруженных столкновений с поляками. Принятые им решения о направлении для непосредственного освобождения столицы Польши 1-й армии Войска Польского объяснялись не только причинами морально-психологического порядка, но и желанием предупредить готовившийся руководством АК конфликт между АК и Красной Армией, которую обвинили бы во вмешательстве в польские дела. Речь шла о том, чтобы в рамках советской военной операции по освобождению Варшавы тактические действия по овладению городом должны были стать делом самих поляков. От этой установки отошли только в критический момент сражения 1-й армии Войска Польского за плацдармы, когда было решено перебросить для непосредственного участия в бою полк сталинградцев из 8-й гвардейской армии генерала Василия Чуйкова. Вступление именно частей Войска Польского в столицу придавало бы возможному конфликту внутриваршавский характер, затрудняя попытки превратить его в международный, а могло и вообще его предотвратить, так как лидерам сторонников эмигрантского правительства нелегко было бы найти в Варшаве людей, готовых к братоубийственной войне, что, впрочем, подтверждали и их собственные оценки, приводимые ниже.

Такой же была и оценка ПКНО, который обсуждал эти вопросы 15 сентября в связи с информацией генерала Жимерского о положении на варшавском участке фронта. В расчет принималось то, что после освобождения Варшавы может возникнуть состояние двоевластия и необходимость начать политическую борьбу с представителями эмигрантского польского правительства. Считалось, однако, что само присутствие четырех дивизий народного Войска Польского, которое включит отряды АК в свои ряды, разрешит эту проблему⁸³.

Предполагалось, таким образом, что отношение варшавской АК к Войску Польскому, которое освободит столицу, будет иным, чем то, которое выказывали ему некоторые элементы АК на освобожденных землях. Так, они вели агитацию против ПКНО, Войска Польского и советского союзника, саботировали мобилизацию и подстрекали к дезертирству, и все это в условиях продолжавшейся войны с Германией. Но самую психологически острую реакцию, особенно в войсках, вызвали террористические акты, и прежде всего убийство 2 сентября 1944 года коменданта районного призывного пункта в Замостье майора Юзефа Кропивницкого, бывшего офицера Батальонов Хлопских (БХ)⁸⁴. Побочным результатом этих

действий было то, что в аппарате ПКНО и в войсках, польских и советских, зачастую склонны были преувеличенно оценивать ситуацию и делать упрощенные выводы. Однако преобладали оценки состава АК как политически и социально дифференцированного; отмечалось, что большинство бывших солдат АК вступают в народное Войско Польское, чтобы в его рядах продолжать войну с гитлеровской Германией.

Инструкция Политико-воспитательного управления 1-й армии Войска Польского «К вопросу об отношении в частях и подразделениях к бывшим членам Армии Крайовой» предписывала, что задача кадров состоит в том, чтобы «преодолеть возможное недоверие, первоначальное отчуждение, помочь войти им в жизнь данного подразделения, нашего войска в целом, нейтрализуя влияние многолетней агитации, связать их идеологически с платформой польской демократии»⁸⁵. Полное признательности отношение к сражавшимся в Варшаве повстанцам, «к тем, кто из АК, и к тем, кто из АЛ», выражалось в газете 1-й армии Войска Польского⁸⁶.

Инструкции, данные Армии Крайовой на случай вступления в Варшаву частей Красной Армии и Войска Польского, предписывали комендантам варшавских округов АК встречать Красную Армию «вежливо, но холодно», как «союзников наших союзников», и запрещали вступать в политические переговоры. В то же время было запрещено признавать Войско Польское в качестве законных вооруженных сил. Имелось в виду тем самым оторвать его солдатские массы от командиров и добиться их разложения. Командующий АК генерал Коморовский на заседании КРМ заявил, что он «может вести переговоры с Советами, но не будет вести их с Жимерским»⁸⁷.

Дискредитировать народное Войско Польское в глазах поляков, свести на нет его боевой вклад в освобождение старались также в своем большинстве органы печати АК и Делегатуры. Первую информацию о присутствии польских солдат на Восточном фронте поместил орган главного штаба АК «Бюлетын інформаційны» только 17 сентября. Стоит подчеркнуть, что некоторые районные газеты АК занимали в этом вопросе иную позицию, отмечая боевые заслуги польских солдат⁸⁸.

Факт участия Войска Польского в боях за Варшаву в целом был известен в восставшем городе и комментировался в основном доброжелательно. Большую роль в этом сыграла пресса ППР, РППС, ППС-левицы и других группировок Повстанческого демократического соглашения и Объединенных вооруженных сил АЛ, ПАЛ и КБ.

Старательно игнорировала вклад польских солдат эмигрантская правительственная пресса в Лондоне, хотя британские агентства и газеты сообщали об этом. В частности, в материалах «От Советского Информбюро». 25 сентября 1944 года «Дзенник Польски и Дзенник Жолнежа» писал, что «русские укрепляются на варшавских плацдармах». И только 4 октября в нем впервые упомянули о

польских солдатах, когда писали «о тщетных попытках форсировать Вислу на варшавском участке советскими войсками и взаимодействующими с ними польскими формированиями»⁸⁹.

* * *

Вожаки эмигрантских кругов старались также приуменьшить значение советской помощи Варшаве оружием, боеприпасами и медикаментами. Одновременно преувеличивалось значение сбросов авиации с Запада, хотя с первых же минут восстания командование британской авиации выискивало всевозможные препятствия, мешающие полетам на Варшаву⁹⁰. Например, британский маршал авиации Джон Слессор утверждал, что в ходе авиационных операций над территорией Польши потери составили 30%, тогда как над территорией Германии — только 3—5%⁹¹. Полеты над территорией Польши главным образом осуществляли польские, а также британские и южноафриканские экипажи. Из 637 польских летчиков, которые участвовали в полетах, было сбито 112 человек (16 экипажей), из них погибло 78. Приблизительно такие же потери понесли и другие экипажи⁹².

Англичане приостановили полеты после сообщения о том, что Красная Армия начала оказывать Варшаве помощь с воздуха. Последний раз крупные сбросы с самолетов, поднявшихся с британских баз, были осуществлены в ночь на 11 сентября⁹³.

Советские аэродромы в Полтаве, Миргороде и Пирятине были предоставлены американцам для челночных операций весной 1944 года. 21 июня 1944 года они стали объектом массированного налета немецких бомбардировщиков. Погибло 30 человек советского персонала и 3 американца, многие были ранены. Были уничтожены 44 американских бомбардировщика и сгорело 1500 т горючего. Эти аэродромы после восстановления были вновь предоставлены для авиации союзников 10 сентября. Уже на следующий день там приземлилось 135 американских самолетов, которые нанесли бомбовый удар по заводам бельгийского города Брюгге⁹⁴. Эмигрантское правительство ежедневно информировало руководство восстания об отсрочке американской помощи Варшаве в связи с отказом советской стороны принять самолеты, а когда это было разрешено 9 сентября — с плохой погодой, скрывая, что для операции Лондон — Брюгге — Полтава та же самая погода оказалась приемлемой. О планируемом американском сбросе с воздуха продовольствия для Варшавы советские военные власти уведомили генерала Берлинга, который 13 сентября приказал всем частям и соединениям 1-й армии Войска Польского обеспечить 14 сентября в 14.00 свободный пролет 100 «летающим крепостям» и 64 истребителям «Мустанг», направляющимся к Полтаве⁹⁵.

Но только 18 сентября 105 бомбардировщиков в сопровождении 62 истребителей сбросили над Варшавой 1284 контейнера, из которых повстанцы сумели подобрать только 228, остальные попа-

ли в руки немцев. Некоторые из них упали за советской линией фронта⁹⁶. По мнению эмиссара правительства Янковского, в руки поляков попало только около 15% контейнеров, «остальные пошли за Вислу или на немецкую сторону по причине неумения выполнять сбросы»⁹⁷. Операция, таким образом, не удалась, и результатом ее стало разочарование, еще и потому, что это оказалось последней помощью с Запада до конца восстания⁹⁸.

Итак, провозглашаемую готовность к челночным полетам западные армии реализовали в минимальной степени. И все же, как подтверждает протокол заседания КРМ, «было решено в пропаганде сделать акцент на выдающееся значение этого рейда. Он является большим политическим успехом нашего правительства, а также его органов в стране»⁹⁹. Во исполнение этой директивы проправительственная пресса развернула шумную политическую кампанию¹⁰⁰. Орган АЛ охарактеризовал эту акцию как «еще одну попытку обмануть общественное мнение по поводу действительного положения борющейся Варшавы» и отметил, что «посыпались большие, полные энтузиазма статьи, телеграммы благодарности, разительного отличающиеся от стыдливых, а часто откровенно злобных сообщений о советской помощи. Восторженные телеграммы генерала «Бура», вероятно, забыли упомянуть, что львиная доля сбросов попала в руки немцам»¹⁰¹.

Орган РППС в статье «Правда о сбросах» писал: «Несмотря на то что уже 10 дней почти каждую ночь советские самолеты доставляют борющейся Варшаве большие или меньшие партии оружия, боеприпасов и продовольствия, газеты Делегатуры вначале сообщали, что это сбросы авиации западных союзников, либо упоминали о советских поставках где-нибудь в самом нечитаемом месте. Словом, старались вообще не писать о том, что Красная Армия снабжает борющуюся Варшаву». Зато после сбросов американцев «практически вся пресса Делегатуры впала в телячий восторг»¹⁰². Начальник БИП главного штаба АК позднее так оценил это событие: «Ожидавшийся американский сброс не оправдал надежд — настроение в войсках вновь явно упало, а население и политические круги — вновь стали склоняться к капитуляции»¹⁰³. В подготовленной для внутреннего пользования главного штаба справке о советских сбросах сообщалось: «Каждую ночь велись хорошо нацеленные сбросы оружия, боеприпасов и продовольствия, которые, несмотря на слабую упаковку, дали повстанцам Варшавы около 230 тонн, включая 30 тонн продовольствия. Особо ценным в этих сбросах было автоматическое оружие»¹⁰⁴.

В штабах Армии Крайовой, в том числе и в ее главном штабе, хватало людей, способных критически оценить деятельность АК и ее политические маневры. Ведь там было много опытных офицеров, а в VI отделе (БИП) много гуманистов с либеральными и даже с левыми взглядами. Однако не они принимали решения по принципиальным вопросам, но во имя лояльности и верности присяге следовали политике, которую считали ошибочной и пагубной.

Тенденция приуменьшить размеры советской помощи жива и поныне. Подсчеты штаба Варшавского округа АК, произведенные 30 сентября 1944 года для внутреннего пользования, показывали, что до повстанцев дошло около 150 тонн оружия и боеприпасов из советских сбросов, 86 тонн — из английских и 16 тонн — из американских¹⁰⁵.

Между тем известное эмигрантское издание оперирует более удобными для себя цифрами: 55 тонн советских грузов, около 104 тонн с Запада¹⁰⁶.

Размеры фактической помощи, предоставленной Варшаве

Сбросы грузов за время восстания	Британские и американские	Советские
Пистолетов-пулеметов и карабинов	430	2667
Пулеметов	150	Данных нет
Противотанковых ружей	230	505
Минометов	13	156
Мин и гранат	13 000	100 000
Патронов	2,7 млн.	3,0 млн.
Продовольствия (в тоннах)	22	120
Всего сброшено (в тоннах):	104	268

Источники: Донесения командования 1-го Белорусского фронта: Документы и материалы, т. VIII, с. 266; PSZ, т. III, s. 799-800.

После 18 сентября никаких сбросов с Запада уже не было. Советские же сбросы продолжались до 30 сентября¹⁰⁷. Они были прекращены только после сообщения о готовности командования АК к капитуляции¹⁰⁸. Сброшенное ранее оружие досталось немцам вместе со всем оружием повстанцев.

* * *

Отсутствие скоординированного взаимодействия руководства восстания с регулярными войсками привело к тому, что возможность спасения была упущена, а положение восставших значительно ухудшилось. Немцам удалось окончательно отрезать очаги восстания от Вислы и создать на ее левом берегу сплошную линию обороны. В этой обстановке командования 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского вынуждены были прекратить попытки форсирования Вислы и перейти к обороне¹⁰⁹. Было решено, что освобождение Варшавы возможно только ранее спланированным охватывающим маневром, но для успешного проведения такой операции необходима подготовка и сосредоточение сил. Такую же оценку этой возможности изложил позже Сталин, приняв делегацию КРН и

ПКНО во главе с Болеславом Берутом, которая с 28 сентября по 3 октября 1944 года находилась в Москве. «Если речь идет о дальнейших военных перспективах на польском участке, — докладывал Берут на заседании Политбюро ЦК ПОРП, — то они зависят от очищения всего северобалтийского района и Восточной Пруссии. Очень большое значение тов. Сталин придавал изгнанию противника из треугольника Зегже — Модлин — Варшава. Варшава будет взята путем большого охватывающего маневра.

Подготовка идет. Не в обычаях командующих войсками заниматься предсказаниями, но ориентировочно можно сказать, что период подготовки потребует от двух до трех месяцев»¹¹⁰. Подтвердилось, что эта операция началась 12 января 1945 года, а 17 января была освобождена столица Польши — Варшава.

- ¹ Wołoszyn W. Op. cit., s. 109—110.
- ² Sawicki T. Op. cit., s. 306.
- ³ Штеменко С. М. Указ. соч., с. 95.
- ⁴ СА КС, т. os 6840, к. 23, 24; Marszałek Polski Michał Żymierski. Warszawa, 1963, s. 156-159.
- ⁵ Rzeczpospolita, № 42, 13.IX.1944.
- ⁶ Ibid., № 45, 16.IX.1944.
- ⁷ Organizacja i działania ludowego WP w latach 1939-1945, t. II, cz. I, Warszawa, 1962, s. 511-548; Wołoszyn W. Op. cit., s. 99-197.
- ⁸ Kliszko Z. Op. cit., s. 173-174; Nazarewicz R. Razem na tajnym froncie. Warszawa, 1983, s. 193-195.
- ⁹ Rzeczpospolita, № 43, 14.IX.1944.
- ¹⁰ Biuletyn Podokręgu № 2 Armii Ludowej, № 41, 14.IX.1944; Rzeczpospolita, № 43, 14.IX.1944.
- ¹¹ Штеменко С. М. Указ. соч., с. 97.
- ¹² Документы и материалы... Т. VIII, с. 219-220.
- ¹³ Там же, с. 220-221; Marszałek Polski Michał Żymierski. Op. cit., s. 159-169; Wołoszyn W. Op. cit., s. 191, 239; Margules J. Przyczółki warszawskie. Warszawa, 1962, s. 226.
- ¹⁴ Штеменко С. М. Указ. соч., с. 86,90.
- ¹⁵ Там же, с. 90; АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 314-315.
- ¹⁶ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 308-308, радиограмма командующего АК от 11.IX, расшифрована 12.IX.1944.
- ¹⁷ Ibid., s. 315, радиограмма ген. Сосновского от 12.IX.1944, выслана 13.IX.1944.
- ¹⁸ Документы и материалы... т. VIII, с. 222. Протокол заседания ПКНО от 18.IX.1944.
- ¹⁹ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 328, радиограмма штаба Верховного главнокомандования от 15.IX.1944.
- ²⁰ Ibid., s. 33—334, радиограмма ген. «Монтера» командующему АК района Мокотува от 15.IX.1944; получена 17.IX.1944; Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 238-241.
- ²¹ Kliszko Z. Op. cit., s. 261-262.
- ²² Archiwum Ruchu Robotniczego, Warszawa, 1975, t. II, s. 175-182, Воспоминания К. Венцковского; Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 191, 244, 378-379, 430-431.
- ²³ Borakiewicz A. Op. cit., s. 515; Kliszko Z. Op. cit., s. 192, 272.
- ²⁴ Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 264, 448; Sągk - Matecki J. Op. cit., s. 142-148.
- ²⁵ АК w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 379.
- ²⁶ Bartelski L. Mokotów 1944. Op. cit., s. 515, 583; Warszawa-Lewa-Podmiejska. Warszawa. 1971, s. 349, 356-358.
- ²⁷ Штеменко С. М. Указ. соч., с. 98.
- ²⁸ Рокоссовский К. К. Указ. соч., с. 280.
- ²⁹ Документы и материалы... т. VIII, с. 222.

- ³⁰ Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 463, приказ командующего 1 БФ от 13.IX.1944.
- ³¹ Ibid., s. 464, приказ от 15.IX.1944.
- ³² Ibid., s. 464-467; Wołoszyn W. Op. cit., s. 240-242, 271.
- ³³ Приказ 25 ND WP и 15.IX.1944 w związku z wyzwoleniem Pragi, w: Organizacja i działania... Op. cit., t. IV, s. 351-352.
- ³⁴ Рокоссовский К. К. Указ. соч., с. 280.
- ³⁵ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 550-563; Bordziłowski J. Żołnierska droga. WPH, 1970, № 1, s. 130.
- ³⁶ Organizacja i działania... Op. cit., t. I, cz. I, s. 560; Wołoszyn W. Op. cit., s. 217; Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 340.
- ³⁷ Nowak J. Sprawa generała Berlinga. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1976, z. 37, s. 39-60; Siemaszko Z. S. Sprawa Berlinga. — Ibid., z. 38, s. 224-229; D. K. Nieznane materiały o Berlingu. — Ibid., s. 41, s. 216-219; Nowak J. Ibid., z. 43, s. 243.
- ³⁸ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, sz. I, s. 521, 570, 573; AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 384-385; Borkiewicz A. Op. cit., s. 452; Wołoszyn W. Op. cit., s. 198, рапорт капитана Павлова от 15.IX.1944.
- ³⁹ Коморницьки Ст. На бarykadach Warszawy. Warszawa, 1969, s. 288-290; Staciewicz P. Parasol. Warszawa, 1981, s. 585-586, рапорт командования района Средместье от 15.IX.1944.
- ⁴⁰ Organizacja i działania... Op. cit., t. I, cz. I, s. 664-665, рапорт командующего 1 АВП ген. З. Берлинга от 25.IX.1944.
- ⁴¹ Margules J. Przyszłości warszawskie. Op. cit., s. 291-294, 298.
- ⁴² Ibid., s. 131, 139.
- ⁴³ Штеменко С. М. Указ. соч., с. 98.
- ⁴⁴ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 565, приказ командира 2 ПД от 16.IX.1944, 12.00.
- ⁴⁵ Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 46.
- ⁴⁶ Krannhals H. Op. cit., s. 155.
- ⁴⁷ Bundesarchiv, Koblenz, R20/456, запись от 20.IX.1944.
- ⁴⁸ Документы и материалы..., т. VIII, с. 242.
- ⁴⁹ Wołoszyn W. Op. cit., s. 266.
- ⁵⁰ Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 473-474; Wołoszyn W. Op. cit., s. 289.
- ⁵¹ Borkiewicz A. Op. cit., s. 476-485.
- ⁵² Wołoszyn W. Op. cit., s. 297.
- ⁵³ Документы и материалы..., т. VIII, [док. 131] Справка оперативного управления штаба 1 БФ об обстановке в районе г. Варшавы от 22.IX.1944; Organizacja i działania... Op. cit., t. II, sz. I, s. 633-635; Рокоссовский К. К., с. 280.
- ⁵⁴ Feis H. Op. cit., s. 388-389.
- ⁵⁵ Załuski Z. Egzamin ostateczny. — Wojsko Ludowe, 1962, № 9, s. 65-75.
- ⁵⁶ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 664-670.
- ⁵⁷ Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 294-307, 423-430; Wołoszyn W. Op. cit., s. 298-303.
- ⁵⁸ Krannhals H. Op. cit., s. 166-168.
- ⁵⁹ Kirchmayer J. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 385-386.
- ⁶⁰ Krannhals H. Op. cit., s. 150-151.
- ^{60a} ЦПА ИМЛ, микрофильм № 1098, док. 92.
- ⁶¹ Biuletyn Informacyjny, № 83, 15.IX.1944.
- ⁶² Солдаты! — Biuletyn Informacyjny, № 88, 20.IX.1944.
- ⁶³ PSZ. Op. cit., t. III, s. 837. Радиограмма главнокомандующего АК от 12.IX.1944.
- ⁶⁴ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 383, 385, рапорт департамента информации Делегатуры от 15.IX.1944.
- ^{64a} ЦПА ИМЛ, микрофильм № 1098, док. 106.
- ⁶⁵ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 328-329.
- ⁶⁶ Mazurkiewicz J. 63 dni. Op. cit.
- ⁶⁷ Sęk-Matecki J. Op. cit., s. 149-154; Borkiewicz A. Op. cit., s. 472-473.
- ⁶⁸ Bartelski L. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 222. См. там же, сноска 66.
- ⁶⁹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 375, радиограмма от 2.IX.1944.
- ⁷⁰ Kliszko Z. Op. cit., s. 199; Margules J. Boje 1 armii... Op. cit., s. 226-227, 248-249.

- ⁷¹ Pięć przed dwunastą. — Armia Ludowa, № 31, 15.IX.1944; Najpilniejsza Sprawa. Ibid., № 34, 19.IX.1944.
- ⁷² AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 386-387, raport генералов Коморовского и Хрусьцеля в штаб Главнокомандующего в Лондон от 24.IX.1944.
- ⁷³ M a j o r k i e w i c z F. Dane nam było przeżyć. Warszawa, 1972, s. 257-259, оценка ситуации от 21.IX.1944.
- ⁷⁴ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 366-367.
- ⁷⁵ M a r g u l e s J. Boje I armii... Op. cit., s. 433-434.
- ⁷⁶ Ibid., s. 436-438, особый приказ, только для комендантов районов от 13.IX.1944.
- ⁷⁷ P r z y g o Ń s k i A. Powstanie Warszawskie w sierpniu. Op. cit., t. II, s. 310.
- ⁷⁸ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 378-379.
- ⁷⁹ SA KC, t. 202/I-4, K. 286-287, срочная радиограмма от 22.IX, принята 24.IX.1944.
- ⁸⁰ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 380-383, радиограмма от 23/24.IX.1944.
- ⁸¹ SA KC, t. 202/I-54, k. 414.
- ⁸² S i e m a s z k o Z. S. Op. cit., s. 60.
- ⁸³ Документы и материалы... т. VIII, с. 224-225.
- ⁸⁴ Rzeczpospolita, Lublin, № 33, 36, 38, 39, 41, 44 от 4, 7, 9, 10, 12, 15.IX.1944.
- ⁸⁵ Organizacja i działania... Op. cit., t. IV, s. 320, 366, 386.
- ⁸⁶ Jedność warszawskich barykad. — Zwycięzcy, № 493, 21.IX.1944.
- ⁸⁷ SA KC, t. 203/I-1, K. 49-50, приложение к директивам от 12.IX.1944; t. 429/1, k. 27, протокол заседания KPM 25.IX.1944.
- ⁸⁸ B a r t e l s k i L. Mokotów 1944. Op. cit., s. 506.
- ⁸⁹ Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza, 25.IX.1944; 4.X.1944.
- ⁹⁰ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 305-312, 316, 349, 350, 352, 358, 362.
- ⁹¹ C i e c h a n o w s k i J. Aliancka pomoc lotnicza dla Warszawy. Raport gen. Rayskiego. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1981, z. 56, s. 182-186.
- ⁹² G a r l i Ń s k i J. Politycy i żołnierze. Londyn, 1968, s. 251-252.
- ⁹³ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 329-330; t. V, Londyn, 1981, s. 9-34. Sprawozdanie min. T. Romera z akcji dyplomatycznej w sprawie pomocy walczącej Warszawie, 6.X.1944; PSZ. Op. cit., t. III, s. 788-789.
- ⁹⁴ Н и к и т и н Н. В. Челночные операции. — Военно-исторический журнал, 1975, № 11, с. 41-46.
- ⁹⁵ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 510-511, директивы от 13.IX.1944; 22.45.
- ⁹⁶ ЦПА ИМЛ, микрофильм № 1098, док. 93; G a r l i Ń s k i J. Op. cit., s. 217; AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 363.
- ⁹⁷ SA KC, t. 429/I, s. 21, протокол заседания KPM от 19.IX.1944.
- ⁹⁸ B a r t o s z e w s k i W. 1859 dni Warszawy. Op. cit., s. 692.
- ⁹⁹ SA KC, t. 429/I, s. 21, протокол заседания KPM от 19.IX.1944.
- ¹⁰⁰ Największe zrzuty (об американском сбросе 18.IX.). — Biuletyn Informacyjny, № 88, 20.IX.1944.
- ¹⁰¹ Dwie miary. — Armia Ludowa, № 35, 20.IX.1944.
- ¹⁰² Barykada Wolności, № 149, 22.IX.1944.
- ¹⁰³ SA KC, mf, 1153, k. 104. Реляция Яна Жепецкого.
- ¹⁰⁴ SA KC, t. 202/XVIII-I, k. 98.
- ¹⁰⁵ M a r g u l e s J. Boje I armii... Op. cit., s. 456.
- ¹⁰⁶ PSZ. Op. cit., t. III, s. 799-800.
- ¹⁰⁷ M a j o r k i e w i c z F. Op. cit., s. 222.
- ¹⁰⁸ SA KC, t. 329/I, k. 32; P r z y g o Ń s k i A. Udział PPR i AL... Op. cit., s. 227, 232.
- ¹⁰⁹ Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 633-635, 664-679.
- ¹¹⁰ SA KC, t. 295/V-I, k. 10.

Глава 10. К капитуляции

27 сентября после ликвидации плацдармов на западном берегу Вислы немцы направили главный удар на Мокотув, при участии в нем 19-й танковой дивизии генерала Келлнера. Участились бомбовые удары авиации и артиллерийский обстрел. После упорных боев повстанцы были вытеснены из южной половины района. Его командир подполковник Юзеф Рокицкий («Кароль») с частью отрядов 26 сентября по подземным канализационным тоннелям перешел на Средместье. Вскоре и этот канал сообщения был перерезан немцами. 27 сентября остатки защитников района Мокотув прекратили сопротивление.

Сразу после этого 19-я танковая дивизия была брошена на Жолибож. Несмотря на упорное сопротивление повстанцев, которые в течение этих дней уничтожили 34 танка, немцам удалось вклиниться в их оборону. Подполковник Мечислав Недзельский («Живитель»), оставшийся на посту несмотря на ранение, отверг предложение о капитуляции, намереваясь, по согласованию с АЛ и командованием 1-й армии Войска Польского, пробиться на Прагу. Благодаря радиосвязи, поддерживаемой капитаном Венцковским, защитникам Жолибожа помогла с пражского берега польская артиллерия, ведя огонь по скоплениям немецких танков и позициям артиллерийских орудий.

Ряды повстанцев постепенно таяли. На пределе возможностей человеческих сил находились повстанцы и гражданское население, все более давал знать о себе голод и нечеловеческие условия существования под постоянными бомбардировками и обстрелами. «Положение с обеспечением продовольствием войск и населения катастрофическое. Уже длительное время все недоедают, а через несколько дней кончатся все запасы», — радиовали 26 сентября в Лондон делегат правительства и командующий АК¹.

Настроение окруженных резко ухудшилось. Об этом говорили донесения Отдела безопасности окружной делегатуры правительства, а также разведывательных и пропагандистских служб главного штаба и окружного штаба АК, связывая это не только с ухудшением общей обстановки, усталостью людей, но и «комму-

нистической агитацией». Сознание приближавшегося поражения, таявшая надежда на спасение, блеснувшая с освобождением предместья Прага и попытками форсирования Вислы, породили повсеместное недовольство инициаторами и руководителями восстания.

«Наблюдения показывают, — сообщалось в донесении Бюро информации и пропаганды главнокомандования АК, — что в данный момент официальные органы и политические организации утрачивают контроль над настроениями общества... Авторитет генерала «Бура» практически утрачен, критика в его адрес сильна как в войсках, особенно среди офицеров, так и среди гражданского населения... Крайова Рада Министров и Рада Едности Народовой не имеют влияния на развитие ситуации, они скорее находятся в роли наблюдателя, следящего за тем, чтобы натянутая струна терпения не лопнула». Автор донесения указывал также на «традиционное и определенно враждебное» отношение к СССР партий РЕН, кроме Стронництва Людового и Зъєдночєня Демократычного, и утверждал, что «пропаганда ПКНО не встречает в обществе серьезных возражений, особенно среди интеллигенции. И это равно как среди гражданского населения, так и в рядах АК... Почти очевидно, что после вступления советских войск недовольство населения с большой силой обернется против нынешнего руководства восстания, если только не будет достигнут компромисс с ПКНО»².

Приблизительно к таким же выводам пришел и главнокомандующий АК в донесении в Лондон: «...Все более частыми становятся обвинения в неспособности и бездеятельности как находящихся здесь политических и военных органов, так и высших польских властей в Лондоне. Отсутствие достаточной помощи Запада, а вместо нее лишь тщетные надежды и многочисленные разочарования, приходящие оттуда, склонили здешнюю общественность, в том числе и часть командного состава, к поискам помощи с Востока. Даже незначительная советская помощь, а также действия советских авиации и артиллерии в данный период нашей борьбы еще более усиливают стремление к соглашению с ПКНО... Можно предвидеть, что в момент вступления советских войск в Варшаву общественное мнение, испытав притяжение советской пропаганды, будет настроено против наших высших властей в Лондоне и западных союзников»³.

В кругах офицеров главного штаба АК в то время зародилась мысль о «дворцовом перевороте», то есть о том, чтобы принудить «Бура»-Комаровского к отставке, как фигуры совершенно «проигравшейся», и заменить его генералом Хрущелем. Согласно донесению полковника Жепецкого, который эту идею поддержал, данное мнение разделяли также начальники II и III отделов главнокомандования АК полковники Иранек-Осмецкий и Шостак⁴. Участились и послания от различных организаций руководству восстания, требующие соглашения с СССР и ПКНО как единственного пути к спасению и преодолению политических трудностей.

Отражением этих настроений был меморандум лидеров поли-

тических партий, чьи имена не установлены, вице-премьеру Янковскому и РЕН, в котором отмечалось, что среди населения столицы и солдат АК углубляется кризис доверия к союзникам и польскому правительству, а также к его органам в стране. Авторы меморандума предлагали пересмотреть позицию правительственных органов в отношении СССР и выказать готовность к дружественному урегулированию соседских отношений, отвергая лишь «включение в состав СССР»⁵. Этот меморандум исходил не от партий правительственного блока, которые отбрасывали всякую мысль о соглашении с ПКНО. Его авторами скорее всего были деятели некоторых небольших партий ЦКЛ или близких к ним кругов. Но такие же идеи возникали не только в левых группировках. Руководство Союза польских харцеров 27 сентября выступило с посланием к делегату эмигрантского правительства, добиваясь создания «на широкой основе Комитета спасения столицы, который безотлагательно добился бы тесного взаимодействия с Красной Армией»⁶.

А вот фрагмент донесения для внутреннего пользования разведотдела штаба Варшавского округа АК от 29 сентября о настроениях жителей столицы в конце восстания: «Под руководством комендантов противовоздушной обороны во многих домах проведены собрания, на которых обсуждалось: капитулировать или просить Сталина о помощи. Практически на всех собраниях второе предложение было принято единогласно. Более осведомленная часть населения выдвигает целый ряд обвинений как в адрес нашего руководства, так и в отношении политики польского правительства в Лондоне. Общественное мнение требует военного подчинения маршалу Рокоссовскому и вообще ПКНО»⁷.

О поиске выхода из тупика также и теми, кто стоял на левых позициях среди сторонников эмигрантского правительства, свидетельствует статья, помещенная в органе Зъедночєня Демократычного — фракции Стронництва Демократычного, поддерживавшей эмигрантское правительство и представленной в Раде Едности Народовой: «Понимание необходимости сотрудничества с Россией сегодня стало повсеместным. Когда в феврале 1944 года мы направили в руководство послание, требующее нормализации отношений с Россией, и когда наша пресса публично обсуждала эту проблему, нас обвинили в капитулянтских тенденциях, в моральном разоружении общества. Считаем, что, если бы польская политика ранее претерпела изменения, мы бы смогли избежать многих унижений и разочарований... Надо иметь мужество сказать себе правду: компромисс с Россией является делом необходимым и срочным»⁸.

Широко разветвленный аппарат службы безопасности Делегатуры пытался найти источники таких настроений в осажденной столице прежде всего в «коммунистическом заговоре». Результаты деятельности этого аппарата на заседаниях КРМ представлял директор департамента внутренних дел Делегатуры Стефан Корбоньский. В частности, он высказывал «опасения, что ППР произ-

ведет в переломный момент переворот»; далее он вещал, что «существует возможность переворота со стороны АЛ и ПАЛ... а прихода большевиков население не страшится»⁹.

«АЛ и ПАЛ несколько дней назад начали пропагандистское наступление, заваливая своими изданиями все кварталы, — докладывал 24 сентября Отдел безопасности окружной делегатуры. — Эти листовки, учитывая возбужденность настроения гражданского населения, со дня на день принимаются все более доброжелательно, особенно если критикуются повстанческие власти, которые якобы торпедируют все попытки соглашения». То же самое отдел докладывал и спустя два дня: «Левая пропаганда укрепляет в людях сожаления, что руководящие органы восстания и правительство в Лондоне отказались прийти к соглашению с Россией, что могло бы способствовать скорейшему освобождению Варшавы»¹⁰.

Развитие политической активности левых сил привело к укреплению взаимодействия и сплоченности организаций. К этому времени был создан политический блок левых и демократических партий и организаций, связанных с КРН и ЦКЛ, которые, как уже упоминалось, создали в середине сентября Объединенные вооруженные силы, а 25 сентября — политический орган Повстанческое Демократическое Соглашение, который призвал КРН и ПКНО верховной властью Польши и высказался за союз и взаимодействие с СССР.

Однако руководители правительственных группировок не намеревались отказываться от классово-политических целей, которых они хотели добиться благодаря восстанию, хотя надежды на их реализацию с каждым днем слабели в связи с нежелательным для них поворотом в политических настроениях повстанцев и населения Варшавы.

Нарастающая критика в адрес руководителей восстания была, в частности, предметом рассмотрения Крайовой Рады Министров. Она постановила «активизировать деятельность правительства и инспирировать в прессе партий активные разоблачения и опровержения обвинений просоветской прессы»¹¹. Конфронтацию в отношении СССР и ПКНО эти политики проводили до конца. Однако не все руководители полностью разделяли их позицию. «В мыслях такой высокопоставленной особы, каковой являлся генерал Хрусьцель, возникли определенные сомнения в правильности этой позиции», — констатировал эмигрантский историк, намекая, что «Монтер» «не выдерживал интенсивного нервного напряжения». Он также упомянул известное предложение полковника (с 15 сентября — генерала) Хрусьцеля о том, чтобы обратиться за помощью к главнокомандующему генералу Жимерскому¹². Другой западный историк приводит высказывание ближайшего сотрудника «Монтера» о том, что в третьей декаде сентября генерал носился с мыслью о продолжении борьбы на стороне Красной Армии, но без подчинения командованию Войска Польского, и намеревался принять советских офицеров связи и переводчиков во всех подразделениях варшавского

корпуса АК, созданного приказом генерала Коморовского 20 сентября 1944 года ¹³.

Беспокойство сторонников эмигрантского правительства возбуждали также сообщения, поступающие с освобожденных территорий и свидетельствовавшие о поддержке ПКНО частью кругов, до тех пор поддерживавших их. Росла боязнь, что они могут поступить так же, как, например, поступил комендант района АК «Варшава-Прага» подполковник Антоний Журовский («Анджей»), который 18 сентября 1944 года явился в военную комендатуру на Праге, а затем обратился с призывом к своим подчиненным. В его отпечатанном и расклеенном на улицах правобережной Варшавы обращении, в частности, говорилось: «Сегодня, когда на нашу территорию пришло регулярное Войско Польское, мы, кто в течение 5 лет доказал своей солдатской службой верность Отчизне, считаем своим воинским долгом вступить в это Войско, чтобы под командованием генерала брони «Роли»-Жимерского и под руководством ПКНО нанести последний удар крестоносцу-захватчику» ¹⁴.

Правда, через два дня подполковник Журовский отказался от занятой им позиции, очевидно под давлением высших властей АК, однако несколько сот солдат АК, прежде всего из района, которым командовал майор Зыгмунт Бобровский, перешли в Войско Польское, пополнив главным образом 1-й Пражский пехотный полк, в котором Бобровский стал заместителем командира, и в его рядах прошли до конца боевой путь 1-й армии Войска Польского.

* * *

Такого рода сообщения должны были возбудить в руководстве проправительственных группировок большие сомнения, сможет ли оно рассчитывать на подчиненных ему солдат в борьбе за реализацию своих политических целей, за власть. Это было симптомом провала политической концепции инициаторов восстания. Впрочем, военную концепцию восстания они сами признали нереальной еще в начале сентября, когда пошли на первые переговоры о капитуляции, а еще ранее — когда упустили возможность взаимодействия с советскими и польскими войсками.

В этой обстановке у них вновь возникла мысль о капитуляции, равносильной сдаче повстанцев и населения на милость немцев. 25 сентября фон дем Бах прислал взятых в плен двух офицеров АК с новым предложением о капитуляции, с заверением, что солдат АК будут рассматривать как комбатантов. Одновременно он выразил надежду, что «в дальнейшем немецкая армия вместе с польской будет воевать против большевиков» ¹⁵.

Предложение фон дем Баха, включая его высказывание о войне «с большевиками», стало предметом дискуссии 26 сентября на заседании КРМ ¹⁶, а позже, 28 сентября, — на совещании у командующего АК с участием делегата, вице-преьера польского эмигрантского правительства инженера Янковского и членов главнокомандования

АК. Общую оперативную обстановку представил начальник III отдела главного штаба полковник Юзеф Шостак, а обстановку в столице — генерал Антоний Хрусцель. «Дух солдат образцовый. Солдаты рвутся в бой, хотят сражаться, и сражаться до последнего... Положение дел с оружием и боеприпасами в целом хорошее, у нас достаточно средств для ведения интенсивных боев в течение нескольких дней. В то же время ситуация с продовольствием критическая, — подчеркнул генерал Хрусцель, — во многих отрядах хлеб не выдавался уже несколько дней... В целом можно сказать, что через три дня начнется настоящий голод». Делегат правительства Янковский однозначно высказался за капитуляцию, отметив, что «в политическом отношении мы приобрели очень многое... дальнейшая борьба нецелесообразна и должна быть прекращена». Было принято решение продолжить переговоры с немцами¹⁷.

На следующий день на заседании Крайовой Рады Министров Янковский также выступил с предложением прекратить борьбу. Пользуясь случаем, он более откровенно высказался о целях восстания: «Восстание не ставило перед собой цель начать всеобщую войну с немцами и не могло иметь целью разгром немцев. Восстание уже достигло своих политических и моральных целей»¹⁸. Неужели политической целью должна была стать беспримерная трагедия Варшавы и ее жителей, а также компрометация буржуазной политической концепции?

Окончательному решению капитулировать предшествовало соглашение с немецким командованием об эвакуации населения из осажденных районов города.

ППР и АЛ резко выступили против, видя в этом «добровольную выдачу населения в руки убийц». Они также протестовали против новой волны пропаганды против ПКНО и СССР¹⁹. Однако они не имели влияния на решения руководства сторонников эмигрантского правительства о дальнейшей судьбе восстания и не знали о переговорах командования АК с немцами о капитуляции. До последних минут восстания они поддерживали боевой дух варшавян, боролись с капитулянтскими настроениями. «Восстание не может умереть само по себе, как бы естественной смертью. Те, кто хочет прекратить борьбу, должны открыто заявить об этом перед лицом общественности и взять на себя полную ответственность, — писал орган ППР. — Борьба, которую предприняла Варшава, должна быть доведена до конца, победного конца, к которому приближает нас каждый день»²⁰. Как видно, авторы статьи еще надеялись на благоприятный поворот в судьбе Варшавы, если руководство восстания пойдет на соглашение, как предлагала партия, с Войском Польским и Красной Армией. Однако эти надежды тогда уже шли вразрез с реальностями военной обстановки.

Считаясь с возможностью поражения восстания или капитуляции АК, бойцам АЛ и взаимодействующим с ними формированиям было приказано не сдаваться в плен, а стараться выбраться из Варшавы вместе с населением и продолжить борьбу с

гитлеровскими оккупантами в партизанских отрядах Армии Людовой.

* * *

Главные силы Армии Людовой в этот период действовали не в Варшаве, а вне города. Партизанские формирования АЛ — бригады, батальоны, самостоятельные отряды — вели интенсивные диверсионные действия. Быстрый рост численности АЛ на оккупированных польских землях западнее Вислы шел как там, где уже ранее существовали сильные центры борьбы, особенно в Келецком, Ченстоховском и Краковском воеводствах, так и на включенных после 1939 года в состав рейха территориях северного Мазовша и Силезии. С июля 1944 года действующие силы АЛ получали забрасываемые по воздуху оружие, взрывчатку и другие средства борьбы, которые направлял им Польский партизанский штаб при Главном командовании Войска Польского в Люблине. Это дало возможность принять в партизанские формирования АЛ добровольцев не только из гарнизонов АЛ, но также из рядов БХ, АК и других военных организаций, а также развернуть борьбу с оккупантами в небывалых ранее масштабах. Эта акция имела существенное значение для успеха военных операций Красной Армии и Войска Польского, для ускорения освобождения Польши. Как подчеркивают советские историки, в период наиболее упорных боев, шедших на магнусшевском и сандомирском плацдармах, польские и советские партизаны осуществляли на линиях коммуникаций противника за Вислой активные боевые действия, дезорганизуя работу его тыловых органов... Удары советских войск были таким образом синхронизированы с ударами партизан²¹.

Усиление диверсионной деятельности АЛ в результате доставки снаряжения по воздуху началось 23 июля взрывом железнодорожного моста и поезда в Островце и в августе охватило все главные железнодорожные магистрали Келецкого воеводства, а также территорию соседних Лодзинского и Краковского воедств. В течение нескольких недель августа и сентября отряды АЛ подорвали 87 поездов и 39 мостов на линиях Ченстохов — Колюшки, Ченстохов — Катовице, Колюшки — Скаржиско, Скаржиско — Островец, Кельце — Краков, Кельце — Ченстохов, Олькуш — Кельце. Это привело к длительным перебоям в движении на этих линиях, служивших для переброски и снабжения немецких войск в трудный для них период боев на средней Висле. Параллельно с железнодорожными диверсиями отряды АЛ атаковали автомобильный транспорт противника, главным образом путем организации засад, били по постам, штабам и небольшим немецким подразделениям. Во многих случаях доходило и до крупных схваток с силами противника.

Однако такое усиление борьбы было возможным только в центральной части Польши, и прежде всего на излучине Вислы. Осталь-

ные центры АЛ, в их числе округа западнее Варшавы и Варшава, сильно ослабленные арестами 1943 и 1944 годов, не получили в то время помощи оружием и взрывчаткой и были способны только к действиям сравнительно небольшого масштаба. Несмотря на это, например, группа АЛ из Легионово 3 августа 1944 года подорвала поезд под Хотомовом на линии Варшава — Модлин, расположенной рядом с варшавским участком фронта. Результаты акции были бы значительно большими, если бы в ней участвовали также и силы АК. Однако проводимые с этой целью переговоры с местными руководителями АК не дали результатов, хотя и привели к некоторому улучшению атмосферы во взаимоотношениях АК — АЛ.

Боевое взаимодействие партизанских сил трех самых больших военных организаций — АЛ, АК и БХ — с частями Красной Армии в районе сандомирского плацдарма было едва ли не единственным крупномасштабным событием такого рода в кампании 1944 года. Польские партизанские отряды (БХ) оказали там большую помощь передовым частям 1-го Украинского фронта в переправе на левый берег Вислы. В полосе 15—30 км к западу от линии фронта отряды АЛ и АК при помощи нескольких выдвинутых вперед советских танков совместно освободили район площадью около 800 кв. км, названный «Пиньчувской Республикой», и удерживали его более 10 дней.

Но, кроме отдельных локальных случаев, достичь слаженности действий борющихся с оккупантами сил не удалось. Они действовали обособленно, в соответствии с оперативными стратегическими планами своих руководящих центров, которые исходили из разных классовых и политических целей и поэтому имели весьма различные концепции ведения борьбы.

Принципиальные отличия этих концепций проявились в отношении к диверсионным акциям в тылах гитлеровской армии. Такие акции после начала восстания в Варшаве могли облегчить борьбу повстанцев с превосходящими силами врага, если бы были перерезаны линии коммуникаций, по которым шло снабжение гитлеровских войск, уничтожавших столицу Польши и ее население. Однако как в течение двух месяцев кровопролитных боев в столице, так и в ходе боев на подступах к ней, решавших судьбу Варшавы, командование АК не сделало ничего, чтобы помешать гитлеровскому командованию перебрасывать войска, технику и снаряжение на эти участки фронта.

До сего дня нет однозначного ответа на вопрос, почему значительные и боеспособные силы АК, находившиеся на территории пригородов Варшавы и других близких к ней округов, не получили от главнокомандования АК конкретных приказов о диверсионных акциях, целью которых было бы лишить возможности или по крайней мере затруднить немцам передвижение по дорогам, ведущим к Варшаве с запада, севера и юга. С начала и до конца восстания немецкие войска могли беспрепятственно пользоваться всеми сообщениями, кроме железнодорожной линии Катовице — Варша-

ва, постоянно перерезаемой отрядами АК. Ни людской потенциал АК, ни доставленная ей из Англии техника остались в этом плане так и не использованными.

Несомненно, это явилось следствием прежней позиции главнокомандования АК, запрещавшей нападения на немецкие поезда, направляющиеся на Восточный фронт, но разрешавшей атаковать поезда, следующие в обратном направлении. Приказ главнокомандования АК от 10 июля 1944 года об акциях саботажа и диверсий в июле и августе 1944 г. позволял, также, как и ранее издававшиеся каждый месяц приказы, только «сбрасывать с путей эвакуационные поезда на линиях восток — запад (обратное направление) с целью воспрепятствовать грабежу наших материальных ценностей»²². Таким образом, никаких помех переброске новых дивизий для сдерживания советского наступления на подступах к Варшаве не чинилось и не создавалось препятствий для подвоза гитлеровских частей на подавление восстания в Варшаве.

Вожди восстания в своих воспоминаниях обходят молчанием этот вопрос. Генерал Хрусьцель ограничился утверждением, что отрядам АК, находящимся западнее Варшавы, был дан приказ нападать на небольшие отряды и коммуникации гитлеровской армии. Генерал Коморовский очень неконкретно ссылаясь на свои поручения о диверсиях в немецких тылах. Как он утверждал, 27 июля коменданту Варшавского округа генералу Альбину Скروحиньскому был дан приказ не пропускать немцев к Варшаве после того, как там начнется восстание. Как эти, так и другие эмигрантские авторы не объясняют, почему же в этом плане ничего не было сделано²³. Отряды подчиненного командованию округа подокруга Варшава-Запад должны были, кроме того, атаковать немецкие тылы, а другие подокруга — прикрывать столицу от подходящих сил (подокруг Варшава-Восток) или от возможной помощи гитлеровцам из Восточной Пруссии (подокруг Варшава-Север).

Северный подокруг, действовавший на территориях, включенных в рейх, объяснял невыполнение этих заданий трудными для действий условиями, а также отсутствием оружия. Командир семитысячного Западного подокруга, включавшего, в частности, железнодорожные узлы в Скерневицах и Ловиче, указывал на проводимые немцами облавы для обеспечения фортификационных работ и на слабое железнодорожное движение, что делало якобы ненужными диверсионные акции. Позже он также объяснял это отсутствием приказов сверху атаковать немецкие коммуникации.

Не вдаваясь в детали, имелись ли такие приказы и когда они дошли к тем или иным командующим в подокругах, на основании достаточно большого круга польских и немецких источников можно утверждать, что диверсионная акция, которая могла бы облегчить судьбу повстанцев, парализовав или разрушив железнодорожные линии и шоссе, ведущие к Варшаве, предпринята не была. Приказ о такой акции не был дан и в ходе интенсивной «радиопереписки» между находившимися в Варшаве штабами АК и подваршавскими

центрами в Кампиносской Пуше и Хойновских лесах, где в то время были сконцентрированы довольно большие силы АК²⁴.

Существование сильного кампиносского центра немцы считали особенно опасным, поскольку он мог угрожать немецким тылам и служил базой снабжения Варшавы. Совершаемые отсюда акции могли бы, как утверждал фон дем Бах, препятствовать доставке грузов в Варшаву, т. е. попасть в ахиллесову пяту немцев, связав большие силы и отрезав их от Варшавы. Не совершалось также нападений на немецкие штабы и комендатуры²⁵. Удачное нападение на вражеский гарнизон в селе Трускав в ночь со 2 на 3 сентября 1944 года, в ходе которого был уничтожен батальон т. н. РОНА, убит 91 гитлеровец и захвачено большое количество оружия, доказывает возможность такого использования подваршавских сил АК.

Часть сосредоточенных там сил была использована в боях на Жолибоже и Мокотуве, остальные же — около 1500 солдат — вели кровопролитные бои, пока бойцы соединения АК «Кампинос» в сражении с превосходящими немецкими силами в рамках операции «Штерншнуппе» («Метеор») 27—29 сентября 1944 года не пали до единого человека. До конца восстания транспорт и связь немцев в окрестностях Варшавы функционировали без помех, кроме нескольких случаев разрыва телефонных линий небольшими группами АК и АЛ в Жирардуве и районе Ловича²⁶.

Командование других округов АК, расположенных на линиях коммуникаций, ведущих к Варшаве, также не предприняли действий для того, чтобы затруднить немцам передвижения. Подготовленный главным штабом план «Барьер», предусматривавший, что силы АК во всей стране одновременно нарушат железнодорожные линии в 92 местах с целью поддержать операции западных армий, вступивших в Европу, был отменен²⁷. На последствия срыва плана «Барьер» позднее указывал командир Силезского округа АК: «Дважды сто с лишним человек ожидали перед репродукторами сигнала, который так и не был дан. И акция не была реализована. Люди, которые вложили так много сил в ее подготовку, испытывали чувство горечи»²⁸.

Таким образом, волну диверсий, разрекламированную перед англичанами и признанную ими излишней, командование АК провести не пожелало, даже для поддержки организованного им же восстания в Варшаве. Немногие диверсионные акции АК на железных дорогах, о которых докладывали коменданты округов АК в Радоме и Кракове, были проведены на удаленных от Варшавы линиях в соответствии с директивой о воспрепятствовании вывоза в Германию людей и имущества²⁹. Наряду с этим партизанские отряды АК организовали несколько засад вдоль шоссе дорог, главным образом в Келецком и Краковском воеводствах. Но это делалось в основном по инициативе местных командиров и рядовых солдат, и целью акций было прежде всего довооружение отрядов.

* * *

Если допустить, что накануне восстания главнокомандование АК пренебрегло этим вопросом, считая, что оно будет продолжаться недолго, то позднее, когда восстание затянулось и для его подавления стягивались новые немецкие силы, диверсии на дорогах имели бы огромное значение. Отказ от диверсионных операций объясняется прежде всего старыми установками в руководстве АК не делать ничего, что облегчило бы продвижение в глубь Польши Красной Армии.

Диверсии не были предприняты и тогда, когда главнокомандование АК приняло решение увеличить численность частей АК в осажденной Варшаве, даже ценой ослабления других округов и отрядов, действовавших в стране. Эти замыслы созрели в руководстве АК в начале второй декады августа. Конкретную форму они приобрели в переданном 14 августа по повстанческому радио незашифрованном приказе генерала «Буря», предписывавшем всем вооруженным отрядам Армии Крайовой, действовавшим в Польше, двинуться ускоренным маршем на помощь Варшаве «с целью нанесения удара по немецким войскам, расположенным вокруг столицы, прорыва через их позиции и принятия участия в боях в самом городе». Этот замысел исходил якобы от руководства БХ, которое заверяло о массовой поддержке такой акции крестьянами. Как позже утверждал автор этого приказа, он таким способом хотел вызвать «значительную активизацию партизанских действий по всей линии тыла немецкого фронта, а также усиление диверсий в тылу немецких войск, атакующих Варшаву»³⁰. По сути же, о диверсиях на гитлеровских линиях коммуникаций не говорилось ни в этом, ни в каком другом приказе командующего АК.

Решение, которому сопутствовала широкая пропагандистская акция, вызвало сомнение у некоторых офицеров главнокомандования АК. Они считали его и невыполнимым, и вредным, поскольку, как констатировал Ежи Кирхмайер, «оно вынуждало партизанские отряды к долгим и в конечном счете бесполезным походам вместо того, чтобы нацелить их на более активные действия на линиях коммуникаций противника»³¹.

В момент получения приказа о выступлении на Варшаву в округах, расположенных на еще оккупированных территориях, продолжалась мобилизация резервов АК для реализации операции «Буря». Отрядам, в том числе и свежесформированным, было приказано сосредоточиться в назначенных районах, откуда должен был начаться марш. Наибольшие силы АК были сконцентрированы в окрестности Коньских и Пшисухи в Келецком воеводстве, куда собрались отряды из округов АК Радом и Лодзь, насчитывавшие около 5 тыс. бойцов; туда же пытались добраться и отдельные отряды АК, подчиненные Краковскому и Силезскому округам. Некоторые подразделения оказались в районе непосредственных военных действий и приступили к выполнению плана «Буря».

Расположенные дальше от фронта силы АК практически не участвовали в операции «Буря». Те же, которые предприняли марш

к Варшаве под условным наименованием «Земста» («Мечь»), прервали его уже через несколько дней, признав невыполнимым, как поясняло командование келецкой группировки, по причине отсутствия тяжелого и противотанкового вооружения, а также большой концентрации немецких войск и укреплений над рекой Пилицей.

Из документации II Отдела штаба Келецкого округа АК, а также немецкой 9-й армии видно, что эти аргументы не соответствовали действительным политическим причинам прекращения марша: командование округа АК прежде всего опасалось оголить свои территории и дать преимущество коммунистам, которые, как докладывал 22 августа командующий Келецкого округа АК Мечислав Зентарский, «готовят на момент прихода большевиков беспорядки, чтобы АК не смогла овладеть ситуацией». В другом донесении он докладывал главнокомандованию АК, что, «если не будет массовых сбросов с воздуха оружия, обмундирования и обуви, множество людей, прячущихся от репрессий противника, будет вовлечено в ряды ППР, которая со дня на день набирает силу и имеет уже на нашей территории около 4 тыс. хорошо вооруженных бойцов (речь идет об АЛ)». 26 августа полковник Зентарский распустил группировку. На следующий день это решение одобрил в своей радиোগрамме генерал Коморовский³². Таким образом, он признал невыполнимым свое недавнее решение, которое должно было облегчить положение повстанцев и создать видимость проведения в поддержку восстания общепольской акции.

Продолжение марша не могло принести существенного военного выигрыша. Введение в бой в большом городе нескольких тысяч партизан, привыкших действовать в полевых условиях, могло бы привести к неоправданно большим потерям. Именно так случилось с теми отрядами АК из Кампиносских и Хойновских лесов, общей численностью 1500 человек, которые пробились в Варшаву. Несмотря на проявленный героизм, их участие в повстанческих боях не принесло ощутимых изменений в обстановке. Определенное облегчение окруженной Варшаве могло принести использование как подваршавских, так и келецких, лодзинских и других партизанских группировок АК для широко понимаемой диверсионной деятельности в тылу двигавшихся к Варшаве немецких войск.

После провала операции «Земста» командование АК предложило другой план, который был отзвуком замыслов операции «Буря» в городских центрах. Отрядам АК было приказано сконцентрироваться вблизи крупнейших городов Центральной Польши и предпринять попытки овладения ими перед приходом Красной Армии.

Цели этой акции определил генерал Коморовский в телеграмме командующему округом АК Краков: «Борьба за Варшаву, несмотря на большие людские и материальные потери, дает нам мощный козырь в политической игре. Сегодня мне очень нужно, чтобы наряду с Варшавой был нанесен сильный удар по немцам в районе

«Музей», т. е. по Кракову. Мелкие действия уже не имеют значения. В связи с этим проведите широкую акцию по овладению Краковом или Тарновом. Выбор времени и способа действий предоставляю Вам. Однако Вы должны рассчитать так, чтобы удар последовал по крайней мере за 2—3 дня до прихода большевиков».

Аналогичные приказы командующий АК направил и командованиям Радомского и Лодзинского округов. Силам округа АК Радом было приказано овладеть городами Радом, Кельце, Ченстохов или другим большим городом; силы Лодзинского округа АК должны были овладеть городами Петркув, Томашув-Мазовецкий и Колюшки³³. Следует добавить, что эти приказы были отданы в ходе дискуссии с генералом Соснковским, в то время противившимся любым активным антинемецким действиям³⁴.

Продолжавшиеся между генералами Соснковским и Коморовским радиодискуссии не опирались, однако, на реальный анализ обстановки в стране и положения на фронте. Так, ими не было принято во внимание, что в это время противнику удалось приостановить советское наступление на центральном участке фронта, а гитлеровские войска, усиленные соединениями, стянутыми с других фронтов войны, перешли в контрнаступление, которое принесло им локальные успехи. Стабилизация фронта позволила оккупантам направить больше сил вермахта и полиции на подавление партизанских отрядов как АЛ, так и АК.

Соединения АК ждали благоприятного случая для выполнения вышеупомянутых приказов, однако надежда на него была все более призрачна. В ходе переходов и маневров, а также бездеятельного пребывания в селах и лесах впустую тратилась энергия партизан и их готовность к подвигам. Безрезультатность усилий и чувство безнадежности на фоне все более активизировавшихся действий немцев отрицательно влияли на моральное состояние и дисциплину партизанских отрядов АК. Немалую роль при этом сыграла и трагедия столицы. «Вести из Варшавы все более гнетущие. Охватывает ярость, когда слышишь лондонское радио, которое без конца передает хорал «С дымом пожаров», — писал командир партизанской роты Армии Крайовой в Келецком воеводстве³⁵.

В связи с усиливавшимися карательными операциями гитлеровцев и возраставшими трудностями снабжения отрядов руководство АК решило рассредоточить или распустить большинство партизанских отрядов³⁶.

* * *

Демобилизация отрядов и возвращение их в подполье исходили не только из оценки обстановки, но также из решения главнокомандования АК, принятого в период подготовки им капитуляции восстания.

В ходе переговоров с фон дем Бахом командующий АК не принял его предложение отдать приказ Армии Крайовой в масшта-

бах всей страны о прекращении борьбы против фашистской Германии или достижении «негласного соглашения» в этом вопросе. Он мотивировал это тем, что, сдавшись в плен, перестал командовать Армией Крайовой. Однако же, как сказано в записи беседы «Бура»-Коморовского с фон дем Бахом, состоявшейся 4 октября, он выразил свое «личное убеждение, что немецкое военное руководство не будет иметь со стороны АК особых трудностей, поскольку варшавское восстание было кульминационным пунктом деятельности АК, венцом ее усилий»³⁷.

В этот же день, непосредственно перед сдачей в плен, генерал Коморовский, назначенный 30 сентября президентом Владиславом Рачкевичем главнокомандующим войсками, подчиненными эмигрантскому правительству, на место снятого в тот же день под давлением англичан генерала Соснковского, приказал командующим округами АК: «Операцию «Буря» ограничить до минимума, все усилия направить на самооборону населения». Его преемник генерал Окулицкий пошел еще дальше, приказав отрядам АК полностью прекратить операцию «Буря» и перейти к ограниченным действиям по обороне и самообороне (так называемая акция «Дождь»), и одновременно распорядился: «Властям АК прервать деконспирацию перед вступающей Красной Армией и уйти в подполье, наиболее подверженных опасности отправить на Запад»³⁸.

Ход продолженных с 29 сентября переговоров о капитуляции, спешка и заискивание, чуть ли ни галантность по отношению к командованию АК, и даже откровенность обергруппенфюрера СС фон дем Баха свидетельствовали о сохранявшихся у немцев опасениях, что повстанцы приступят к совместным с Красной Армией действиям. «Неделями я пускал в ход все приемы политики и дипломатии, чтобы закончить борьбу поскорее, поскольку нужно было как можно быстрее ликвидировать постоянную угрозу тылам, прежде чем наступление большевиков одним ударом уничтожит все, чего удалось достичь», — записал в своем дневнике фон дем Бах³⁹.

Наряду с этим, поразительной была позиция некоторых представителей главнокомандования АК, в том числе и генерала Коморовского, которые приносили фон дем Баху, уже тогда официально признанному военным преступником, комплименты и благодарили за его благородство и шампанское, а один из них, полковник Иранек-Осмецкий, даже поднял тост за его благополучие, пожелав фон дем Баху, «чтобы он лично не оказался в той, что и они, ситуации»⁴⁰. Как известно, эти пожелания не исполнились — фон дем Бах провел многие годы в тюрьме.

Членам руководства Делегатуры эмигрантское правительство приказало не сдаваться в плен. «Если существуют возможности, — радировал Миколайчик инженеру Янковскому, — надо уйти на западные окраины, откуда мы сможем Вас переправить в Англию... Ваш ценный политический опыт после окончания борьбы в Варшаве может быть использован для польского дела только там»⁴¹. Они покинули Варшаву вместе с гражданским населением;

обещанное «путешествие» в Англию никогда не осуществилось.

Абсолютное большинство солдат АЛ и ПАЛ не сдалось в плен, но покинуло Варшаву вместе с населением. Некоторые добрались до партизанских отрядов на территории страны. Другие же, не имевшие возможности уйти, получили перед сдачей личные удостоверения АК, что должно было обеспечить им статус военнопленных, в чем им охотно помогли командиры АК с Жолибожа и Средместья. Они разделили судьбу солдат АК в лагерях для пленных, а нередко и в концентрационных лагерях. Группе солдат АЛ с Жолибожа благодаря радиосвязи с командованием 1-й армии Войска Польского удалось переплыть Вислу на лодках, присланных с пражского берега. Подготовленной 2-й дивизией Войска Польского операцией по эвакуационной переправе предусматривалось вывезти за Вислу всю двухтысячную группировку АК на Жолибоже, командир которой подполковник Мечислав Недзельский («Живицель») не желал капитулировать. Но он отказался от этого намерения, когда в последнюю минуту получил приказ генерала Коморовского сдаться немцам. Самостоятельно переплыла Вислу также группа офицеров АЛ, ПАЛ и КБ из района Средместья, а с ними и капитан Иван Колос⁴².

В результате капитуляции, подписанной 2 октября, в плен попало более 17 тыс. повстанцев, в том числе 922 офицера и 2 тыс. женщин, более 5 тыс. раненых находилось в госпиталях⁴³. Покинули Варшаву обреченные на долгую нужду и скитания несколько сот тысяч ее жителей.

Как свидетельствуют отчеты группы германских армий «Центр», через лагерь в Прушкове прошло в целом 363 318 жителей Варшавы, в том числе в августе около 111 тыс., в сентябре — 139 тыс., в октябре — 113 тыс. человек. 87 250 из них были вывезены на принудительные работы в Германию, 209 361 развезены по селам и местечкам генерал-губернаторства, а 68 707 человек были отправлены в концентрационные лагеря вопреки условиям соглашения о капитуляции и обещаниям фон дем Баха⁴⁴.

Около 200 тыс. убитых навсегда остались в руинах столицы, в том числе 16 тыс. мужественных солдат восстания, что составляло 40% общей численности повстанческих сил.

А сам город? То, что не было сожжено и разрушено в ходе боев, планово и методично уничтожалось в последние месяцы немецкого господства. За время восстания было уничтожено около 25% довоенной застройки города. После капитуляции до самого освобождения Варшавы 17 января 1945 года было сожжено или взорвано еще столько же, причем целенаправленно разрушались культурные ценности, памятники и т. п., в особенности архивы и библиотеки. Это все совершалось на основании приказа Гитлера, который Гиммлер передал фон дем Баху, назначив его в начале октября ответственным за то, чтобы Варшава была сровнена с землей, а ее ценности поступили бы в распоряжение СС⁴⁵.

* * *

В результате капитуляций в руки немцев попало большое количество оружия, несмотря на то, что значительная его часть была заранее уничтожена повстанцами. Немцам досталось: 5 противотанковых орудий, 57 минометов, 54 противотанковых ружья, 23 станковых и 151 легких и ручных пулеметов, 878 автоматов, 1696 винтовок, около 1000 пистолетов, значительное количество боеприпасов⁴⁶. Из сравнения этих цифр с состоянием вооружения в начале восстания следует, что большую часть оружия повстанцы добыли у немцев или получили в результате советской и западной помощи.

Генерал Коморовский вместе со своим штабом пошел в лагерь для военнопленных уже как «лондонский» главнокомандующий польских вооруженных сил, назначенный президентом Рачкевичем. Это назначение, которое, как выразился полковник Жепецкий, «звучало странным зубовым скрежетом», вызвало изумление и переполох в рядах АК⁴⁷. Назначение 1 октября генерала Леопольда Окулицкого («Недзвядка») на должность главнокомандующего АК возмутило часть офицерских кадров. Комендант Варшавского района АК подполковник Зыгмунт Маршевский («Казимеж») выразил это в радиোগрамме в Лондон, адресованной премьеру Миколайчику и министру обороны генералу Кукелю: «Члены узкого штаба генерала «Бур» как действительные виновники преждевременного восстания потеряли доверие армии и общества». Бывший эмиссар генерала Сикорского полковник Ян Скоробогаты-Якубовский («Фогель») утверждал, что «ход восстания и его финал вызвали в войсках и в обществе враждебные настроения. Назначение кого-либо из главного штаба командующим АК вызовет дезорганизацию в отрядах, которая приведет к ликвидации АК»⁴⁸. Результатом этих предостережений была длительная задержка с утверждением генерала Окулицкого на должность Лондоном.

Когда спустя некоторое время после восстания генерал «Бур»-Коморовский был представлен эмигрантскому капитулу ордена «Виртути Милитари» для награждения крестом II класса, предложение было принято большинством голосов при одном голосе «против» — генерала Люциана Желиговского, который в знак протеста подал в отставку, объясняя это тем, что «слишком поспешное награждение генерала «Бур» может повредить интересам Польши. Достоинство народа и честь высшей боевой награды требуют, чтобы после окончания войны были выяснены мельчайшие подробности варшавской трагедии»⁴⁹.

Гитлеровцы праздновали свой триумф. Посыпались ордена и похвалы Гитлера, Гиммлера, Франка: фон дем Бах получил Рыцарский крест Железного креста, то же самое — Оскар Дирлевангер, а Гейнц Райнефарт — Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Это был первый крупнейший военный успех «третьего рейха» со времени поражения под Сталинградом. «То, что удалось заставить армию большевиков остановиться на целые месяцы на востоке от Вислы и одновременно подавить в самой Варшаве крупнейшее в истории Польши восстание, является

военным достижением наивысшего ранга. За длительный период это было, после многих военных поражений, бесспорной победой немецкого оружия», — утверждал в своем отчете губернатор варшавского округа Людвиг Фишер⁵⁰.

Однако это была последняя победа гитлеровской Германии, достигнутая к тому же ценой огромных усилий и значительных потерь. Подавление восстания было оплачено многими тысячами убитых и раненых⁵¹. В течение двух месяцев силы регулярной армии, имевшие превосходство в численности, вооружении и оснащении, воевали с плохо вооруженными и в большинстве своем неопытными в военном отношении повстанцами и не сломали бы их сопротивления, если бы не отсутствие продовольствия и боеприпасов в осажденных и изолированных очагах восстания.

Главные силы 9-й немецкой армии в период Варшавского восстания были заняты на фронте. Там в боях с войсками 1-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского они понесли 75% потерь, тогда как в борьбе с повстанцами в Варшаве — 25%.

Никто в Польше тогда не отдавал себе отчета в том, насколько велики были потери, которые понесли советские солдаты в боях на среднем течении Вислы. Действовавшие на этом направлении части 1-го Белорусского фронта потеряли в августе и первой половине сентября 166 808 солдат, а части 1-го Украинского фронта только в августе 122 578 солдат⁵². Эти потери еще более возросли, особенно во второй половине сентября и в октябре 1944 года в ходе упорных боев к северу от Варшавы за создание и удержание исходных позиций для наступления, которое в январе 1945 года принесло освобождение Варшавы и практически всей Польше.

- ¹ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 395 — 396.
- ² Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 384 — 389, рапорт от 15.IX.1944.
- ³ AK w dokumentach. Op. cit., t. IV, s. 343, радиограмма от 17.IX.1944.
- ⁴ СА КС, mikrofilm 1153, реляция Яна Жепецкого, к. 105.
- ⁵ СА КС, t. 202/I — 54, k. 413, меморандум от 22.IX.1944.
- ⁶ P r z y g o Ń s k i A. Udział PPR i AL... Op. cit., s. 223—225, донесение разведотдела Главного штаба АК от 28.IX.1944.
- ⁷ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 531—532.
- ⁸ Najwyższy czas. — Nowy dzień, № 915, 28.IX.1944.
- ⁹ СА КС, t. 429/I, k. 14, 23, 24, протоколы КРМ от 13, 21, 22.IX.1944.
- ¹⁰ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 454, 481.
- ¹¹ СА КС, t. 429/I, k. 27, протокол заседания от 25.IX.1944.
- ¹² S i e m a s z k o Z. S. Op. cit., s. 24, 60.
- ¹³ Z a w o d n y J. K. Op. cit., s. 156.
- ¹⁴ СА КС, t. 203/X — 26, k. 7, 17; Organizacja i działania... Op. cit., t. IV, s. 330, 458.
- ¹⁵ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 458; Budesarchiv, Koblenz, заметка от 28.IX.1944.
- ¹⁶ СА КС, t. 429/I, k. 28.
- ¹⁷ P ł o s k i S. Op. cit., s. 120—124.
- ¹⁸ СА КС, t. 429/I, k. 28, 31, протоколы заседаний КРМ от 26 и 29.IX.1944.
- ¹⁹ Cłos Warszawy, № 175, 176, 181, 182 от 24, 28.IX. и 1, 2.X.1944; Wojsko Polskie, N 8, 9 от 30.IX., I.X.1944.

- ²⁰ Za czy przeciw powstaniu. — Głos Warszawy, № 181, I.X.1944; Intryga i krew. — Ibid., № 182, 2.X.1944.
- ²¹ Misja wyzwoleńcza radzieckich sił zbrojnych w II wojnie światowej. Warszawa, 1974, s. 111.
- ²² CA KC, t. 203/I — 2, k. 71;
- ²³ Bór-Komorowski T. Op. cit., s. 290; Chruściał A. Op. cit., s. 9; PSZ. Op. cit., t. III, s. 629—632.
- ²⁴ PSZ. Op. cit. t. III, s. 631; Borkiewicz A. Op. cit., s. 120.
- ²⁵ Krannhals H. Op. cit., s. 169, 123, реляция фон дем Баха, февраль 1947; Dzieje Najnowsze, 1947, z. 2, s. 296.
- Zentralarchiv der DDR, Potsdam, sygn. 1172, Рапорт командующего СС и полиции в генерал-губернаторстве с августа по октябрь 1944; PSZ. Op. cit., t. III, s. 631—632; Borkiewicz A. Op. cit., s. 526—528; Krzyczkowski J. Konspiracja i powstanie w Kampinosie. Warszawa, 1962, s. 330—331, 453—504; Ważniewski W. Na przedpolach stolicy. Warszawa, 1974, s. 461; Tuszyński W. O partyzantskiej ofensywie. — WTK, 5.II.1967; Skarżyński A. Polityczne przyczyny... Op. cit., s. 223—225; WIH, t. III/74/4, реляция Францишка Мойоркевича.
- ²⁷ PSZ, Op. cit., t. III, s. 499—506; WIH, t. 10/V/36, k. 84.
- ²⁸ Walter-Jake Z. Podziemny Śląsk. Warszawa, 1968, s. 80.
- ²⁹ AMSW, t. 295/478, k. 51; t. 295/475, k. 52.
- ³⁰ Bór-Komorowski T. Op. cit., s. 289—290.
- ³¹ Kirchmayer J. Powstanie warszawskie. Op. cit., s. 348.
- ³² AMSW, t. 295/478, k. 1, 88; t. 295/472—1/7, k. 11; PSZ. Op. cit., t. III, s. 638.
- ³³ CA KC, t. 203/I — 2; PSZ. Op. cit., t. III, s. 638, 645; WIH, t. 10/VII/15, k. 128, приказ командующего АК округа Лодзь от 8.IX.1944.
- ³⁴ Babiński W. Wymiana depeesz. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1973, z. 23, s. 78—81.
- ³⁵ Sołtysiak M. Chtopcy Barabasza. Warszawa, 1965, s. 150.
- ³⁶ Tuszyński W. Realizacja planów operacyjnych AL w działaniach partyzanckich na Lubelszczyźnie i Kielecczyźnie. — WPH, 1962, № 22, s. 124—127, 130—132; Nazarewicz R. O realizacji planu "Burza" w okręgach АК Radom i Łódź. — WPH, 1963, nr 2, s. 61—91; Hillebrandt H. Partyzantka na Kielecczyźnie, Warszawa, 1973, s. 334—380; Ważniewski W., Walki partyzanckie nad Nidą. Warszawa, 1969; s. 211—263; Kozanecki A., Szczygieł A. Z problematyki rozwoju antyhitlerowskiego ruchu oporu na Podhalu i w Sądecczyźnie. — Studia Historyczne, 1971, № 3.
- ³⁷ Płoski S. Op. cit., s. 152—153.
- ³⁸ PSZ. Op. cit., t. III, s. 901, приказ «Бура» от 4.X.1944; АК в документах. Op. cit., t. V., s. 43—44.
- ³⁹ Bundesarchiv, Koblenz, r. 20/456, заметка от 4.X.1944.
- ⁴⁰ Płoski S. Op. cit., s. 147—153; Bugajak K. Z problematyki kapitulacji dowództwa АК w Warszawie 1944 r. — WPH, 1972, № 2, s. 354—355, 360.
- ⁴¹ CA KC, t. 202/I — 4, k. 306, срочная радиogramма Миколайчика Делегату от 2.X.1944
- ⁴² CA KC, t. 295/VII — 163, k. 186 — 201; Organizacja i działania... Op. cit., t. II, cz. I, s. 694—699; Kliszko Z. Op. cit., s. 112, 302—314; Borkiewicz A. Op. cit., s. 685—699.
- ⁴³ Borkiewicz A. Op. cit., s. 685—699.
- ⁴⁴ WIH, микрофильм VII/2/626.
- ⁴⁵ Krannhals H. Op. cit., s. 412, донесение командующего 9-й армии фон Люттвица от 9.X.1944; Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 619—620, телеграмма Фишера Франку 11.X.1944.
- ⁴⁶ Kirchmayer J. Powstanie Warszawskie. Op. cit., s. 409, 415, 418; Borkiewicz A. Op. cit., s. 38, 501, 522, 536.
- ⁴⁷ CA KC, mf. 1153, реляция Яна Жепецкого.
- ⁴⁸ АК в документах. Op. cit., t. V, s. 43, 88, радиogramма от 8 и 21.X.1944; Nazarewicz R. Drogi do wyzwolenia. Op. cit., s. 474—490.
- ⁴⁹ Zeszyty Historyczne, Paryż, 1969, z. II, s. 233—237.
- ⁵⁰ Ludność cywilna... Op. cit., t. II, s. 701.

Kirchmayer J. Uwagi i polemiki. Warszawa, 1958, s. 163—165. Этот автор считает, что потери германских войск в ходе подавления восстания составили около 12 тыс. чел. Он полемизирует с фон дем Бахом, по данным которого в боях с повстанцами было убито 10 тыс., пропало без вести 7 тыс., было ранено 9 тыс. немецких солдат. Boriewicz A. Op. cit., s. 550, подает данные на основе донесения 9-й немецкой армии — 8951 чел. в период с 1.VIII по 16.IX.1944; Krahals H. Op. cit., s. 213—215, называет число 11 тыс. чел. История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. IV. М., 1964, с. 287.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая попытка оценить Варшавское восстание 1944 года как историческое событие требует учета его необычайной сложности, внутренней противоречивости и неоднозначности классово-политических конфликтов. Отсюда следует вывод о двойственном характере восстания в Варшаве.

Основанием для этого вывода является факт, что в ходе восстания активное участие в борьбе с общим врагом польской нации как единого целого приняли оба главных политических лагеря, представлявшие интересы социально противоположных классов польского общества. Инициатива восстания, выбор союзников, выбор момента вооруженного выступления, политическое и военное руководство оказались в руках группировок, связанных с эмигрантским правительством в Лондоне, выражавшим интересы господствовавших ранее в Польше классов — буржуазии и помещиков, — стремившихся любой ценой реализовать свои классовые цели, а главное — восстановить капиталистическую Польшу. Именно этим целям они подчинили самые жизненные общенациональные интересы.

Представители большинства народа — рабочий класс, крестьяне и другие слои трудящихся — во главе с ППР и другими антифашистскими и демократическими объединениями, сплотившимися вокруг Крайовой Рады Народовой и созданного ими ПКНО, были поставлены перед фактом восстания, в военном отношении направленного против Германии, а в политическом — против них. В послевоенные годы политические цели восстания уже не скрывались. «Поражение немцев в Варшаве было призвано стать средством раздувания конфронтации между освобожденной и сплоченной столицей и советским руководством», — повторим это утверждение эмигрантского историка¹. Но организаторы и руководители восстания в то время не раскрывали своих политических целей ни перед повстанцами из АК, ни перед общественностью столицы, ни перед страной, ни в пропаганде, предназначенной для международного общественного мнения. Повстанцы, которые были готовы к высочайшему самопожертвованию в борьбе с ненавистным врагом,

понимали свое участие в восстании как выполнение долга перед отеччиной.

Хотя политическая концепция восстания по сути выражала реакционные, контрреволюционные цели, скрываемые, маскируемые перед народом патриотическими лозунгами, ввиду того, что восстание против гитлеровской Германии поддержало население Варшавы и на борьбу поднялись патриотические повстанческие отряды, в восстание включились силы, сплотившиеся вокруг КРН.

Восстание приобрело народный антифашистский характер. Двухмесячная героическая борьба повстанцев и населения Варшавы стала важным вкладом Польши в победу.

Двойственный характер Варшавского восстания привел к тому, что почести, воздаваемые героям его баррикад и многим тысячам жертв ужасной варшавской трагедии, наивысшее уважение, оказываемое патриотическим и свободолюбивым идеям, которые вдохновляли повстанцев, а также польских и советских солдат, сражавшихся за освобождение столицы Польши, порой превратно интерпретируются как одобрение всех политических идей и концепций, нашедших отражение в этом восстании.

Этим же объясняется и то, что проблемы восстания и теперь муссируются противниками социалистической Польши, пользуясь недостаточной осведомленностью о разных его аспектах, пробелами в общественном сознании и различными удобными предложениями, например, очередными годовщинами восстания. Повторяются попытки навязать фальшивые интерпретации его событий и сокрытия его действительных целей, а вместе с тем не критичного прославления трактуемого как однородное явление восстания и его вождей. Этому сопутствуют попытки гонений или даже морального шантажа в отношении всех тех, кто правильно, а не упрощенно оценивает суть восстания как явления сложного. Предпринимаются усилия для того, чтобы как-то затушевать ответственность военных и гражданских политиков как за рубежом, так и в Польше, по вине которых оно приняло именно такие формы, скрыть ее за настоящим мужеством и самоотверженностью повстанцев. Героизм бойцов Армии Крайовой эти политики и их апологеты пытаются обратить во славу тех, кто спровоцировал и руководил восстанием. Этому же должны служить эксгумированные и широко распространяемые тезисы, содержащиеся в публикациях непосредственных организаторов трагедии, последствия которой в течение десятилетий тяжелым грузом лежали на плечах польского народа.

Однако слава и признание героизма повстанцев и населения Варшавы не исключают, а требуют справедливой оценки целей организаторов восстания. Ведь нет противоречия между справедливой, принципиальной критикой политических концепций, которые лежали в основе действий предводителей буржуазного лагеря, и пониманием громадного значения борьбы и стойкости, проявленной повстанцами и варшавянами.

В военном смысле эта борьба два месяца связывала и оттяги-

вала крупные силы немцев с главной арены войны. Она блокировала варшавский транспортный узел, создавала угрозу для немецкой оборонительной группировки над Вислой и ее тылов. Эта борьба перечеркнула расчеты всех, кто считал возможным превратить восстание против оккупантов в контрреволюционную и антисоветскую акцию.

Эта самая крупная по масштабам и продолжительности из битв движения Сопротивления в Польше и в Европе еще раз показала несгибаемый патриотизм населения Варшавы, его стойкость перед гитлеровскими оккупантами, доказанные самыми страшными жертвами². Несгибаемость повстанцев в защите независимости Родины, свободы и жизни соотечественников, в борьбе с фашизмом и варварством всегда будет образцом патриотизма, наивысших моральных ценностей и воинской доблести.

В борьбе объединились солдаты различных подпольных формирований и народного Войска Польского, свидетельствуя, что нет более важного дела, чем защита единой Родины, что перед лицом смертельной угрозы всей нации поляки должны договориться, несмотря на существующие классовые и политические различия и противоречия. Однако эту возможность не захотели использовать те, кто в течение долгих лет оккупации призывал беречь силы, а затем эти силы растратил, организовав акцию, которая стала наиболее легкомысленным и кровопролитным шагом в истории польского народа³. Трагизм этих жертв заставляет особо осознать, что в таких размерах их можно было избежать. Они стали следствием внутренней политики буржуазных кругов, готовых на все для того, чтобы навязать Польше свою власть. Они стали также следствием их внешней политики, основанной на слепой вере в западных союзников и враждебности по отношению к ее близкому соседу на востоке, продиктованной классовой ненавистью к первому в мире социалистическому государству — СССР. Такую политику, противоречившую жизненным интересам Польши, не могут оправдать даже ошибки тогдашнего советского руководства в национальной политике в отношении польского народа, особенно в 1939—1941 годах, которые отталкивали от СССР его многих потенциальных друзей.

Еще и сейчас предпринимаются попытки минимализации трагических итогов восстания. Этому служит также тезис о духовной и моральной и даже политической победе восстания. Инициаторы Варшавского восстания выдвинули этот тезис еще в ходе восстания, когда масштабы жертв поставили на повестку дня вопрос об их ответственности за отсутствие военной подготовки, за отсутствие согласованности действий с армией, которая осуществляла дело освобождения Польши от немецкой оккупации⁴.

Анализ ужасных последствий этой политики и размеров трагедии нередко приводит к крайним выводам, в частности к осуждению Варшавского восстания в целом. Поэтому необходимо однозначно подчеркнуть, что вооруженная борьба с гитлеровскими ок-

купантами была национально-патриотическим долгом всех способных к ней сынов польской земли, что вооруженное восстание, хорошо подготовленное с политической и военной стороны и начатое в надлежащий момент, могло стать фактором огромного значения в этой борьбе. Такую позицию в данном вопросе заняли ППР, РППС, другие прогрессивные и революционные партии и организации, объединенные в Крайовой Раде Народовой. Однако не эта позиция главенствовала при решении вопроса о восстании и формах политического и военного руководства им.

Такова уж закономерность войны, что за ошибки командиров своей кровью и жизнями расплачиваются солдаты. И за это платили бойцы Варшавского восстания. Но защищали они Польшу и свой город, а не возможность занять посты окопавшимся в Лондоне министрам и генералам. Збигнев Залуский так писал об этом: «Потому что парни, которые защищали баррикады на ул. Пивной, профессорский дом на ул. Бжозовой, дом Идзиковского, 4, не думали о конституции 1935 года, да и Рижский трактат не был для них нерушимой догмой. Для них речь шла о Польше и жизнях сотен тысяч людей. Их волновала не судьба правительства в Польше, а судьба народа»⁵.

Варшавское восстание было последней битвой, проигранной поляками, виновниками которой были вожаки буржуазии. «Капитуляция восстания была чем-то бóльшим, чем простое прекращение борьбы в Варшаве. Она была крушением определенной политической концепции», — утверждал один из тех высших офицеров АК, кто оказался способен к ее критической оценке⁶.

Однако крах буржуазной концепции мог стать одновременно и национальным поражением. Знаменем новой эпохи стало то, что с тех пор право решать судьбы народа взял в свои руки польский рабочий класс, польский народ.

Из этого трагического урока польский народ извлек надлежащие выводы. Он навсегда отказал в праве управления Польшей тем, чьи классовый эгоизм и ослепление, а также отсутствие чувств ответственности принесли столь страшные результаты. Он доверил свою дальнейшую судьбу тем политическим силам, которые представляли решительное большинство народа, — рабочему классу, крестьянам, трудящейся интеллигенции — и сумели обеспечить Польше участие в военной победе и вступление на путь строительства общества социальной справедливости — социализма.

В январе 1945 года были освобождены левобережная Варшава и остальные польские земли. Позднее были вооруженным путем вызволены исконные польские земли над Одрой, Нысой и Балтийским морем. Солдат народного Войска Польского, чью столицу несколько месяцев назад варварски уничтожали вместе с ее жителями гитлеровские агрессоры и оккупанты, штурмовал вместе со своим советским союзником столицу врага — Берлин.

Под руководством ППР — партии польских коммунистов — польский народ и его народные вооруженные силы, сражавшиеся

в братском союзе с Красной Армией, одержали победу в войне с Германской империей, государством фашизма, агрессии и геноцида.

Польский народ не забыл о своем трагическом одиночестве в сентябре 1939 года, о трагических днях сражавшейся Варшавы в 1944 году, поэтому Народная Польша пошла по пути союза и дружбы с СССР и другими странами социализма. В таких отношениях естественно сочетаются их национальные и государственные интересы.

Благодаря усилиям и долголетней самоотверженности всего народа, и особенно благодаря самоотверженному труду польского рабочего класса, Варшава поднялась из руин и снова стала большим и красивым европейским городом. Весь народ восстанавливал свою столицу. Весь народ чтит также память героев Варшавского восстания — акта наивысшего самопожертвования польского народа, доказательства его непреклонной патриотической и антифашистской позиции.

¹ Siemaszko Z. S. Op. cit., s. 60.

² См. также Wroński S. Czy była to tylko bitwa o Warszawę? — Nowe Drogi, 1979, № 8.

³ Siechanowski J. Gehenna warszawiaków. — Zeszyty Historyczne, Paryż, 1983, z. 64, s. 222.

⁴ СА КС, т. 203/VII-5, к. 26; Polityczna wygrana powstania. — Robotnik WRN, № 27, 28. VIII. 1944.

⁵ Przedmowa Załuskiego Z., w: Komornicki S. Op. cit., s. 8.

⁶ СА КС, mf. 1153, к. 106, доклад Яна Жепецкого.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По разным причинам в советской историографии до сих пор нет специальных исследований о Варшавском восстании 1944 года. Поэтому как нельзя более своевременным является перевод на русский язык книги польского историка Рышарда Назаревича *. В Польше эта работа выдержала уже два издания (первое в 1980, а второе, исправленное и дополненное, — в 1985 году). Автор книги, профессор, доктор исторических наук, работает сейчас в Институте истории рабочего движения Академии общественных наук Польской объединенной рабочей партии. Перу его принадлежит ряд фундаментальных научных работ, среди которых наряду с книгой о политических проблемах Варшавского восстания и такие исследования, как «Пути к освобождению» (1979) и «Вместе на тайном фронте» (1983). В первом речь идет о сложных, извилистых дорогах, которые польский народ прошел в годы второй мировой войны в борьбе за национальное возрождение и победу народной власти. Второе посвящено боевому содружеству польских и советских людей, ни на минуту не прекращавших сопротивление гитлеровским оккупантам на временно захваченных ими территориях Польши и Советского Союза.

Его книги написаны не только со страстью ученого, стремящегося выяснить перипетии исследуемых явлений и процессов. Предметом его изучения являются события, участником или свидетелем которых он был. Ведь в годы фашистской оккупации Польши Р. Назаревич — активный борец антифашистского движения Сопротивления, член окружного комитета Польской рабочей партии в Ченстохове, и в Центральном архиве ЦК ПОРП в Варшаве в фондах военного времени хранятся документы, подписанные «Стефан» (тогдашний псевдоним автора).

Кроме материалов этого архива, в книге использованы документы ряда других польских хранилищ (Архива новых актов, Военно-исторического института, Центрального военного архива,

* До этого на русский язык были переведены воспоминания участника тех событий, члена ЦК ППР З. Клишко (Z. Kliszko. Powstanie Warszawskie. Warszawa. 1967, рус. пер. М., 1969).

Архива министерства внутренних дел), а также Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Немецкого центрального архива в Потсдаме (ГДР) и Федерального архива в Кобленце (ФРГ). Широко привлечены автором публикации документов по военной политической и дипломатической истории, вышедшие в Польше, СССР, Англии и Франции. (Сам Р. Назаревич тоже выступал публикатором документов о Варшавском восстании.) Знаток архивных и опубликованных материалов, автор прекрасно ориентируется в обширной историографии и второй мировой войны в целом и Варшавского восстания в частности. Причем одинаково хорошо в изданиях не только на польском и русском, но также на английском и немецком языках.

Характерная черта книги — ее полемичность. Автор с фактами в руках критикует тех западных (особенно эмигрантских польских) историков, которые пытаются обелить действия зачинщиков восстания и свалить вину за его поражение на командование Красной Армии, якобы намеренно приостановившее в августе 1944 года свое летнее наступление именно на подступах к героически борющейся с превосходящим врагом Варшаве и безучастно наблюдавшее чуть ли не до начала второй декады сентября за тем, как расщепевшиеся солдаты вермахта расправляются с почти безоружными повстанцами.

В задачу Р. Назаревича не входило подробное раскрытие хода восстания, описание беспримерного героизма и самоотверженности повстанцев, в течение двух долгих месяцев оказывавших упорное сопротивление до зубов вооруженному жестокому и коварному врагу. Основное содержание книги — это полный драматизма документированный рассказ о сути трагедии, разыгравшейся в августе—сентябре 1944 года в польской столице. Тогда польские буржуазные политики и военные, воспользовавшись тем, что Красная Армия приближалась к Варшаве, и рассчитывая на то, что отступавшим немецким войскам не удастся удержать ее, решили поднять в польской столице восстание и, овладев ею, провозгласить там власть польского эмигрантского правительства. Тем самым они думали поставить Советский Союз и мировое общественное мнение перед свершившимся фактом.

При этом не была принята во внимание не только складывавшаяся к началу августа на советско-германском фронте ситуация. Не учитывалась ни плохая подготовленность находившихся в Варшаве отрядов Армии Крайовой к решительной схватке с врагом, ни их слабая вооруженность. Советское командование не было информировано о планах восстания, как, впрочем, и командование Армии Людовой. Его вдохновители и непосредственные руководители и не помышляли о какой-либо координации своей акции с действиями Красной Армии и сражавшегося плечом к плечу с нею народного Войска Польского.

Героический порыв рядовых солдат АК — патриотов и населения Варшавы, — горячо стремившихся поскорее освободиться

от кровавого кошмара гитлеровской оккупации, был использован буржуазными польскими политиками и военными ради того, чтобы одним ударом восстановить в стране власть тех, кто привел ее к национальной катастрофе в сентябре 1939 года. Как показано в книге, восстание было именно политической акцией. Поэтому его инициаторов мало интересовали вопросы военно-технической подготовленности восстания и согласования его начала и хода с действиями Красной Армии. Ведь они видели в Советском Союзе прежде всего своего классового врага и рассчитывали на то, что среди поляков сохранялись антирусские и антисоветские настроения, питаемые воспоминаниями о политике царизма в отношении их родины и соответствующей интерпретацией советско-германских договоров августа—сентября 1939 года. Эти политики и военные не учли, однако, того, что их соотечественники все яснее осознавали ту истину, что освобождение придет с Востока и принесет его победоносная Красная Армия. В книге нарисована убедительная картина изменения настроений даже в среде командного состава АК, и в первую очередь отношения к Советскому Союзу и армии нараждающейся новой Польши.

Логическим завершением политических махинаций буржуазных польских политиков и военных, пишет Р. Назаревич, стало их поведение в дни, когда появился шанс на объединение военных усилий повстанцев и воинов народного Войска Польского, форсировавших Вислу и закрепившихся на Чернякувском плацдарме. Вместо того чтобы (как это и предлагали, например, руководители Армии Людовой) пробиваться к Висле на соединение с польскими войсками, оборонявшими этот плацдарм, командование АК отдало повстанцам приказ держаться в центре города и одновременно продолжало переговоры с фашистскими карателями о капитуляции.

Огромный интерес представляют те страницы книги, где автор пишет о том, как отнеслись к восстанию союзники по антигитлеровской коалиции. Англия и США, хотя они и знали о предстоящем восстании, не торопились с помощью повстанцам, ссылаясь на то, что польская столица находится в сфере операций Красной Армии, а также на большие якобы потери, которые несли их авиационные части, совершавшие полеты на Варшаву. (Кстати, потери эти несли прежде всего польские, а не британские летчики.) Вскоре Англия прекратила вообще эти операции, а США осуществили единственный челночный полет своих бомбардировщиков через Варшаву только 18 сентября, хотя пригородные для них аэродромы под Полтавой, разбитые немецкой авиацией 21 июня, были восстановлены и предоставлены им уже 10 сентября.

Помощь, оказанная повстанцам с Запада путем доставки оружия, боеприпасов и продуктов питания, сброшенных с самолетов, была в 2,5 раза меньше, чем помощь, доставленная советскими летчиками. И это несмотря на нежелание коман-

дования АК и Делегатуры польского эмигрантского правительства в стране установить взаимодействие с Красной Армией. Если западные поставки воздухом повстанцам прекратились уже 18 сентября, то советская авиация продолжала эти операции до 30 сентября, то есть вплоть до известия о готовности командования АК капитулировать перед оккупантами. Эти и многие другие приводимые автором факты свидетельствуют: Советское правительство, учитывая, что варшавские повстанцы независимо от политических намерений их руководителей являются союзниками Красной Армии в борьбе с фашизмом, делало все в тех условиях возможное, чтобы облегчить их положение.

Со страниц книги встают фигуры польских буржуазных политиков — премьера эмигрантского правительства С. Миколайчика и Я. Янковского, возглавлявшего Делегатуру этого правительства в стране, генерала К. Соснковского, сначала министра того же правительства по делам страны, а затем главнокомандующего подчиненных этому правительству вооруженных сил. Перед читателем предстают и те, кто руководил Армией Крайовой, — ее командующий генерал Т. Коморовский и непосредственный руководитель повстанческих сил в Варшаве полковник (с 15 сентября генерал) А. Хрусьцель.

Р. Назаревич стремился выяснить мотивы их действий, прибегая с этой целью к анализу их переписки, распоряжений, высказываний и мемуаров. Четко отделяет он этих политических авантюристов от тысяч и тысяч польских патриотов, искренне веривших в то, что своим активным участием в восстании они приближают момент освобождения Варшавы и всей Польши из-под фашистского гнета. С большой симпатией пишет он об истинных героях величайшего в истории польского движения Сопrotивления вооруженного выступления против гитлеровских оккупантов.

Воздавая должное бойцам как Армии Людовой, так и Армии Крайовой, с горечью рассказывает польский историк о том, как за их спиной договаривались с врагом о капитуляции зачинщики восстания, не пожелавшие установить боевого взаимодействия с Красной Армией и смертельно боявшиеся, что подчиненные им повстанцы быстро найдут общий язык с солдатами народного Войска Польского и вольются в его ряды.

Последствия восстания для польской столицы и ее жителей были, как показано в книге, поистине ужасающими. Подавив его, гитлеровцы варварски разрушили город и зверски расправились с его населением. Ответственность за эту трагедию несут и те, кто ради достижения своих корыстных классовых целей безжалостно бросил в геенну красавицу Варшаву и ее героических защитников.

Нельзя не присоединиться к выводам, которые Р. Назаревич делает на основании тщательного изучения многих сотен документальных свидетельств. Да, Варшавское восстание имело двойственный характер. В нем активно участвовали представители обоих главных течений польского движения Сопrotивления. Замысел

восстания и руководство им находились в руках тех, кто любой ценой хотел восстановить буржуазный строй в стране. Его зачинщики скрыли свои истинные политические цели даже от солдат Армии Крайовой. Население Варшавы горячо поддержало их повстанческий порыв. В создавшейся ситуации силы польской демократии, объединенные вокруг Крайовой Рады Народовой, не могли остаться в стороне от восстания, которое в военном отношении было направлено против нацистской Германии. Активное участие в нем приняли отряды Армии Людовой. В результате оно превратилось в общенародное антифашистское выступление, хотя политические цели его руководителей до конца оставались реакционными. Р.Назаревич справедливо подчеркивает, что поражение Варшавского восстания знаменовало полный крах политической концепции буржуазного лагеря, возглавляемого эмигрантским правительством. Решение судеб страны окончательно перешло в руки самого польского народа, а политическая инициатива — к его революционному авангарду, возглавляемому польскими коммунистами.

Конечно, автор не мог да и не стремился выяснить все аспекты Варшавского восстания. Свою главную исследовательскую задачу — охарактеризовать его внутривосточную проблематику — он, однако, блестяще выполнил. Его книга, заняв прочное место в новейшей историографии второй мировой войны, дает импульс дальнейшему изучению одного из сложнейших ее событий. Издание этой работы на русском языке, будем надеяться, поспособствует активизации усилий советских историков прежде всего в двух направлениях.

Во-первых, следует на основе имеющихся в наших архивах документов и материалов тщательно проследить действия Красной Армии на подступах к Варшаве в августе—сентябре 1944 года, показать причины того, почему в конце июля — начале августа наши войска не смогли выполнить поставленную перед ними задачу взять правобережную часть Варшавы — Прагу, выйти севернее Варшавы к Висле и Нареву и захватить плацдарм на их левых берегах. Выяснение всех обстоятельств ожесточенных боев на подступах к Варшаве в те дни очень важно, кроме всего прочего, для разоблачения версий западной (в том числе польской эмигрантской) историографии о преднамеренной остановке наступления 1-го Белорусского фронта на Варшаву. То же самое относится и к его операции по овладению Прагой, возобновленной 10 сентября. По прошествии 45 лет после этих событий советские историки, используя архивные материалы, могли бы наконец аргументированно объяснить военную оправданность именно этого срока перехода наших войск в новое наступление на Варшавском направлении.

Во-вторых, следует на основе как советских, так и англо-американских документальных материалов показать, почему перерыв в челночных операциях авиации западных союзников длился

с 27 июня до 18 сентября. Только ли потому, что были непригодны необходимые для осуществления этих операций аэродромы под Полтавой? Вопрос о начале 10 сентября новых наступательных действий 1-го Белорусского фронта под Варшавой и данным в тот же день согласия Советского правительства на возобновление челночных операций до сих пор используется в западной литературе для разного рода бездоказательных предположений об изменении позиции советского руководства (прежде всего И. В. Сталина) в отношении Варшавского восстания. Поэтому крайне необходимы исследования, которые бы выявили все аспекты политики Советского правительства в польском вопросе, так или иначе касающиеся событий в польской столице в августе—сентябре 1944 года.

В своей книге Р. Назаревич подробно характеризует планы польских буржуазных политиков и военных, которые, поднимая в Варшаве восстание, надеялись на то, что Советский Союз ради сохранения единства антигитлеровской коалиции вынужден будет считаться с наличием в освобожденной от врага польской столице эмиссаров правительства, с которым уже больше года назад разорвал дипломатические отношения. О том, насколько тщетны были такого рода надежды, убедительно свидетельствует последовательная поддержка Советским правительством Крайовой Рады Народовой и Польского комитета национального освобождения как единственных представителей законной власти на освобождаемых польских землях. Кроме того, достаточно вспомнить судьбу возглавляемой генералом Л. Окулицким конспиративной сети Армии Крайовой в тылу Красной Армии, чтобы предположить, какая участь ждала Я. Янковского и других членов эмигрантского правительства, находившихся в Варшаве, если бы советские войска вступили в нее до капитуляции восстания.

Польский вопрос был одним из самых острых во взаимоотношениях трех союзных держав антигитлеровской коалиции. Англия и США стремились использовать разногласия по этому вопросу для того, чтобы оказать давление на Советский Союз, кровно заинтересованный в таком его решении, которое учитывало бы национальные чаяния польского народа и обеспечивало безопасность наших западных границ. Особую активность проявлял в польском вопросе У. Черчилль, придававший большое значение созданию под буржуазным контролем «теневых армий» (типа Армии Крайовой) в оккупированных нацистами странах. Вопрос о характере и политических целях действий таких формирований, сводившихся к тому, чтобы любым путем сохранить в этих странах старые буржуазные порядки, не так давно анализировался в советской печати*. Как выясняется, проблема восстания в Варшаве неоднократно обсуждалась правительством Великобрита-

* Безыменский Л. Почему Уинстон Черчилль ответил отказом. — «Новое время», 1988, № 33—36.

нии и польским эмигрантским правительством начиная с осени 1943 года. Однако западные союзники не сообщили об этом Советскому правительству. Они не сделали этого даже в преддверии восстания. Между тем такое сообщение, несомненно, было бы учтено при планировании операций 1-го Белорусского фронта. Но этого не хотели ни зачинщики восстания, ни их западные единомышленники. Ведь это грозило тем, что восстание, о котором узнало бы советское командование, потеряло свой политический смысл (захват польской столицы непосредственно перед вступлением в нее Красной Армии). Кроме того, советское командование, учитывая обстановку на этом участке фронта, скорее всего, посоветовало бы повременить с началом такого восстания.

Все эти и другие внешнеполитические аспекты Варшавского восстания еще ждут своих исследователей, как и вопрос о советских людях — его участниках. В книге Р. Назаревича упомянуты лишь некоторые из посланных советским командованием в сентябре 1944 года к повстанцам связистов. Но известно, что в восстании участвовали с оружием в руках советские люди, оказавшиеся в то время в польской столице. Мне довелось познакомиться и несколько лет переписываться с жившим в Сочи А. А. Матосяном. Он сражался как повстанец в одном из отрядов Армии Людовой, имел боевые польские награды и скончался в феврале 1985 года, так и не успев, к сожалению, получить учрежденный правительством Польской Народной Республики в честь 40-летия Варшавского восстания Повстанческий крест. Матосян рассказывал мне и о других наших соотечественниках, активно участвовавших в восстании.

В истории второй мировой войны в целом и советско-польских отношений того времени есть «белые пятна», о которых так много сейчас говорят и пишут и в Польше, и в СССР и к которым приковано внимание специальной комиссии историков двух стран. Книга Р. Назаревича, входящего в эту комиссию, двигает вперед дело избавления от «белых пятен» в истории двусторонних отношений, а это крайне важно для укрепления дружбы советского и польского народов.

И. В. Созин

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андерс, Владислав — 20, 21, 22, 82, 155
 Антонов, Алексей — 169
- Багинский, Казимеж — 159
 Бальцезак Янина — 161, 164, 168
 Бартлетт, В. — 124
 Бартельский, Леслав — 13, 185
 Барыла, Мариан — 97
 Бах фон дем, Эрих — 106, 151, 152, 155,
 161, 179, 200, 206, 209, 212
 Бевзюк, Войцех — 166, 167
 Белецкий — 77
 Белинский, Немир — 100
 Бем, Юзеф — 134
 Бенеш, Эдуард — 40
 Бень, Адам — 78, 84, 109, 159
 Берлинг, Зыгмунт — 6, 36, 43, 46, 48, 53,
 71, 77, 125, 127, 148, 167, 170, 172, 175,
 176, 177, 179
 Берут, Болеслав — 110, 159, 194
 Биркамп, Вальтер — 92
 Бобровский, Зыгмунт — 201
 Богданов, Семен — 88
 Богуславский, Станислав — 142
 Бокшчанин, Януш — 84, 90
 Боркевич, Адам — 13
 Брук, Алан Ф. — 138
 Булганин, Николай — 148, 172
 Бушманов — 134, 135, 136
 Бялорус, Рышард — 179
- Вардейн-Загурский, Тадеуш — 126
 Ваттаи, Витез — 151
 Вебер, Анджей — 143, 147
 Вебер, Станислав — 137
 Веденеев, Николай — 89
 Венцковский, Кароль — 168, 171, 197
 Вильсон, Генри Мэйтланд — 81
 Власов, Петр — 119, 134, 135, 148
 Войцеховский, Зыгмунт — 106
- Гарриман, Уильям Аверелл — 180
 Гаця, Станислав — 171
 Гелен, Рейнхард — 111
- Герц, Эмиль — 136
 Гиммлер, Генрих — 106, 152, 211
 Гитлер, Адольф — 71, 105, 152, 211
 Гомулка, Владислав — 40, 74
 Гонсёровский, Тадеуш — 143
 Грабский, Владислав — 40, 74
 Гудериан, Гейнц — 88
 Гусев, Николай — 165
- Де Голль, Шарль — 121
 Дирливангер, Оскар — 212
 Доротыч-Малевич — 102
 Дробнер, Болеслав — 159
 Духиньская, Алиция — 161
- Желиговский, Люциан — 212
 Жепецкий, Ян — 137, 198, 212
 Жимерский, Михал — 48, 62, 66, 110,
 126, 158, 161, 166, 170, 172, 188, 189,
 190, 200, 201
 Жиленков — 2, 136
 Жуков, Георгий — 111, 172, 176, 177
 Журавский, Антоний — 201
- Залуский, Збигнев — 180
 Заремба, Зыгмунт — 128
 Захаров, Георгий — 111
 Земский, Кароль — 143, 160
 Зентарский, Мечислав — 208
 Зеньч, Зыгмунт — 146
- Иден, Роберт Антони — 109
 Ижицкий, Матеуш — 119
 Иранек-Осмецкий, Казимеж — 86, 115,
 139, 141, 198, 210
 Исмей, Гастингс — 81
- Калугин, Константин — 14, 110, 111,
 119, 126, 133, 134, 135, 136, 137, 138,
 139, 146, 149
 Кальтенбруннер, Эрнст — 151
 Каминский, Бронислав — 105

- Каузик, Станислав — 187
 Квапинский — 107, 108, 126
 Кведицкий, Винценты — 146
 Келлер, Ганс — 166, 197
 Киверский, Ян — 45
 Кирхмайер, Ежи — 13, 181, 207
 Ковальский, Александр — 97, 159, 160
 Ковальский, Болеслав — 100
 Ковальская, Изольда — 97, 161
 Ковальчик, Юзеф — 135
 Козловская, Хелена — 97
 Колос, Иван — 171, 185, 211
 Коморницкий, Станислав — 175
 Коморовский, Тадеуш — 30, 32, 33, 36, 43, 46, 47, 71, 72, 79, 80, 81, 83, 84, 87, 101, 102, 107, 109, 113, 115, 116, 118, 122, 133, 138, 140, 145, 148, 152, 157, 158, 160, 161, 170, 171, 183, 184, 185, 186, 188, 190, 198, 201, 208, 209, 210, 212, 224
 Копаньский — 155
 Корбоньский, Стефан — 199
 Королев, Иван — 182
 Корчинский, Гжегож — 77, 137
 Кропивницкий, Юзеф — 189
 Кузьмин, Иван — 166, 175
 Кукель, Мариан — 70, 84, 155, 212
 Кшыжак, Казимеж — 137
- Латышонок, Станислав — 177, 179
 Лебедев, Виктор — 40
 Леги, Уильям — 30
 Лога-Совицкий, Игнаций — 135, 148
 Люттвиг фон, Смило — 179
- Мадайчик, Чеслав — 13
 Мазуркевич, Ян — 106, 175, 184, 185
 Малышкин — 136
 Маргулес, Юзеф — 13
 Маршевский, Зыгмунт — 212
 Матосян, Аркадий — 100, 227
 Малэцкий, Юзеф — 142, 144, 158
 Межа — 159
 Межициан, Ян — 167
 Миколайчик, Станислав — 30, 33, 34, 40, 53, 64, 70, 74, 78, 80, 81, 82, 83, 99, 102, 110, 111, 112, 114, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 139, 155, 159, 161, 170, 187, 210, 212, 224
 Миллер, Ромуальд — 159
 Миткевич, Леон — 27, 28, 30
 Молотов, Вячеслав — 83, 110, 125
 Монтгомери, Бернард Лоу — 42
 Моравская, Ганна — 161
 Моцарская, Хелена — 171
- Недзельский, Мечислав — 171, 197, 211
 Незабытовская, Виктория — 171
- Нетзер, Зыгмунт — 178, 179
 Новак, Ян — 50, 75, 76, 81
 Новак-Езераньский, Ян — 85, 145
 Новицкий, Станислав — 60
- Окулицкий — 50, 75, 76, 87, 93, 117, 210, 226
 Оссовецкая, Евгения — 134
 Осубка-Моравский, Эдвард — 159
- Пайдак, Антонин — 78
 Пачковский, Альфред — 147
 Пашковский, Збигнев — 97, 178
 Пекалевич, Ян — 30
 Пелчинский, Тадеуш — 25, 71, 72, 81, 86, 87, 101, 107, 138
 Пеняк, Чеслав — 170, 184
 Петрусая, Владислав — 134
 Петрыковский, Анджей — 159
 Пий XII — 117
 Пилсудский, Юзеф — 12, 87
 Плавская, Ева — 101
 Плюта-Чаховский — 86
 Попель, Кароль — 119
 Попов, Василий — 165
 Птасинский, Ян — 148
 Пужак, Казимеж — 82, 101, 102, 108, 117
 Пшигоньский, Антоний — 13
 Пясковская, Владислава — 129
- Рачинский, Эдвард — 79, 108, 116
 Рачкевич, Владислав — 29, 35, 74, 117, 125, 210, 212
 Рейнефарт, Гейнц — 105, 212
 Рейнхардт, Ганс — 161
 Ровецкий, Стефан — 17, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29
 Розлюбирский, Эдвин — 160
 Рокицкий, Юзеф — 197
 Рокоссовский, Константин — 71, 82, 110, 111, 112, 128, 138, 140, 142, 143, 147, 157, 161, 165, 170, 171, 172, 176, 184, 185, 199
 Ромер, Тадеуш — 74
 Рор, Гюнтер — 74
 Руденко, Сергей — 173
 Рузвельт, Франклин Делано — 22, 36, 74, 116, 120, 123
- Саламанович, Хелена — 171
 Саргент, О. — 80
 Сваробович — 171
 Сергеев — 45
 Сикорский, Владислав — 11, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29

- Скаржинский, Александр — 13
 Скоковский — 184
 Сконецкая, Анна — 129
 Skorobogatyy-Yakubovskiy, Ян — 212
 Скорчинский, Альбин — 153, 205
 Славинский, Станислав — 158
 Слессор, Джон — 107, 191
 Собчак, Казимеж — 13
 Sosnkovskiy, Казимеж — 15, 16, 32, 36,
 37, 42, 43, 45, 46, 47, 70, 72, 74, 80, 81,
 102, 108, 119, 122, 124, 125, 138, 155,
 188, 209, 224
 Сочкарь, Семен — 135, 136
 Сталин, Иосиф — 20, 37, 38, 79, 83, 88,
 109, 110, 112, 116, 121, 122, 123, 126,
 133, 137, 138, 139, 140, 145, 169, 172,
 176, 180, 194, 199
 Стахель, Рейнер — 105
 Стражевский, Мечислав — 171
 Стшелецкий, Рышард — 144
- Тарновская, Мария — 155
 Тарновский, Ян — 97
 Татар, Станислав — 81, 139
 Телегин, Константин — 183
 Трухин — 136
 Тумидайский, Казимеж — 50, 83
- Филиппковский, Владислав — 47, 48
 Фишер, Людвиг — 213
 Форманн фон — 88, 90, 178
 Франк, Ганс — 12, 151
- Халл, Корделл — 25
 Хирш, Арсеннуш — 136
- Хрусьцель, Антоний — 71, 73, 86, 87, 92,
 93, 99, 111, 117, 137, 138, 142, 144, 158,
 160, 170, 183, 184, 187, 198, 200, 202,
 205, 224
- Цесельска-Стшелецка, Ирена — 137, 143
- Чернухин, Александр — 171
 Черчилль, Уинстон — 21, 22, 36, 37, 38,
 74, 81, 120, 123, 124, 169, 226
 Чехановский, Ян — 139
 Чуйков, Василий — 111, 167, 179, 189
- Шанявский, Ян — 185
 Шелюбский, Ян — 160
 Шостак, Юзеф — 86, 198, 202
 Штеменко, Сергей — 111, 161, 169, 172
 Штомпка, Виктор — 175
 Штумберк-Рыхтер, Тадеуш — 45
- Эйзенхауер, Дуайт Дэвид — 156
- Юзьвяк, Франтишек — 66
- Яворская, Зофья — 161
 Яворская, Хелена — 161, 168
 Яниковский, Мечислав — 134
 Янковский, Ян Станислав — 30, 33, 34,
 35, 70, 72, 78, 79, 82, 86, 101, 108, 109,
 117, 157, 159, 186, 187, 192, 201, 202,
 210, 224
 Ясиньский, Збигнев — 153

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора к русскому изданию	5
Введение	10
Часть I. ИДЕИ И ПЛАНЫ	
Глава 1. Планы польского эмигрантского правительства и его сторонников в Польше	15
Глава 2. Всеобщее восстание, или операция «Буря»	32
Глава 3. Польская рабочая партия и идея вооруженного восстания	55
Часть II. БОРЬБА И ПОЛИТИКА	
Глава 4. Предпосылки решения	69
Глава 5. Начало восстания	86
Глава 6. Действительность и пропагандистские махинации	105
Глава 7. Мнимый представитель	133
Часть III. ПОСЛЕДСТВИЯ	
Глава 8. Кризис восстания	150
Глава 9. Неиспользованный шанс	165
Глава 10. К капитуляции	197
Заключение	216
Послесловие	221
Именной указатель	228

Рышард Назаревич
ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1944 ГОД
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Редактор *Э. В. Расшивалова*
Художник *В. Б. Гордон*
Художественный редактор *Г. Н. Губанов*
Технические редакторы *А. М. Толер, Н. И. Касаткина*
ИБ №170162

Сдано в набор 24.10.88. Подписано в печать 26.04.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 16,58. Уч.-изд. л. 16,87. Тираж 16 000 экз. Заказ № 313 Цена 1 р. 60 к. Изд. № 44803.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

Отпечатано в Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ

В книге известного историка рассматриваются политические аспекты Варшавского восстания 1944 г.

Автор, опираясь на обширный, в т. ч. новый документальный материал, дает полную картину этого сложного и трагического события в истории польского национального движения в годы войны, которое разоблачило истинные классовые устремления польской буржуазно-помещичьей верхушки в эмиграции и в оккупированной стране, лишило ее авторитета в народе. В книге дана также аргументированная отповедь попыткам использовать тематику Варшавского восстания для фальсификации истории советско-польских отношений.

Расчитана на широкий круг читателей.